

СТРАННИКИ.

(Очеркъ изъ исторіи раскола).

I.

Странничество сложилось въ отдѣльную секту не раньше второй половины XVIII в. ¹⁾, но элементы его «догматики» даны самымъ началомъ старовѣрскаго движенія, а modus vivendi, признанный странниками спасительнымъ, былъ такъ же старъ, какъ русская исторія, съ которой вмѣстѣ онъ появился въ качествѣ самаго первобытнаго, спасительнаго средства отъ социальнаго зла. Такимъ образомъ, правильная оцѣнка психической «подкладки» секты, ея цѣли и смысла можетъ быть произведена только, если мы примемъ во вниманіе, прежде всего, основную тенденцію нашей исторіи и выяснимъ, какъ воздѣйствовалъ социаль-но-

¹⁾ Чтобы не пестрить статью частымъ повтореніемъ немногочисленныхъ указаній, приводимъ здѣсь перечень матеріаловъ, какими мы пользовались: Рун. Сбор. Имп. Публ. Библиот., от. I, № 515 (Записки, отчеты, мнѣнія по дѣламъ раскола. Есть записка о странникахъ и извлеченія изъ процессовъ). Прекрасное извлеченіе изъ дѣлъ комиссіи гр. Стенбока сдѣлано г. *Трефолевымъ* въ «Трудахъ Яросл. Статистич. Ком.» 1866 г., вып. I. *Щановъ*: Земство и расколъ, «Отеч. Зап.» 1861 г., № 12. «Время» 1862 г., №№ 10—11. «Правосл. Обоз.» 1864 г., ст. *Вескинскаго*; «Странникъ» 1871 г. ст. *Морошкина*; «Душеп. Чт.» 1863 г. № 12, 1864 г., № 1. (Оба сообщенія въ отдѣлѣ «Извѣстій и Замятокъ»); «Вѣстникъ Европы» 1872 г., №№ 11—12, 1873 г., № 1, ст. *Розова*; *Максимовъ*: «Бродячая Русь» (гл. о «Скрытникахъ»), Сборникъ прав. свѣд. о раск. *Кельсиева*. *Варадиновъ*: Ист. министер. внутр. дѣлъ, т. VIII. См. также «Рус. Архивъ» 1864 г. и 1866 г. (ст. *Трефолева* и мнѣніе о странникахъ *И. С. Аксакова*). «Руководство для сельск. паст.» (повр. изд.) 1874 г., №№ 14—16. «Братское Слово» 1875 г., № 4, 1876 г. № 2. Журналь «Истина» за разные годы. «Совр. Лѣт.» (издававшаяся при «Рус. Вѣст.») 1868 г., № 16, ст. *Субботина*. «Заря» 1871 г., № 9. *Ливановъ*: «Раскольники и Острож.» См. также «Вят. Губ. Вѣд.» 1859 г., № 34, «Пенз. Епарх. Вѣд.» 1866 г., № 20, «Яросл. Еп. Вѣд.» 1864 г., № 24, 27, «Верегъ» 1880 г., № 130, «Духовн. Вѣстн.» 1866 г., № 4, «Моск. Епарх. Вѣд.» 1869 г., № 9, «Донскія Епарх. Вѣд.» 1871 г., № 22.

Другіе матеріалы отмѣчаемъ въ своемъ мѣстѣ.

литическій строй на народную психику, какое основное чувство формировалось и было преобладающимъ въ пору появленія и развитія старовѣрскаго движенія. Поэтому, прежде всего, мы должны обозначить крупными, рѣзкими штрихами социальное состояніе массы во второй половинѣ XVII в. и въ XVIII в.

Колонизаціонная дѣятельность нашего крестьянства представляетъ основной, богатый важными послѣдствіями, фактъ нашей исторіи. Наша равнина такъ велика, что даже теперь, послѣ тысячелѣтней колонизаціонной работы, она заселена слабѣе, чѣмъ любая полоса остальной Европы. Понятно, что одна эта обширность равнины являлась не малымъ препятствіемъ правильнаго развитія социально-политической жизни. Всюду, гдѣ начиналась историческая жизнь, т.-е. гдѣ возникалъ сознаваемый личностью антагонизмъ между нею и обществомъ, гдѣ личности становилось душно и тѣсно въ стихійно-сложившихся формахъ быта,—она, эта личность, подыскавъ своихъ единомышленниковъ, уходила на просторъ, за предѣлы осѣдлости рода, общины,—порывала связи съ надобвавшимъ прошлымъ, даже на минуту не задумываясь надъ мыслью доставить себѣ искомый просторъ, не уходя съ роднаго пепелища. Гдѣ мало земли, доступной для заселенія, тамъ этотъ первобытный процессъ разрѣшенія антагонизма между личностью и обществомъ скоро уступаетъ мѣсто другому. Какъ только территория заселена, населеніе увеличилось, явились общественныя неравенства,—возникаетъ неизбежное недовольство классовъ и личностей, которымъ тяжело жить; сознание начинаетъ работать; является протестъ противъ сознанныхъ неудобствъ, исканіе новыхъ формъ жизни,—словомъ, прогрессъ вступаетъ въ свои права... Но когда, какъ у насъ, равнина обширна до отчаянія, когда, для исхода накопившагося недовольства, постоянно въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ открытъ клапанъ заимки пусто-порожнихъ мѣстъ, тогда понятно, что процессъ наростанія, скученія населенія происходитъ чрезвычайно медленно, незамѣтно. Не возникаетъ въ сознаніи и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы съ социальнымъ зломъ, кромѣ колонизаціоннаго ухода. Да и самое зло, отъ котораго уходитъ человѣкъ, только чувствуетъ. Отъ тяготы человѣкъ уходитъ, знаетъ, что тамъ тяжело, а почему именно, отчего главнымъ образомъ происходятъ тягости и неудобства,—о томъ почти нѣтъ и мысли. А, между тѣмъ, бытовая форма, выгодная для общественной группы, остающейся на мѣстахъ, укрѣпляется и развивается въ направленіи, опре-

дѣляемомъ, конечно, интересами господствующихъ группъ. Люди, въ положеніи протестантовъ уже ушедшихъ, или тоже уходятъ по слѣдамъ прежнихъ выходцевъ, или остаются на мѣстахъ, разрѣшая антагонизмъ между жизненной тягой и собственнымъ желаніемъ освободиться отъ нея то жалобой на горькую долю, то фаталистической сентенціей, изъ которыхъ, по нашимъ, напр., пословицамъ, можно построить цѣлую систему фатализма. Примиряясь такимъ образомъ съ данной бытовой формой, благодаря неумѣнью, недостаточности силъ (такъ какъ лучшие, наиболѣе сильные умомъ и волей люди уходятъ) выяснить опредѣленные пункты недовольства, люди эти съ теченіемъ времени даже выработываютъ и укрѣпляютъ традицію почтенія къ давящей ихъ общественной формѣ, — традицію, которая укореняется даже въ выходцахъ, въ «вольницѣ», уходящей на новыя мѣста. Вольница, уходя на новыя мѣста, устраиваясь на нихъ, бессознательно воспроизводитъ ту бытовую форму, отъ которой въ сущности и бѣжала, а съ теченіемъ времени даже объединяется съ метрополіей, отдается подъ ея крѣпкую руку и за это получаетъ привилегіи, льготы, «царское жалованіе». Само собою разумѣется, что метрополія «топора на ногу не роняетъ» и за льготы, за приманку освобожденіемъ отъ податей на 10—20 лѣтъ да выборнымъ судомъ вознаграждаетъ себя посылкою воеводы и дьяковъ—всякой приказной твари и служилой челяди, которая, обидѣвшись на мѣстѣ, скоро опутываетъ новое мѣсто крѣпкой паутиной¹⁾. А, между тѣмъ, льготы откалываютъ старозаимщиковъ отъ новыхъ пришлецовъ въ колонію, или даже и на нихъ самихъ ложатся новой тягой, потому что оказывается, что льготы даны землѣ, а не людямъ... Земля заявляетъ претензію удержать при себѣ работника, даже если онъ не видитъ въ ней проку и снова хотѣлъ бы уйти. Важская уставная грамота, напр., предоставляетъ крестьянамъ право выводить изъ-за монастырей старыхъ своихъ тяглецовъ, безданно и безпошлинно... Въ 1524 г. крестьянамъ дозволено звать къ себѣ для поселенія только нетяглыхъ и неписьменныхъ людей²⁾. Привилегію имѣть здѣсь уже собственно земля, тягло. Тяглець посильнѣе получаетъ уже право надъ маломочнымъ. Тяглець забитый и маломочный получаетъ

¹⁾ *Завѣтныя*: Ист. рус. жизни, ч. I., стр. 566—574 и слѣд. *Каламеевъ*: О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи. «Сбор. Госуд. Знаній», т. VIII.

²⁾ *В. И. Сергеевичъ*: Лекція и изслѣдованія по ист. рус. права. Сиб., 1883 г., стр. 636.

право надъ неспокойной, непосѣдливой натурой. Въ XVII в. на голѣву разрозненнаго, непосѣдливаго крестьянства, все ищущаго воли и простора, сваливается новая бѣда — прикрѣпленіе къ землѣ не волостной только, но и помѣщичьей, къ землѣ служилыхъ людей. Много еще простора на окраинахъ нашей равнины, но государство все крѣпче держать на мѣстахъ рабочія руки. Оно помогаетъ съискивать ухажихъ людей и крестьянамъ, и служилымъ людямъ. Мужикъ, предъявлявшій до сихъ поръ къ *Божьей землѣ* только право на полученіе плодовъ потраченнаго на нее труда, вдругъ видитъ, что земля, имъ вспаханная, — не Божья и государева, а господская, что онъ на ней наемникъ, что онъ не имѣетъ права на все то, что земля дала, а за податями долженъ еще отдать значительную часть какому-то новому человѣку. Онъ уходилъ, а за нимъ гнались по пятамъ то свои, то служилый человѣкъ, настигавшій его всюду, гдѣ онъ поселялся, и снова, и снова садившійся ему на шею. Крѣпостное право сложилось незамѣтно для крестьянства изъ прецедентовъ рабства, кабалы и даже самой колонизаціи, поскольку она поощрялась «царскимъ жалованьемъ», вродѣ права заимщиковъ насильно сажать на тягло своихъ уходящихъ товарищей. Протестъ противъ «силы нездѣшной», все сильнѣе и гуще напиравшей на простоватаго Микулушку Селяниновича, въ той формѣ, въ какой онъ продолжалъ практиковаться Микулушкой, ни къ чѣму, конечно, привести не могъ, кромѣ большаго закрѣпощенія. Въ то время какъ изъ села одного владѣльца въ Юрьевъ день уходило нѣсколько человѣкъ, — на ихъ мѣсто въ опустѣвшіе дворы являлись новые люди. Мужикъ чувствовалъ, что что-то не ладно, а никакъ не могъ указать, гдѣ болитъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ служилаго человѣка вообще. Онъ уходилъ отъ дурнаго владѣльца къ хорошему и дальше этого различенія не шель. Одинъ уходилъ; другой садился на его мѣсто. Не было даже частныхъ сговоровъ не ходить къ такому-то, если отъ него ушли тогда-то и тотъ-то, потому что сознанія солидарности между крестьянствомъ почти не существовало, не выработалось и, намъ кажется, въ этомъ нелѣзя не признать нѣкотораго влияния той же равнины. Населеніе на ней такъ разбросано, имѣетъ такой разнообразный этнографическій составъ, а до конца XVII в. да и въ теченіе XVIII пользовалось еще такими разнообразными по мѣстностямъ и по государеву усмотрѣнію льготами и «царскимъ жалованьемъ», что все это рѣшительно лишало неразвитый умъ

человѣка изъ массы въ XVII в. возможности отвѣчаться отъ этихъ различій и оцѣнить сходства въ политическомъ положеніи различныхъ группъ крестьянства. Да, пожалуй, и этого сходства не было. Сынъ кабальнаго холопа самъ могъ, разжившись отъ какой-нибудь случайности, которыхъ было тогда такъ много, имѣть не одного холопа, а даже купить раба въ полное распоряженіе. Въ XVIII в. правительство должно было пропагандировать сознание сословной солидарности, запрещая покупку крестьянъ и населенныхъ имѣній недворянами вообще и, между прочимъ, крестьянством¹⁾. Въ XVII в. рабы и холопы у крестьянъ—дѣло обычное. Въ XVIII в. въ самый разгаръ крестьянскихъ общихъ бунтовъ и мѣстныхъ возмущеній крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ мы замѣчаемъ то же явленіе. Бунты ни мало не роятъ идею солидарности. Государственные крестьяне очень часто покупали крѣпостныхъ для поставки за себя въ рекруты. Въ 1768 г. это было запрещено сенатомъ, но, тѣмъ не менѣе, Радищевъ въ своей книгѣ еще рассказываетъ, что случаи этой покупки бывають и объясняетъ, какъ обходится сенатское запрещеніе. Даже помѣщичьи крестьяне покупали себѣ холоповъ на имя помѣщика²⁾. Неудивительно, что, при такомъ отсутствіи сознанія солидарности интересовъ группы, возванія Разинныхъ, Булавиныхъ, Пугачевыхъ, движенія, начинавшіяся на окраинахъ, у вольницы, гдѣ чувство свободы было живѣе, куда собирався цвѣтъ протестантовъ изъ массы,—находили мало отголоска и сочувствія въ центрахъ, гдѣ оставалось все наиболѣе угнетенное, задавленное, лишенное энергіи къ достиженію лучшаго будущаго, примирившееся съ невыносимо-тяжелымъ строемъ, какъ съ неизбѣжной судьбой. Всѣ силы этой осѣвшей, не имѣвшей энергіи подняться, массы тратились на приспособленіе къ средѣ. Въ то время какъ окраины хотѣли свободы, вольной жизни, такъ или иначе ставили правительству требованія, болѣе или менѣе ясно сформулированныя, массы осѣдлыхъ людей, напротивъ, старались примѣниться къ требованіямъ сверху, сжаться до нельзя, обрѣзать минимумъ своей жизни чуть что не до нуля. На возванія съ окраинъ къ «воровскимъ» шайкамъ приставали лишь тѣ, кто испробовалъ всѣ способы примѣниться къ требованіямъ «командующихъ» классовъ; крѣпостные, выведенные изъ терпѣнія возмутительными поборами и притѣсненіями помѣщика, гра-

¹ и ²) В. И. Семевскій: Крестьяне въ царств. Екатерины II, стр. 2—4, 9, 149—150.

били его и жгли, и убивали за одно съ «воровскими козаками». А рядомъ съ возмущившейся деревней оставалась другая, гдѣ владѣльцемъ былъ монастырь, а «посельскій» монахъ, приказчикъ, не очень обижалъ обывателя, благодаря своей «простотѣ», или гдѣ служилый владѣлецъ, все-таки; не очень ужъ «лютовалъ» надъ своими людьми,—и тогда эта деревня оставалась спокойною въ виду сосѣдняго бунта и заботилась лишь о томъ, какъ бы себя сберечь отъ «воровскихъ» людей, которые грабили не стѣсняясь, кто попадалъ подъ руку, не щадя и крестьянъ ¹⁾. «Воровскихъ» шаякъ этихъ было такъ много, разбой и грабежи были такъ часты и систематичны, что, наконецъ, даже и разобрать невозможно было сподвижниковъ Разина, Булавина и пр. отъ обыкновенныхъ, безразборчивыхъ воровъ и грабителей. Начальство, солдаты, попы ²⁾, монахи ³⁾, бѣглецы-крестьяне, даже крестьяне осѣдлые,—словомъ, все грабили каждаго, кто былъ въ данную минуту слабѣе и беззащитнѣе. Озлобленіе, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, сознание полнѣйшей необезпеченности жизни, развивавшіяся, между прочимъ, и подъ вліяніемъ этого сплошнаго грабежа, конечно, опять таки, не могли ни выростить, ни укрѣпить сознания солидарности крестьянскихъ интересовъ, да ихъ, какъ видно, и не было, до такой степени все было разрознено, разбито, обезсилено и обезсмыслено. Мы понимаемъ, конечно, что «воровскія» шайки—явленіе той же колонизаціи въ началѣ исторіи, когда онѣ, напр., назывались ушкуйниками и ходили добывать новыя колоніи; мы понимаемъ, что безразборчивыми въ грабежѣ, въ объектѣ своей дѣятельности вообще, шайки эти сдѣлались несомнѣнно подъ вліяніемъ мѣръ правительства усадить народъ на мѣстѣ, подъ вліяніемъ препятствій мирной колонизаціонной работѣ и социальныхъ неуройствъ; мы согласны, что въ послѣднемъ счетѣ шайки эти представляютъ явленіе стихійнаго социального протеста, но думать, чтобы и сами воровскіе люди считали себя носителями такого протеста, чтобы они знали за кого они и противъ кого и *практически разбирали* это,—думать такъ нѣтъ никакихъ основаній. Это ходячее мнѣніе доказываетъ только, что намъ *привитая* такая исторія, но что съ настоящей исторіей мы справляемся не

¹⁾ *Бьяльцовъ*: Русское общ. отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II, „Библиот. для Чит.“ 1865 г., № 3, стр. 65—66, 70—71, 89. Ср. *Аристовъ*: Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсень, стр. 8—10, 27, 34—35, 126.

²⁾ *Есиповъ*: Раскольничья дѣла, т. II, стр. 141—143.

³⁾ *Аристовъ*, стр. 36—37.

часто. Г. Успенский совершенно правъ, когда протестуетъ противъ представленія «народа» какъ какой-то коллективной однородности вродѣ «овса» или «икры», которая вся живетъ одной идеей, однимъ чувствомъ, гдѣ одна особь идетъ туда же, куда и всѣ другія. Изъ такого расплывчатого представленія и выходитъ, что и въ современности, и въ исторіи мы все гонимъ «подъ одно». Разбойникъ, коли онъ народъ, долженъ не трогать своихъ и высоко держать знамя протеста. Народъ долженъ ему сочувствовать, помогать, идти за нимъ въ протестъ. Раскольникъ, коли онъ народъ, долженъ «отъ писанія» оправдывать разбойника, просвѣщать его насчетъ соціального значенія разинскаго бунта и приставать вмѣстѣ съ нимъ къ разинской вольницѣ. На дѣлѣ же оно вовсе не такъ. Народъ въ концѣ XVII и въ XVIII в. разбивался на множество едва уловимыхъ группъ, объединенныхъ случайно случайными интересами и выгодами. Въ сущности, силою вещей, «каждый долженъ былъ стоять за себя» и только вѣрилось, что одинъ «Богъ за всѣхъ».

И это понятно. Читатель знаетъ, конечно, какъ невыносимо плохо жилось крестьянству при крѣпостномъ режимѣ. Для нашей цѣли достаточно будетъ напомнить это «житье» лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Крестьянству, сидѣвшему на мѣстѣ «за своими господами», дѣйствительно было отъ чего въ отчаяніе придти. Не будемъ ужъ считать невыносимыхъ повинностей, той массы времени и труда, которая шла въ пользу владѣльца. Но самые способы, какими «выбивались» изъ крѣпостныхъ эти повинности, этотъ трудъ, самое отношеніе владѣльцевъ къ «рабамъ» были въ состояніи заставить мужика даже забыть о томъ, что онъ не животное какая-нибудь, а «разумное Божье созданье». Когда, по показанію одного современника, помѣщикъ повелѣваетъ крестьянами «болѣе ласкою, чѣмъ обыкновенною дворянскою властью», то это уже считается исключеніемъ, чуть не проявленіемъ особенной святости ¹⁾. Человѣческая жизнь не представляетъ никакой цѣны. Напр., крестьяне помѣщика Львова напали на крестьянъ помѣщика Сафонова (вѣроятно, подъ командою владѣльца) и 11 человекъ убили, а 45 смертельно ранили. Долго тянулось по этому поводу дѣло и кончилось *мировою сдѣлкою владѣльцевъ* ²⁾. Убіиства владѣльцами своихъ крѣпостныхъ бывали сплошь и рядомъ и рѣдко доходили до суда, а еще рѣже

¹⁾ Соловьевъ: Ист. Россія, т. XXI, стр. 226—227.

²⁾ Ibid., т. XXIV, стр. 300.

наказывались. Понятное дѣло, что здоровье крѣпостныхъ, ихъ нравственная личность стоили еще меньше, если можетъ быть что-нибудь меньше *ничего*. 17,000 розогъ и предписаніе не давать наказаннымъ лежать больше недѣли, наказанія по самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла, истязанія, какія только могла изобрѣсти развращенная, бездѣльная, жестокая, сладострастная фантазія людей звѣрскаго вѣка, — истязанія, кончающіяся смертью и, разумѣется, безнаказанно сходящія съ рукъ, сдача непоравившихся рабовъ въ рекруты, ссылка въ каторжныя работы, продажи оптомъ и въ розницу дѣтей отъ отца съ матерью, мужа отъ жены, продажа иногда по цѣнѣ въ 120 разъ меньшей, чѣмъ стоимость щенка-собаки съ какимъ-нибудь «сверхъестественнымъ» чутьемъ, — все это представляло явленія обычныя¹⁾. Натерпѣвшись волю всего отъ своего господина, крѣпостной еще не оканчивалъ тѣмъ самымъ расчетовъ съ жизнью, — недаромъ же онъ былъ воломъ, съ котораго драли по 7 шкуръ. Отдѣлавшись отъ своего барина, мужикъ попадалъ въ мучительскія руки чужаго: грабежи, нападенія помѣщиковъ на чужихъ крѣпостныхъ были далеко не рѣдкость²⁾, а, сверхъ того, — жди еще, что воровская шайка, бродящая въ окрестности, или какое-нибудь начальство нагрянетъ и «душу вымотаетъ»... Такая полная необезпеченность нравственной личности, имущества, жизни была общимъ явленіемъ, но масса и къ ней старалась какъ-нибудь приспособиться. Но даже тысячелѣтіемъ выработанное терпѣніе иногда обрывалось, ненависть вспыхивала и проявлялась въ звѣрской расправѣ съ ближайшимъ, непосредственнымъ притѣснителемъ и оканчивалась въ ужасныхъ конурахъ Преображенской розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, снова надолго отбивавшей охоту къ расправамъ. Тогда снова настаивало состояніе тупаго, отчаяннаго, безсознательнаго самоотрицанія — терпѣнія. Звѣрство да «безмысленный, вѣчный испугъ», — это, конечно, единственные психическіе продукты, какія могла произвести подобная «жизнь»... Мирный уходъ на новое мѣсто невозможенъ больше: всюду рыщутъ всякія сыскныя команды — казенныя и частныя. Одно спасеніе — въ воровской шайкѣ, — спасеніе, требующее, конечно, весьма большого запаса звѣрства, пренебреженія къ чужой и собственной жизни. Жизнь на свой пай, конечно, вырабатываетъ это звѣрство, какъ можетъ,

¹⁾ *Семевскій*: Указ. кн., стр. 152—153, 182—183; *Сергеевичъ*: Лекціи и изслѣд., стр. 639.

²⁾ *Соловьевъ*, т. XXIV, стр. 244 и др.

но все же она дѣйствуетъ только на исключенія, все же остается масса, сидящая на мѣстахъ въ состояннн «безсмысленнаго, вѣчнаго испуга», безъисходнаго отчаяннн, этихъ преобладающихъ душевныхъ настроеннн эпохи.

Свободной общинѣ жилось такъ же плохо, какъ и крѣпостной. вмѣсто барина-помѣщика, она лицомъ къ лицу стояла со всякимъ начальствомъ, а это начальство, даже если оно поступало строго по закону, ничѣмъ не разнилось отъ помѣщика, развѣ только еще бѣльшею жестокостью и притязательностью. Администрація, судъ, фискъ, законодательство развивали въ отношеннхъ къ крестьянству тотъ же крѣпостной принципъ въ самыхъ гнусныхъ его проявленнхъ насилн надъ человѣческой личностью, пренебрегая, однако, сплошь и рядомъ тою стороною принципа, которая обязываетъ беречь рабочую силу, употреблять ее цѣлесообразно и которая, все-таки, хотя спорадически, проявлялась на дѣлѣ у помѣщиковъ, да изрѣдка въ качествѣ мертвой буквы проскальзывала въ законѣ. То же, напротивъ, что жило и дѣйствовало, сводилось къ полному отрицанню личности, на практикѣ, опять таки, даже къ звѣрству. Человѣкъ для себя не существуетъ: его жизнь нужна и идетъ на счетъ только до тѣхъ поръ и въ той мѣрѣ, пока и поскольку она нужна государству. Личная жизнь каждаго едва только терпится даже принципомъ, какъ необходимое зло, и на дѣлѣ разсматривается, какъ роскошь, или даже какъ бунтъ противъ краеугольныхъ основъ. По возможности, каждый шагъ мужика долженъ быть оцѣненъ и приносить казнѣ «интересъ». А, между тѣмъ, у мужика отнимаютъ даже орудн труда, даже возможность добывать средства на удовлетворенн требованн. Онъ долженъ, какъ щедринскнй мужикъ, въ пригоршняхъ супъ варить. Петръ запретилъ крестьянамъ заниматься торговлей, брать на откупъ кабацкн и таможенные сборы. Громадное количество промысловъ, которыми прежде занимались крестьяне, отнято у нихъ въ казну и отдавалось на откупъ другимъ сословнмъ. Были, напр., отобраны въ казну соляныя варницы, мѣстонахожденн руды, разрабатывавшейся крестьянами, и пр. А, между тѣмъ, каждый крестьянскнй шагъ, всякое движенн, всякое имущество были обложены. Вотъ, напр., перечисленн повинностей при Петрѣ, сдѣланное Посошковымъ: крестьяне должны были платить: поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольныя, мостовыя, пчелиныя, банныя, покосовщнчныя и съ подводчиковъ десятины. Кроме того, на нихъ

лежали разныя натуральныя повинности. вродѣ постоянной, ямской, рекрутской и пр.). Не будемъ ужь считать повинностей случайныхъ, вродѣ работъ цѣлыми областями на какомъ-нибудь каналѣ, на Азовской или Олонецкой верфи, на постройкѣ Петербурга и пр. Недаромъ крестьяне говорили о времени Петра: «какъ Богъ его на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали: тягота, на мѣръ, рубли, да полтины, да подводы, — отдыху нашей братьѣ, крестьянству, нѣтъ» ²⁾. Само собою ясно, какая масса всевозможныхъ надсмотрщиковъ, сборщиковъ, контролеровъ, всякихъ «собакъ на сѣнѣ», облеченныхъ широкими полномочіями, нужна была только для того, чтобы услѣдить за исполненіемъ всѣхъ требованій. И вообще начальства стало такъ много и оно было такъ хорошо, что послѣ смерти Петра даже правительство признало это въ указѣ 24 февр. 1727 г. по поводу сокращенія штатовъ центрального и мѣстнаго управленій. «Умноженіе правителей и канцелярій во всѣмъ государствѣ не только служить къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже вмѣсто того, что прежде сего къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти, а можетъ и больше. А всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый судъ; и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочить; и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанья своего хотятъ, умалчивая о другихъ не порядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходятъ».

Все это начальство, воинскія команды для взысканія податей, сыска раскольниковъ, бѣглыхъ и воровскихъ людей, для вербовки рекрутъ и рабочихъ и пр., наѣзжало на беззащитныя деревни точно въ непріятельскую страну и наводило на народъ такой ужасъ, что деревня пустѣла при появленіи какой-нибудь «конной или пѣшей бѣды» (какъ звали въ XVIII в. начальство), — всѣ разбѣгались и прятались, гдѣ попало. Чтобы воспользоваться такимъ выгоднымъ эффектомъ, являлось, кромѣ того, множество чиновниковъ - самозванцевъ, грабившихъ тѣ крохи, какія случайно уцѣлѣвали отъ ястребиныхъ взоровъ доподлинныхъ, ревностныхъ исполнителей закона. Въ концу царствованія Петра народъ, такимъ образомъ, былъ такъ разоренъ, что при Екаторинѣ пришлось волей-неволей приостановить сборъ денеж-

¹⁾ *Посошковъ*: О скудости и богатствѣ, изд. Погодина, стр. 219—220.

²⁾ *Соловьевъ*, т. XV, стр. 126.

ныхъ и хлѣбныхъ податей, кромѣ подушныхъ, и отсрочить до 1727 г. взысканіе недоимокъ за всѣ прошлые года. Но и послѣ Петра, несмотря на благія намѣренія, сказывающіяся иногда въ указахъ правительства, положеніе народа ни мало не измѣнилось, потому что крѣпостной принципъ отношеній власти къ подданнымъ не измѣнялся и производилъ тѣ же звѣрскія послѣдствія. Постоянныя смѣны, перетасовки, упраздненія и восстановленія различныхъ мѣстныхъ и центральныхъ учреждений мало что не облегчали, еще хуже тяготили и путали: не было ничего прочнаго, установившагося, кромѣ страшнаго гнета и грабительства, находившихъ въ этихъ постоянныхъ поломкахъ и перестройкахъ новую и богатую пищу. Такимъ образомъ, неустановленность какихъ бы то ни было общественныхъ отношеній, кромѣ отношеній крѣпостныхъ, не менѣе страшныхъ въ силу своей установленности, полнѣйшая необезпеченность жизни и имущества крестьянства, презрѣніе, отрицаніе человѣческой личности во всѣхъ, даже самыхъ скромныхъ и элементарныхъ ея проявленіяхъ,—вотъ общій колоритъ отношеній государства къ жизни народной въ XVII—XVIII в.

Въ сущности, какъ окинешь взглядомъ всю эту «бездонную прорву» всевозможныхъ грабительствъ, мучительствъ и надругательствъ, всѣ эти безобразныя проявленія крѣпостнаго, развращеннаго и разнузданнаго деспотизма, незнающаго никакихъ сдержекъ, — недоумѣваешь, чѣмъ же, какими надеждами и упованіями жилъ народъ, чѣмъ онъ скрашивалъ свое невозможное существованіе? Вѣдь, отчаяніе, что тамъ ни говори, какъ хроническое душевное настроеніе, просто невозможность. Гдѣ и въ чемъ существовали выходы и почему одни, а не другіе?

Прежде всего, отмѣтимъ выходъ, повидимому, невѣроятный, но весьма характерный въ сущности по своей психической подкладкѣ. Мы говоримъ о военной службѣ. Читатель знаетъ, опять таки, что такое это было. Тягость военной службы признавалась въ XVIII в. даже правительствомъ, какъ оно ни мало склонно было сантиментальничать въ отношеніяхъ къ «подлому народу». Что же касается самого народа, то онъ, конечно, еще лучше зналъ, своими боками, что такое была солдатская выправка въ старину. Недаромъ наборы производились такъ:

Вечоръ-то меня молодца поймали,
Рѣзвы ноженьки въ желѣзы заковали,
Бѣлы рученьки назадъ завязали...

«Приведчи въ городъ рекрутовъ, — говоритъ указъ 1719 г., — держать въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и по острогамъ не по малу времени и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ... отправляютъ, упусти удобное время, жестокою распутицею, отчего приключаются въ дорогѣ многія болѣзни и помирають безвременно». При такихъ условіяхъ, конечно, не преувеличеніе, что

Идучи они, солдаты, сами плачутъ,
Въ слезахъ они дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ... ¹⁾

Несмотря, однако, на то, что наборы безчеловѣчны, что служба безобразно тяжела, солдатъ скоро въ роли сыскной или экзекуціонной команды теряетъ нравственную связь съ народомъ, ежели, конечно, не убѣгаетъ изъ строя, привыкаетъ считать себя въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ. Солдаты въ одномъ подметномъ письмѣ петровскаго времени жалуются на Петра, что онъ сравнилъ ихъ съ *посохою* (крестьянствомъ), потому что даже въ мирное время они ни днемъ, ни ночью не знаютъ покоя на работѣ, часто вовсе и не солдатской. Недаромъ народъ относился съ такимъ ужасомъ къ солдатчинѣ: въ каждомъ деревенскомъ парнѣ, взятомъ въ строй, вырабатывался тамъ врагъ народный и народъ это не могъ не чувствовать. Военную службу народъ не отличаетъ отъ разбоя. Сыновья одной вдовы — по пѣснѣ —

Повзросли, да въ разбой пошли,
Въ разбой пошли, въ службу царскую,
Ко тому да Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, Петру Первому ²⁾.

И, несмотря на все это, военная служба представлялась иногда для крестьянства въ завлекательномъ свѣтѣ. При Петрѣ I для скорѣйшаго пополненія войска позволено было крѣпостнымъ записываться въ солдаты. Тотчасъ послѣ смерти Петра этотъ выходъ изъ огня да въ полымя былъ закрытъ. При вступленіи на престолъ Елизаветы пошли слухи, что снова будетъ дано крѣпостнымъ дозволеніе записываться въ полки, и охотники толпами пошли записываться «въ вольницу» (такъ называли за одно съ разбойничьими шайками и солдатъ). Но въ вѣрности слуха легковѣрныхъ разубѣдили кнудомъ и ссылкой въ Сибирь на казенныя работы вѣчно. Радищевъ въ своей

¹⁾ Сборникъ *Киреевскаго*, вып. IX.

²⁾ „Олонек. Губ. Вѣд.“ 1867 г., № 14.

книгѣ даетъ объясненіе этого факта. Давая въ одной главѣ своей книги картину рекрутскаго набора, онъ отличаетъ крѣпостнаго, поразившаго его своимъ веселымъ, оживленнымъ видомъ среди общаго плача. На вопросъ автора крѣпостной отвѣчаетъ, что какъ ни плохо въ солдатахъ, но все же онъ становится вольнымъ, надъ нимъ не будетъ тяготѣть полная, безконтрольная власть барина; его не продадутъ, не проиграютъ, не будутъ на него смотрѣть какъ на животину. Мы точно, хотя и не въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, передаемъ смыслъ тирады крѣпостнаго. Конечно, у Радищева тирада эта выглядит дѣланной: едва ли крѣпостной такъ точно и опредѣлительно могъ выяснитъ причину своей радости, но несомнѣнно, что причину эту Радищевъ указываетъ отъ лица крѣпостнаго въ общемъ совершенно вѣрно. Какъ ни пригнетала среда человѣка, какъ ни убивала въ немъ чувство личности, личнаго достоинства, правъ на личное счастье, — чувство это, тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, и именно по этому жило и развивалось и толкало даже на такія жертвы, какъ добровольное поступленіе въ тогдашнюю «вольницу». Разбой, примыканіе къ воровскимъ шайкамъ, опредѣлялся тѣмъ же чувствомъ. Въ бѣга уходилъ тотъ, кто живѣе чувствовалъ, чья богатая натура сильнѣе хотѣла воли, счастья, жизни человѣческой, а не скотской. Что именно чувство личности развивалось въ солдатѣ, даже если онъ взятъ былъ поневолѣ, и что солдатъ дорожилъ этимъ чувствомъ, лелѣялъ его, — видно и изъ жалобы приведеннаго мною подметнаго письма. Это фактъ очень характерный; онъ показываетъ направленіе и цѣль протеста задавленныхъ массъ.

Тотъ же самый принципъ личности, ищущей освобожденія, реабилитаціи, требующей признанія своихъ человѣческихъ правъ, сказывается другой своей стороной въ бунтахъ. Что касается мѣстныхъ бунтовъ, то въ теченіе всего XVIII в., какъ и XIX, такія вспышки постоянны ¹⁾ и многочисленны, но разрознены, прежде всего, въ силу своей, такъ сказать, непосредственности. Это взрывы чувства, конвульсіи отчаянія, относительно которыхъ никто изъ «зачинщиковъ» и «пособниковъ» даже за минуту не можетъ сказать, проявятся они или нѣтъ и въ какой формѣ. Тутъ неизвѣстно, какая именно капля переполнитъ «чашу терпѣнія», сколько именно времени не лопнетъ дребезжащая струна. Но и въ бунтахъ общихъ, заранѣе подготовленныхъ, болѣе или

¹⁾ Соловьевъ, т. XX, 227 и др., т. XXIV, 103, 174—175, 243—244, 300 и др. Селевскій, стр. 366—367 и др.

менѣе упорныхъ, мы видимъ одинъ общій колоритъ протеста эпохи, — протестъ личности противъ личности и полное пренебреженіе къ учрежденіямъ, къ соціальному строю. Человѣкъ XVII—XVIII в. за личностями не видитъ общества; общественныхъ требованій, общественныхъ идеаловъ у него нѣтъ, да на вольномъ просторѣ нашей равнины такіе идеалы не могли и вырасти, особенно при полной неопредѣленности организаціи государства. Определенной организаціи труда, сознательной, формулированной, нѣтъ и въ поминѣ; община и артель — формы стихійныя, слагающіяся естественнымъ путемъ подъ полнымъ влияніемъ вѣлній и необходимостей, предъявляемыхъ природой. Отношенія труда и капитала строятся на основѣ рабской и крѣпостнической. Протестъ труда противъ капитала сводится къ протесту противъ злыхъ, жестокихъ, несправедливыхъ представителей капитала, а не противъ самой формы коопераціи: отвлечь эту форму отъ личностей, ее опредѣляющихъ и употребляющихъ, никто не можетъ, умственное развитіе эпохи ниже этой задачи даже въ своихъ передовыхъ представителяхъ. И вотъ поэтому-то даже нельзя говорить объ общественно-политическихъ идеалахъ нашихъ народныхъ движеній въ XVII—XVIII в. Идеаловъ этихъ тѣмъ болѣе не было, не могло быть на окраинахъ, у вольницы, гдѣ личность больше, чѣмъ всюду, ярче выходила и сознательнѣе выпиралась на первый планъ. На окраины уходили наиболѣе воспримчивые и энергическіе люди; тамъ они стояли почти внѣ всякой общественной организаціи, потому что козацій кругъ не представлялъ никакихъ сдержекъ личности, которая, наконецъ, вольна была ему не подчиниться и уйти на всѣ четыре стороны. Личная энергія здѣсь была все для человѣка: ею опредѣлялись его удача, его счастье. Почти не было правильно организованнаго труда: вольница жила больше грабежемъ кочевниковъ и своихъ соплеменниковъ по торговымъ путямъ. Конечно, съ теченіемъ времени и тутъ стала образовываться зажиточная, степенная, хозяйная часть населенія и голытьба, которую первая старалась эксплуатировать; антагонизмъ между этими экономическими группами былъ сознанъ. Зачинщики бунтовъ, каковы Разинъ, Булавинъ, Голый, Пугачевъ, къ голытьбѣ, голи кабацкой обращались съ своими воззваніями, были атаманами этой голытьбы. Но въ этой голытьбѣ и они, и сама голытьба въ себѣ не видали ничего, кромѣ безхозяйныхъ личностей; они не протестовали противъ общественныхъ неравенствъ, — въ

экономической ли, въ политической ли сферѣ,—все равно; они протестовали лишь противъ злоупотребленій этими неравенствами, противъ личностей, употребляющихъ неравенства во зло. Въ призывныхъ грамотахъ Булавина, напр., говорится: *«худымъ людемъ, и княземъ, и боярамъ, и прибыльщикамъ, и нѣмцамъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной Христовой вѣры отвратили своими знаменьями и чудеса прелестными; а между собою добрымъ, начальнымъ, посадскимъ, торговымъ и всякимъ чернымъ людемъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять,—и буде кто напрасно станетъ кого обижать или бить, и тому чинить смертную казнь»*... «Намъ до черни дѣла нѣтъ,—пишетъ въ своемъ воззваніи атаманъ Голый,—намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ»... Въ этомъ различеніи добрыхъ отъ злыхъ людей все дѣло въ постановкѣ сознательныхъ цѣлей бунтовъ; дальше этого различенія бунтари и не идутъ ¹⁾. Въ челобитной къ царю Булавинъ заявляетъ, что казнил Долгорукаго и перебилъ его команду за то, что они поступили *не по государеву указу*, «а отъ тебя, великій государь, мы никуда не откладываемся». Общественная идея, если иногда и сказывается въ обѣщаніяхъ воли крѣпостному крестьянству, въ угрозахъ основать «козацкое государство», то и эти обѣщанія, и угрозы скорѣе представляютъ мимолетное и неопредѣленное вполне видѣніе. Средства для этого опредѣляются тѣмъ же принципомъ личности: вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ сплошь, посадить на престоль своего царя, убить всѣхъ бояръ, злоупотребляющихъ властью,—вотъ и все. Личность можетъ сдѣлать и добро, и зло; хорошъ человекъ—все хорошо, худъ человекъ—плохо; устрани его, посади на его мѣсто хорошаго,—вотъ и опять уничтожено общественное зло. Общественно - политической идеи, требованій реформы нѣтъ и въ поминѣ даже въ зародышевомъ видѣ. Да это и понятно. Личность, прежде всего, только чувствуетъ, что она вступаетъ въ какое-то противорѣчіе съ обществомъ, что

¹⁾ См., напр., «разспросныя рѣчи» Стенки Москвитякина, одного изъ зачинщиковъ и участниковъ астраханскаго бунта у *Есипова*, т. II, стр. 101 и слѣд. Бунтъ поднимается, по его словамъ, потому, что государь подмѣнный, перемѣнилъ вѣру, носить нѣмецкое платье, велеть брить бороды. Бунтовщики хотѣли идти къ Москвѣ, убить царя, ежели онъ не захочетъ отказаться отъ нѣмецкаго платья и новой вѣры. Характерная замѣтка разспроса: «а убивъ царя, что было чинить, о томъ разговоръ (у участниковъ и зачинщиковъ) не было». Думали еще только о томъ, чтобы уйти куда-нибудь за море въ крѣпкія мѣста на вѣчное житье (стр. 103—104).

нѣчто извнѣ, нѣчто въ окружающихъ людяхъ давить ее и стѣснять, заставляетъ ограничивать свои интимные порывы и желанія. Она и возстаетъ, прежде всего, противъ личностей же, старается освободиться отъ гнета съ помощью того же орудія, какимъ ее саму пригнетаютъ, съ помощью гнета и самоуправства. Съ успѣхомъ этого освобожденія борьба также бессознательно изъ оборонительной переходитъ въ наступательную: личность не останавливается на своемъ освобожденіи, она хочетъ давить, угнетать, въ свою очередь, другихъ. Деспотизмъ главы патриархальной семьи, насилія и деспотизмъ завоевателей суть явленія этого порядка. Здѣсь же, намъ кажется, разгадка деспотизма удачниковъ изъ массы — вродѣ Никона. Когда личность, какъ мотивъ, лежитъ въ основѣ народнаго движенія, она приводитъ къ тому же деспотизму въ видѣ насилія и самоуправства надъ представителями гнетущаго порядка жизни. Само собою разумѣется, что если смотрѣть на народное движеніе, какъ наши бунты XVII—XVIII в.: со стороны, то въ основѣ этого движенія мы откроемъ социальную причину, и цѣль движенія для насъ, когда мы смотримъ со стороны на дѣло, непременно общественная; — это стремленіе найти такую форму общественной жизни, въ которой бы личность и общество не были въ антагонизмъ, или чтобы этотъ антагонизмъ, по крайности, былъ по возможности уменьшенъ, — но эта цѣль бессознательна: сами творцы и участники движенія не знаютъ, что они творятъ; на своихъ плечахъ они чувствуютъ, что въ общественной жизни что-то неладно, могутъ указать лицъ, отъ которыхъ приходится туго, но и только. Опредѣливши по своему причину зла, они начинаютъ расправляться съ нимъ «своимъ средствомъ», и изъ этой расправы, понятно, ничего не выходитъ, кромѣ большаго усиленія врага. И, наблюдая данное историческое явленіе, мы можемъ, конечно, говорить съ своей субъективной точки зрѣнія о бессознательномъ недовольствѣ социально-политическимъ строемъ, о стихійномъ протестѣ противъ этого строя, но говорить о политическихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, говорить о козацкомъ государствѣ (когда даже въ этомъ «государствѣ» шелъ разладъ между «голытьбой» и «кармазинниками»), — это значитъ извращать весь смыслъ историческихъ фактовъ.

И такъ, вотъ выходы изъ невыносимо-тяжелаго положенія, въ какое поставлена была масса въ XVII — XVIII в.: уходъ въ бѣга и примыканье къ разбойничьимъ шайкамъ, уходъ въ военную

службу, мѣстные и общіе бунты. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ психическая подкладка одна—стремленіе личности къ освобожденію отъ матеріальнаго гнета, къ вольной жизни, которая практически складывается, осуществляясь на дѣлѣ, въ бессознательную, стихійную бытовую форму—общины, артели, круга, міра. Сознательнаго отношенія къ этой формѣ нѣтъ, потому что личность видитъ вокругъ себя только личностей и не развила до отвлеченія отъ личностей формы ихъ быта. А потому даже среди протестантовъ, на окраинахъ, эволюція стихійно-бытовой формы естественно идетъ въ сторону крѣпостнаго режима, выражаясь сначала въ распаденіи однородной массы на «голытьбу» и «кармазинниковъ», на козаковъ «войсковой руки» и «старшинной руки», а потомъ и въ полномъ, впоследствии (и даже скоро) крѣпостномъ подчиненіи «голытьбы» «кармазинникамъ», т. - е. повторяется уже отмѣченный нами выше процессъ, происходившій при первой, мирной колонизаціонной работѣ въ удѣльно-вѣчевую пору и въ началѣ московскаго періода.

Какъ ни много было, однако, въ XVII—XVIII вѣк. бродячей, бѣглою вольницы, все же она представляла меньшинство, все же за ней оставалась масса и среди этой массы выдвигались протестанты другого рода. Чѣмъ жила эта масса, что давали ей эти другіе протестанты, куда вели ее и какъ она къ нимъ относилась? Въ бунтаряхъ протестъ бессознательнъ, цѣли элементарны до послѣдней степени, непосредственны сполна. Просторъ и воля, отсутствіе сдержки для всего, что бы человекъ ни дѣлалъ,—вотъ что, прежде всего, нужно. Правда, протестъ освѣщается нѣкоторымъ нравственнымъ идеаломъ, — люди выступаютъ противъ поступающихъ несправедливо, противъ дурныхъ, злыхъ личностей, портящихъ общественную жизнь. Но понятія о добрѣ и злѣ тутъ до крайности спутаны, неясны, представляются больше красными словцами, чѣмъ дѣйственнымъ началомъ жизни. Видно, что люди толкуютъ по наслышкѣ и, притомъ, больше «для разговора», чѣмъ въ серьезъ. Нравственная идея вырабатывается собственно среди массъ, спокойно сидящихъ на мѣстахъ. Тамъ, загнанная въ безысходную пропасть, мысль работаетъ надъ созданіемъ, какъ говорятъ пессимисты, «иллюзій и фикцій» въ области теоретической, въ области міровоззрѣнія, чтобы здѣсь найти устой, который далъ бы возможность если не выдраться изъ пропасти, то, по крайней мѣрѣ, примѣниться къ ней. Въ виду общественнаго зла, сознание начинаетъ свою работу, прежде всего, въ обла-

сти нравственныхъ истинъ. Изъ человѣка все — и добро, и зло исходитъ. Дурныхъ людей насиліемъ и самоуправствомъ не переведешь на свѣтъ, —этотъ выводъ скоро назрѣваетъ въ умъ человѣка на основаніи ежедневнаго жизненнаго опыта. А отсюда прямо слѣдуетъ, что нужно убѣдить человѣка перемѣнить жизнь, исправиться, «сократиться», дѣлать добро, а не зло, нужна проповѣдь нравственныхъ истинъ. Только длинный историческій опытъ, только дальнѣйшая работа сознанія на почвѣ науки, устанавливающая новые взгляды на человѣческую волю, на зависимость человѣческаго самоопредѣленія отъ среды, приводитъ къ сознанію важности общественныхъ формъ, ихъ вліянія на характеръ и нравственность человѣка, и къ мысли о реформѣ социальныхъ учрежденій. Но пока сознаніе находится на антропоцентрической степени развитія, пока ученіе о свободѣ воли господствуетъ, пока люди думаютъ, что человѣкъ, личность все можетъ, что захочетъ, — до тѣхъ поръ общественной формѣ, учрежденіямъ не даютъ никакого значенія, до тѣхъ поръ проповѣдь нравственныхъ истинъ считается единственнымъ средствомъ спасенія отъ социального зла, какъ прежде такимъ средствомъ признавался уходъ на новыя мѣста. Проповѣдь нравственныхъ истинъ, —сравнительно, значить, —представляетъ шагъ впередъ въ развитіи общества; это переходная ступень къ требованію общественной реформы, но, опять таки, и здѣсь еще нѣтъ мѣста общественной идеѣ, она еще не появляется, или же появляется въ зародышевомъ видѣ, столь неопредѣленная, что рѣшительно нельзя развить изъ нея даже сотой доли тѣхъ выводовъ, какіе будутъ сдѣланы позднѣе, рѣшительно нельзя изъ нея развить дѣятельности «съ преобладаніемъ социальной стороны».

Выработка нравственныхъ началъ и проповѣдь ихъ, работа пробуждающейся сознательной мысли съ половины XVII в. становится все сильнѣе. Чѣмъ дальше идетъ дѣло, тѣмъ больше свѣжихъ силъ изъ массы отдается работѣ въ области религіозно-нравственной мысли, отыскивая тутъ исходъ изъ невыносимой жизненной муки, научаясь даже въ мукѣ этой находить успокоеніе и освѣженіе личности, нравственное самоудовлетвореніе. Чѣмъ дальше идетъ работа въ этой области, тѣмъ больше гаснутъ, пропадаютъ, разбиваются и мельчаютъ другіе способы спасенія отъ социального зла. Концентрированные «земскіе» бунты XVII в. съ развитіемъ крѣпостнаго права разбиваются на мѣстные, бунтовщиками остаются одни крестьяне; но и они все больше при-

слушиваются къ новой проповѣди и, входя во вкусъ ея, бросаютъ старую манеру раздѣлки со зломъ... Нравственная идея эпидемически охватываетъ массы, какъ будто въ нихъ было какое-то предрасположеніе къ ея воспріятію, къ ея усвоенію не только умомъ, но и сердцемъ и дѣлами. Не всякая эпоха отзывчива на проповѣдь нравственныхъ истинъ. Церковь проповѣдывала нравственную идею и до XVII в. очень ревностно и очень давно. Но отчего же только теперь массы стали къ ней такъ воспримчивы? Для этого посмотримъ еще на психическое настроеніе массъ въ теченіе XVII—XVIII в., на ту общественно-психологическую почву, на которой принялась нравственная идея. Это покажетъ намъ причины воспримчивости къ нравственной проповѣди, опредѣлитъ и самую стоимость и направленіе этой проповѣди, широту идеи, подхватывавшейся массой.

Если мы обратимся къ состоянію умственного развитія массъ, то увидимъ, что народъ въ XVII—XVIII вѣк. находился сплозна подъ властію воображенія, въ періодъ бессознательнаго художественнаго творчества, художественнаго мышленія образами и картинами. Участіе разсудка крайне ничтожно. Отсюда легковѣріе, полная нетребовательность къ «достаточному основанію», слѣпая вѣра въ чудесное. Страхъ и удивленіе преобладаютъ надъ всѣми другими ощущеніями и чувствами. Поражаетъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе все необыкновенное, уродливое, странное, необъяснимое. При такомъ состояніи умственного развитія понятно, что социальная жизнь, полная случайностей и неожиданностей, должна была держать массы то въ напряженномъ состояніи ужаса, то въ ожиданіяхъ чего-то еще болѣе страшнаго и неизвѣстнаго¹⁾. Неожиданный какой-нибудь ударъ судьбы, чума, появленіе зловѣщей кометы, вспышка противъ помѣщика и жестокая до звѣрства экзекүція послѣ этого, нападеніе «воровской шайки» повергали населеніе въ такое отчаяніе, до такой степени поражали и парализовали дѣятельность всѣхъ душевныхъ способностей, что люди дѣйствительно «не помнили себя». Горе безъисходное, страхъ, отчаяніе, тяготѣвшія постоянно надъ массой, до того разстроили и расшатали нервную систему народа, что эпидемически распространяются зараженія истерикой. Мужчины и женщины кличуть и икаютъ на пуцій страхъ обывателямъ. Правительство издаетъ указы, дѣлаетъ наказы по этому предмету то одному вѣдом-

¹⁾ Эти интеллектуальныя черты эпохи отлично отмѣчены А. Шаповымъ въ ст. «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ XVIII ст.»—«Отеч. Зап.» 1873—74 г.

ству, то другому. Кликушество становится преступленіемъ и даже теперь еще сохраняется память о томъ, какую роль оно играло когда-то, въ ~~937~~ ст. улож. о наказаніяхъ. Съ 1666 г. по 1670 г. обыватели города Шуи бьютъ челомъ царю, что въ Шуѣ на посадѣ то и дѣло объявляются «грѣшныя люди, порченныя мужеска и женска полу, различными всякими совѣстями мучимы бывають»; нападаютъ на нихъ «тоска лютая», «икота», «нечистый, злой духъ кричить въ нихъ, ово звѣремъ, ово птицею»; они мечутся, бьются, приходятъ въ неистовство, «а отъ чего, и то намъ, сиротамъ, невѣдомо» ¹⁾. Около того же времени въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи (по тогдашнему, «въ стародубской сторонѣ»), сходить на землю по усердной молитвѣ нѣкоторыхъ православныхъ людей самъ Саваоѣвъ въ огненномъ облакѣ на пламенной колесницѣ, воплощается въ бѣлаго солдата Данилу Филиппова и полгаетъ начало сектѣ «людей Божіихъ». Въ Тюмени, въ 1677 г., кличутъ трое мужчинъ и одна монахиня. Въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, монахъ Данило, «пойманный на Москвѣ въ церковныхъ расколахъ», завелъ пустынь. Въ этой пустыни у него «наученіемъ сатанинскимъ старицы и дѣвки бились о землю и говорили, что они въ то время, какъ бьются, видятъ Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются. И, слыша его, старца Данилы, такую прелесть», многіе изъ Томска, изъ Тюмени и изъ иныхъ городовъ, оставя дома и имущество, бѣгутъ къ нему въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Для розыска въ этой пустыни отпущена команда, но она донесла, что та пустыня съ людьми до ихъ приѣзда сторѣла ²⁾. Въ 1718 — 20 годахъ кликуши вызываютъ мѣропріятія московскаго губернатора. Духовный регламентъ предписалъ архіереямъ при посѣщеніи епархій спрашивать, есть ли кликуши. Оказалось, что кликушъ всюду много и онѣ по являются «стаями» въ теченіе всего XVIII в. въ разныхъ городахъ и областяхъ Россіи ³⁾. Необходимо замѣтить, что значительная доля кликушъ приходится на старовѣровъ.

Измученныя тягою жизни, ужасомъ предъ ея всевозможными случайностями, съ расшатанной всѣмъ этимъ нервной системой, сильно предрасположенной къ заболѣваніямъ, легковѣрныя, экзальтированныя проповѣдниками нравственной идеи, массы въ тече-

¹⁾ *Пряжковъ*: Русскія кликуши. „В.-Евр.“ 1868 г., № 10, стр. 649—650. ²⁾ *Ibid.*, стр. 655 и слѣд.

³⁾ Допол. къ Актамъ Историч., т. VIII, стр. 215—216.

ніе XVII—XVIII вѣк. представляютъ всколыхнутое море... Все-возможныя волны слуховъ, то ужасныхъ, то свѣтлыхъ, радужныхъ, то и дѣло поднимаются и ходятъ всюду. Каждое событіе исторіи того времени своеобразно отмѣчается въ народномъ сознаніи волною слуховъ и толковъ и, можетъ быть, это-то еще и живить ее, хотя и не сильно, потому что, въ то же время, самосожженія растутъ такъ же эпидимически, какъ и истерика, и, повидимому, въ тѣсномъ союзѣ между собою ¹⁾. Слухи и толги дѣйствительно идутъ волнами, то принимая однородную окраску ненависти и угрозы, то надежды; то ужаса и отчаянія.

Покончимъ сначала съ первой группой — оптимистической, куда мы относимъ и угрозы, потому что онѣ сейчасъ же производятъ вмѣстѣ съ тоскливымъ замираніемъ сердца въ ожиданіи неизвѣстнаго: «что-то будетъ?» и надежду, что, «можетъ быть, авось все переименуется». Послѣ смерти Петра слышатся такія рѣчи: «Похваляютъ, что императоръ нашъ былъ мудренъ, а что его мудрость? Затѣялъ подушную перепись себѣ на безголовье, а всему народу на изнуренье, и вручилъ свое государство невѣрному роду; что хорошаго! Все-то изложили и указали, и всю землю вязали большіе бояре; какъ прежде того они, бояре, пролили кровь стрѣleckую, такъ и имъ, боярамъ, отольется кровь на главы ихъ: вдолгѣ ли, иль вкороткѣ будетъ не безъ смятенья!» ²⁾. То и дѣло являются случаи отказа отъ присяги; духъ возмущенія сказывается даже въ монахиняхъ: «я за царицу Бога не молю, — говоритъ одна, — молю Бога за царевича. Какая она царица?». «Бреста цѣловать не буду, — заявляетъ раскольникъ, — если женщина царемъ, пусть и крестъ цѣлуютъ женщины». «Не статочное дѣло женщиноу быть на царствѣ; она же иноземка». Бракъ ея съ Петромъ неправиленъ, а, стало быть, и повиноваться ей нельзя. Старовѣры отказываются присягать и повиноваться и «потому, что они по указамъ подписались въ двойной окладъ и этимъ платежемъ себѣ свободу получили» ³⁾. Возобновляется и распространяется, повсемѣстно ходившая при Петрѣ, сказка, что самъ Петръ въ плѣну въ Стокгольмѣ, удержанъ тамъ влюбившейся въ него царицей, что со времени возвращенія Петра изъ-за границы царствовалъ собственно не онъ, а похожій на него шведъ, отправленный шведскою царицей вмѣсто Петра, что

¹⁾ Ibid., т. XXI, стр. 255; т. XXIV, стр. 103 и др.

²⁾ Соловьевъ, т. XIX, стр. 271—273.

³⁾ Соловьевъ, т. XIX, стр. 271—273.

теперь умеръ именно этотъ шведъ, а царь живъ, и царевичъ живъ. Къ Екатеринѣ I относятся презрительно - отрицательно; каждый слухъ подхватывается и самый нелѣпый самозванецъ находитъ легковѣрную толпу приверженцевъ. При Екатеринѣ I появляются сразу два самозванца и затѣмъ то и дѣло проскакиваютъ снова, давая лишнюю работу «розыскной канцеляріи», которая своимъ привлеченіемъ къ каждому дѣлу народа толпами, мучительствомъ своихъ застѣнковъ еще больше приводитъ въ ужасъ массы. И рядомъ съ предсказаніями и угрозами «смятеній» мы встрѣчаемся съ толками, уже совершенно безнадежными: «Когда государь преставлялся, то самъ про себя говорилъ: еще было мнѣ жить, да міръ меня проклялъ. Жестоко онъ, государь, былъ, а сказываютъ — его внуку жестокае его будетъ».

Однако, сверху все идетъ какая-то ломка, все переменны. Иногда на площадяхъ читаютъ указы, въ которыхъ какъ будто манять какими-то милостями и льготами. Легковѣрной надеждѣ легковѣрнаго вѣка немного надо, чтобы снова загорѣться, а жить такъ страшно, тяжело безъ нея. И новая волна слуховъ поднимается и растетъ, усиливаясь и свѣтлѣя, какъ только становится хоть чуть-чуть полегче дышать. Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдите только по «Полному собранію законовъ» и вы увидите, какая масса утѣшительныхъ слуховъ, подложныхъ манифестовъ, «развратныхъ», «нескладныхъ» рѣчей волновали массы въ теченіе XVII—XVIII вѣк., какъ эта волна разросталась въ маломальски благопріятныя царствованія. Правительство то и дѣло сыплетъ указами, предназначенными быть ушатомъ холодной воды для легковѣрныхъ головъ. Въ указѣ 1757 г. мы читаемъ, что многіе русскіе и иностранные подданные разглашаютъ «живыя вѣдомости о нынѣшнихъ штатскихъ, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ» и «присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ нескладныя разсужденія со столь большою продерзостью, сколь меньше имѣютъ объ оныхъ они свѣдѣніе и понятіе»¹⁾. Почти непосредственно затѣмъ новый указъ констатируетъ, что разные бѣглецы люди разглашаютъ слухи, будто въ Астрахани къ винограднымъ садамъ вѣдно принимать всякаго званія людей, кто бы откуда ни пришелъ²⁾. Во 2-й мѣсяцъ царствованія Екатерины II ей уже приходится заявлять въ указѣ, что «нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне, будучи ослѣплены

1) 1-е Полн. Собр. законовъ, т. XIV, № 10,733.

2) Ibid., № 10,760.

разсѣянными отъ непотребныхъ людей слухами, отложились отъ должнаго повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости»¹⁾. Затѣмъ опять скоро новый указъ противъ «дерзостныхъ толковъ и странныхъ разсужденій не только о гражданскихъ правахъ и правительствомъ издаваемыхъ уставахъ, но и о Божественныхъ узаконеніяхъ»²⁾. Въ 1764 г. разнаго званія люди «по неосновательному и ложному дерзкихъ людей разглашенію оставляютъ свои мѣста и бѣгутъ селиться въ непозволенныхъ мѣстахъ»³⁾. Въ томъ же году въ Петербургѣ появилось «нескладное сочиненіе», происшедшее, по словамъ именнаго указа, «отъ самаго подлаго и глупаго духа, кроющагося между вѣрноподданными Ея Императорскаго Величества» и составленное «для обмана невинныхъ, малосвѣдущихъ людей». Это «нескладное сочиненіе» было ложный именной указъ и начинался такъ: «время уже настало лихоимство искоренить; весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма Наше дворянство пренебрегаетъ» и пр. Тотъ же указъ, несмотря на разоблаченіе, появился въ 1767 г. въ Ярославлѣ⁴⁾. Въ 1766 г. въ главную дворцовую канцелярію явилось нѣсколько крестьянъ-ходоковъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на бывшій, будто бы, въ этомъ году указъ, чтобы за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить крестьяне не въ состояніи, отписывать ихъ на Ея Императорское Величество, крестьяне просили о припискѣ ихъ въ общество дворцовой конторы. Подателей спросили: видѣли ли они указъ? Оказалось, что они о немъ только слышали⁵⁾. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ указомъ о созывѣ комиссіи для составленія новаго уложенія прошелъ слухъ, тотчасъ выразившійся въ мѣстныхъ всѣйшкахъ, что новый законъ уничтожитъ крѣпостныя отношенія⁶⁾. Въ 1771 году поселенцы на казенныхъ шелковыхъ заводахъ на р. Ахтубѣ (знаменитой въ разбойничьихъ пѣсняхъ и преданіяхъ о вольницѣ) отказались отъ работы, потому что прошелъ слухъ объ указѣ отъ сената, чтобы быть тѣмъ всѣмъ поселенцамъ козаками⁷⁾. Бѣглецы, виновники убійства преосвященнаго Амвросія во время чумы въ Москвѣ, «разносить ложные, злодѣйскіе, касающіеся къ замѣшательству слухи»⁸⁾. Еще въ 1764 году курьерамъ, ѣдущимъ въ отдаленные пункты, указано «не разглашать живыхъ вѣдомостей», что, очевидно, нерѣдко

¹⁾ Т. XVI, № 11593. ²⁾ Ibid., № 11843. ³⁾ Ibid., № 12251.

⁴⁾ Ibid., № 12089, т. XVIII, № 12890. ⁵⁾ Т. XVII, № 12633. ⁶⁾ *Семевскій*, стр. 365, 367, 373 и др.

⁷⁾ Собр. Зак., т. XIX, № 13655. ⁸⁾ Ibid., № 13659.

случалось; тѣмъ не менѣе, въ 1796 г. подпоручикъ Иванъ Ѳедосѣевъ, отправленный съ казеннымъ порученіемъ въ Оренбургъ, по дорогѣ рассказываетъ, отъ имени Павла Петровича, что помѣщичьи крестьяне будутъ государевы и собирать оброки съ нихъ станутъ наравнѣ съ крестьянами казеннаго вѣдомства¹⁾. Слухи распространяются устно, вырастаютъ изъ подметныхъ писемъ и фальшивыхъ указовъ, которые правительству то и дѣло приходится опровергать. Указы по поводу подметныхъ писемъ сыплются со времени Петра точно изъ рога изобилія; каждое новое царствованіе подтверждаетъ и напоминаетъ эти указы по нѣскольку разъ²⁾ вплоть до царствованія Императора Александра I, когда понадобился по обычаю новый указъ по этому поводу³⁾.

Слухи поднимаютъ народныя надежды, производятъ мѣстные вспышки, а, между тѣмъ, является команда и производитъ страшную экзекуцію; вмѣсто ложныхъ вѣдомостей, являются настоящіе указы, мало что не оправдывающіе ожиданій, а приносящіе все большую и большую тяготу, тѣмъ болѣе ужасную, что, благодаря «лживымъ вѣдомостямъ», постоянно шевелится и растетъ мысль о лучшемъ будущемъ: жить такъ хочется, чѣмъ больше себя обрѣзаешь и сокращаешь; такъ ярко свѣтитъ счастье среди густой тьмы текущаго прозябанія. Жить хочется, а попытки улучшить жизнь не удаются, слухи не оправдываются и люди не знаютъ, что имъ сдѣлать, чтобы лучше жилось. Для того, чтобы это прозябаніе было сколько-нибудь сносно, — мало однихъ этихъ неопредѣленныхъ, измѣчивыхъ колебаній между надеждой и отчаяньемъ. Ходитъ цѣлая полоса слуховъ другаго рода, — слуховъ, которые наталкиваютъ личность на выходъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, гораздо болѣе глубокой и прочный, чѣмъ тѣ, какіе мы видѣли до сихъ поръ. Эта новая полоса слуховъ носить характеръ идейный: концентрируя въ себѣ всѣ отголоски, всѣ видоизмѣненія психическаго настроенія массъ, обобщая эти настроенія въ одно, выраженное цѣлостно, въ грандіозномъ образѣ, подчиняющемъ невольнo воображеніе, новые слухи ведутъ за собой цѣлый рядъ образовъ и идей, которые иначе освѣщаютъ житье-бытье массы; открывая собою длинную цѣпь созерцаній, они даютъ новый смыслъ жизни. Мы говоримъ о слухахъ и толкахъ о пришествіи въ міръ антихриста и о нравственной идеѣ, выведенной отсюда старовѣрьемъ. Идея объ антихристѣ

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17776. ²⁾ Ibid., т. V, №№ 2877, 3143; т. VIII, № 6150; т. XII, № 9105 и пр., и пр. ³⁾ Ibid., т. XXIX, № 22502.

при Петрѣ вовсе не представляетъ достоянія одного только раскола; она распространена повсемѣстно. И это совершенно понятно. Разказы объ антихристѣ дѣйствовали, прежде всего, на воображеніе, какъ страшная сказка. Притомъ, сказка эта имѣла такъ много реальныхъ чертъ, такъ полно иногда захватывала дѣйствительность, что, разъ заинтересовавшись ею, нельзя было скоро отъ нея отойти, а, присматриваясь дальше, въ ней чловѣкъ находилъ такой глубокой смыслъ, что становился ея ревностнымъ распространителемъ и исповѣдникомъ, потому что изъ этой сказки для него выростала новая вѣра — «старая вѣра», какъ говорили книжники, только очищенная отъ поповскихъ искаженій, сдѣланныхъ при патриархѣ Никонѣ. Мы въ другомъ мѣстѣ уже показывали, какъ выросталъ образъ антихриста въ сознаниіи народныхъ массъ до Петра ¹⁾. Теперь ограничимся только связнымъ изложеніемъ толковъ и слуховъ по этому предмету при Петрѣ.

Послѣ отпаденія отъ православія юнитовъ, что, какъ извѣстно, было дѣломъ антихриста-папы, сатана неожиданно програлся въ «третій Римъ» — Москву и овладѣлъ, прежде всего, Алексѣемъ Михайловичемъ, ставшимъ къ концу своей жизни «изъ владыки мучителемъ». «Первородный сынъ его Петръ отъ втораго пребеззаконнаго брака помазался на престолъ Всероссійскій закономъ жидовскимъ отъ главы до ногу, показуя яко ложный есть мессія и лжехристосъ», — такъ учитъ составитель *Сказанія объ антихристѣ, ежесть Петрѣ I-й*. Народная легенда, однако, не проходитъ этого важнаго пункта такъ снѣжно. Ея уваженіе къ царскому имени такъ велико, государь въ ея воображеніи окруженъ такимъ ореоломъ правоты и святости, что она никакъ не можетъ допустить помраченія этой единственной свѣтлой надежды. (Даже бунтовская вольница съ трудомъ перерывала мысль о неправости царя, да и то она ратовала противъ царей «подмѣнныхъ» и узурпаторовъ, за царей «настоящихъ» (самозванцы). Царь для народа источникъ правосудія и милости, — это высшій представитель правды, какъ ее сознаетъ въ данную минуту массовая мысль и, разъ этотъ источникъ правды изсякъ, исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ и всякая надежда на лучшее, всякая вѣра въ жизнь. А масса въ жизнь не можетъ не вѣрить: слишкомъ ужъ жизнь полна для нея смысла, хотя

¹⁾ «Дѣло» 1881 г., № 9—10.

сплошь и рядомъ грознаго и невыносимо тяжелаго. Царь-антихристъ, разсуждаетъ легенда,—и это неудивительно; это, вѣдь, царь не настоящій, подмѣнный, оттого онъ и дѣлаетъ «богоборныя» дѣла, оттого и жить плохо на свѣтѣ. Со всей эпической обстоятельностью разсказываютъ, что Алексѣй Михайловичъ, огорченный тѣмъ, что Наталья Кирилловна родитъ все царевенъ, «близъ рожденія изволилъ ей, царицѣ, говорить: «ежели де будетъ царевна, я де тебя постригу». И она, государыня-царица, призвавъ Артамона Сергѣича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ; и когда родила царевну, и Артамонъ Сергѣичъ, учинивъ сокровенно, взялъ изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто той царевны, а царевну отдалъ въ нѣмецкую слободу и понынѣ будто она въ нѣмецкой слободѣ жива; а по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣичу, великое время стало отъ нея, царицы, за такое умышленіе» ¹⁾. Называютъ даже настоящаго отца ребенка,—это любимецъ Петра, Лефортъ ²⁾. Иные, впрочемъ, просто говорятъ, что это подмѣнный шведъ ³⁾, родившійся отъ нечистой дѣвы ⁴⁾, какъ и подобаетъ антихристу. Послѣ поѣздки Петра за границу, какъ мы уже знаемъ, возникла варіація легенды о подмѣнѣ. За границу поѣхалъ царь настоящій, вернулся вмѣсто него—обмѣнный. Изъ этого разсказа образуется въ качествѣ продолженія новый разсказъ, объясняющій послѣдующія событія петровскаго царствования, рѣшительно непонятныя, необъяснимыя иначе для народа. Почему царь казнить Алексѣя Петровича? «Потому, что онъ шведъ,—отвѣчаетъ легенда,—и платъ потому возлюбилъ шведское, и со шведами ѣсть и пьетъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, и шведъ у него въ набольшихъ. А паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу и отъ себя сослалъ въ ссылку ⁵⁾ въ монастырь», «и сама царица будто бы отъ него отказывается», — извелъ именно затѣмъ, «чтобы съ нею царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ, своими руками убилъ для того, чтобы ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя шведку царицу Екатерину Алексѣевну и та царица дѣтей не родитъ», а потому, конечно, послѣ смерти Петра крестъ будутъ цѣловать какому-нибудь шведу, родствен-

1) *Есиповъ*: Раск. дѣла, т. I, 591—592.

2) *Ibid.*, II, 169.

3) *Ibid.*, II, 40—41, Ср. „Описаніе док. и дѣлъ св. синода“, т. I, стр. 209 и др.

4) *Есиповъ*, II, 185.

5) *Ibid.*, II, 81.

нику царицы ¹⁾. «И великій князь Петръ Алексѣевичъ (сынъ Алексѣя Петровича) не простъ человекъ, — говоритъ новая легенда, — потому что родился отъ шведки мѣрою въ аршинъ съ четвертью и съ зубами» ²⁾. Вотъ почему это отродье, сказываютъ, какъ мы видѣли, будетъ «еще жесточае» самого царя. А что царь — антихристъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Всюду ходитъ ужасъ наводящіе слухи о томъ, что онъ дѣлаетъ, что намѣренъ дѣлать. А книжники еще раньше Петра, да и при немъ, ревностно распространяли идею объ антихриствѣ: они сдѣлали ходячими признаки его, заранѣе намѣтили весь планъ его богоборной дѣятельности и все сбывается какъ по писанному. Антихристъ перемѣняетъ времена и лѣта, по пророчеству, и Петръ, «по совершенномъ своея злобы совершеніи», возобновилъ новолѣтіе янусовское и отъ него узаконилъ вести лѣтосчисленіе; принявъ на себя титулъ патриаршеское, именовался «отцомъ отечества» и бысть самовластенъ, не имѣя никого въ равенствѣ себѣ, бысть единая безглавная глава надъ всѣми, противникъ Христовъ, антихристъ» ³⁾. Антихристъ, по пророчеству, водворяетъ «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ», — Петръ дѣлаетъ то же самое. Синоду было предписано бороться съ суевѣріями. Во исполненіе этого повелѣнія синодъ въ 1723 г. постановилъ: «сочинить увѣщаніе съ такимъ разсужденіемъ, что годового артуса и богоявленской воды храненіе не нужно, что въ строеніи золотыхъ и серебряныхъ на иконы окладовъ, подсвѣчниковъ и лампадъ особеннаго благочестія и славѣ Божіей приллада нѣтъ». Потомъ по распоряженію синода стали отбирать въ церковную казну привѣски у образовъ, разорять часовни, отмѣнять крестные ходы. И весь этотъ «раціонализмъ» вводился такъ угловато и оригинально, что даже сенатъ долженъ былъ указать синоду на нецѣлесообразность такой проповѣди: онъ обращалъ вниманіе синодскаго секретаря на то соблазнительное обстоятельство, что «отъ разоренныхъ часовень разбросаны кресты и главы и валяются безъ призору, отъ чего происходитъ большой соблазнъ», что нельзя отмѣнять крестные ходы и пр. ⁴⁾. Понятно, что народъ еще менѣе сената склоненъ оставить все это безъ вниманія, когда особенно онъ хочетъ окончательно убѣ-

¹⁾ Ibid., II, 81, 100—101.

²⁾ Ibid., II, 47.

³⁾ Сказаніе объ антихр. „Чт. въ Общ. Ист. и Древн.“ 1863 г., № 1, стр. 52—53.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 217—218.

даться въ томъ, что имѣеть дѣло съ антихристомъ. Идутъ разговоры такого рода: «въ Казани царь часовни ломаетъ и иконы изъ нихъ выносить и кресты съ нихъ снимаетъ, и вездѣ указы разсылаеть, что часовнямъ не быть» ¹⁾. По его приказу «дѣлають Богу прѣотивно: прѣотивъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, образы лищутъ съ шведскихъ персонъ; посты не можетъ воздержать, въ постъ христіанъ женить ²⁾, велить носить жидовскія эпанчи, брить бороды и лбы, самъ принявъ звѣриный образъ и носить собачьи кудри. По неволѣ велить христіанъ приводить къ исповѣди и причастію. Прѣжніе государи по монастырямъ ѣздили Богу молиться, а этотъ государь Богу не молится» ³⁾. Его раціонализмъ въ слухахъ обращается въ бессмысленное кощунство надъ святыней. «Петръ у образа Савооа отнялъ два рога, да и подложилъ коню подъ чрево» ⁴⁾. Чтобы уменьшить бѣгство изъ полковъ, Петръ въ письмѣ къ князю Я. Ѳ. Долгорукову велѣлъ накалывать на лѣвой рукѣ солдатъ крестъ и натирать его порохомъ. Эта мѣра практиковалась. Въ 1718 г. у бѣглыхъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ рекрутами капитаномъ Лампе, были «запятнаны лѣвыя руки рекрутскимъ пятномъ» ⁵⁾. Развѣ это не дѣло антихриста? Крестъ — «крыжъ латинскій», да еще и на лѣвой рукѣ!... Говорять: «печатаеть царь солдатъ въ руки и та печать на лбахъ и рукахъ—антихристова». Да еще и всѣхъ будутъ печатать: «привезены изъ-за моря клейма на корабляхъ и кого запечатають, тому и хлѣбъ дадутъ» ⁶⁾. Производится подушная перепись, — опять дѣло антихриста: «видимъ по свящ. писанію и изъясненію соловецкихъ страдальцевъ, что у васъ отъ Р. Х. восемь лѣтъ убавлено, сего ради живыми подписками весь родъ чловѣчъ въ погибель ввели, а мы подъ живыя ваши лѣта не подписуемъся, творите съ нами, что хотите» ⁷⁾.

Какъ подобаеть антихристу, Петръ творить чудеса. Левину рассказываютъ его двоюродные братья: «у насъ многіе офицеры говорятъ, что онъ, государь, въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, — будто по льду подымаетъ, также и воду въ

¹⁾, ²⁾ и ³⁾ *Есиповъ*, т. II, стр. 39, 76—77, 96, 100, 170, 185.

⁴⁾ *Ibid.*, I, стр. 565.

⁵⁾ *Голиковъ*: Дѣянія Петра В., т. IV, стр. 169; „Рус. Арх.“ 1873 г., стр. 2072—73, 2298.

⁶⁾ *Есиповъ*, I, 14.

⁷⁾ Сказаніе объ антихр. „Чт. въ Общ. Ист. и Др.“ 1863 г., № 1, стр. 69.

кровь превращаетъ»¹⁾. Всякая оригинальность, всякая ненормальность организма, отмѣченная у людей, близкихъ къ Петру, — все какъ нельзя лучше доказываетъ, что это противникъ Христовъ. У сына графа Головкина — красная щека, у сына Федора Иваныча Чемоданова «черное пятно на щекѣ и на томъ пятнѣ волосы черные же», а владѣльцы пятенъ — двоюродные братья — и это, вы думаете, спроста? Вы думаете, тутъ не открывается никакого знаменія? Открывается: въ антихристово время будутъ такіе люди²⁾. Строгость Петра въ разсказахъ преувеличивается до звѣрства. Напр., разсказываютъ, что «собралъ онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ челоувѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣна, велѣлъ побить до смерти изъ пушки». Его побѣды — новое несомнѣнное доказательство излюбленной идеи. «По писанію сбывается, — говорятъ грамотные люди, — беретъ государь непріятельскіе города боемъ, а иные лестью. И Царьградъ онъ, государь, возьметъ, да и Римъ возьметъ же лестью и соберетъ жидовъ всѣхъ и съ ними, жидами, пойдетъ въ Іерусалимъ, и тамъ станетъ царствовать и ихъ жидовъ возлюбитъ, а они, жида, въ скорѣхъ числѣхъ его не познаютъ; и будетъ у нихъ, жидовъ, гладъ и всякая имъ нужда, и въ то время они, жида, его, государя, познаютъ, что онъ антихристъ и на немъ сей вѣкъ скончается»³⁾. Праздники по поводу побѣдъ, устраиваемые на заморскій ладъ, съ фейерверками, пушечной пальбой, шутовскими процессіями, неизбѣжно освѣщаются народомъ, непривычнымъ къ зрѣлищамъ такого рода, по своему. Празднованіе, напр., въ 1723 г. Ништадскаго мира, продолжавшееся двѣ недѣли, даетъ старовѣрамъ поводъ говорить, что «антихристъ въ то время сядетъ на престолъ и поставлены въ Москвѣ Красныя ворота, только наши старовѣры въ тѣ ворота не ѣздятъ»⁴⁾. «Въ послѣднее время вопросятъ дани отъ мертвыхъ и отъ живыхъ, — говоритъ Меѳодій Патарскій, — въ то время отрекутся люди отъ православныя вѣры» и пр., «а не хотящии тогда отрещиса... овы въ домахъ своихъ сожигаются, а иные въ рѣкахъ и озеряхъ утопающе, а иные съ храминъ убиваются, и сихъ вмѣнить Богъ въ мученика»⁵⁾.

«Сбывается, сбывается», — думаетъ въ ужасѣ челоувѣкъ

¹⁾ и ²⁾ *Есиповъ*, I, 14, 44, 565.

³⁾ *Ibid.*, II, 59.

⁴⁾ *Соловьевъ*, т. XVIII, стр. 212.

⁵⁾ Сказаніе объ антихр., стр. 56—57.

XVIII в., прислушиваясь къ этой страшной сказкѣ, факты которой у всѣхъ предъ глазами, а освѣщеніе такъ рѣзко и такъ понятно. Отгадка соціального зла именно тутъ, въ этомъ понятномъ, образномъ, обобщеніи. Зло отъ личности. Зло страшно, необъятно, но и личность — сила не здѣшняя; это сатана, противникъ Христовъ. Человѣкъ XVIII в. доработался до метафизическаго обобщенія «горя - злосчастья». Фигура этого горя только страшно неясна: его пластическіе признаки, необходимые, чтобы образъ подчинялъ себѣ воображеніе человѣка, сводятся въ сущности лишь къ тому, что оно «лыкомъ подпоясано, мочалами изопутано». Человѣкъ XVIII в. объяснилъ это обобщеніе «горя-злосчастья», вложивъ его въ образъ антихриста, пластически вполне законченный и опредѣленный. Отсюда открывается путь развитія дуалистическаго религіознаго воззрѣнія безпоповщинскихъ согласій.

Чтобы вполне объяснить себѣ психическій эффектъ, который производили на массы рассказы и толки объ антихристѣ, читатель долженъ себѣ представить, что, вѣдь, за эти ребячески-нелѣпныя рассказы разскащиковъ по десятку лѣтъ выдерживали въ Преображенской розыскной канцеляріи, мучительно мучили, били кнутами, рѣзали языки и ноздри, жгли. Пусть читатель припомнить, что все это говорилось шепотомъ, что доносъ процвѣталь, какъ никогда, что достаточно было услышать подобную сказку и уже бояться, что не нынче, завтра по оговору съ пытки попадешь въ Преображенское, откуда выходъ сомнителенъ и ужасенъ. Даже если оправдаютъ и отпустятъ, и то предъ тѣмъ въ пыткахъ искалѣчатъ такъ, что человѣкъ освобождается только для церковной паперти или для могилы. А къ этому еще представьте человѣка съ чуткой, до болѣзненности нервной системой, заключеннаго суевѣріями, легковѣрнаго, надъ которымъ образы фантазіи имѣютъ власть болѣе дѣйствительную, чѣмъ простыя соображенія и построенія разсудочной дѣятельности; и вы увидите, поймете, что каждое слово такой сказки волосы дыбомъ ставятъ на головѣ, производитъ ужасъ мертвящій: дрожать колѣна, зубъ не попадаетъ на зубъ, весь организмъ, вся мысль инстинктивно складываются въ одно безотчетное побужденіе: бѣжать, безъ оглядки бѣжать отъ этого невыносимаго ужаса, изъ этого міра, одержимаго сатаной...

Чтобы еще болѣе опредѣлить и выяснить массовое настроеніе въ XVIII в., мы позволимъ себѣ привести одинъ отрывокъ изъ слѣдст-

веннаго дѣла, весьма характерный для этого въ томъ отношеніи, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ среднимъ человѣкомъ и, притомъ, здоровымъ, повидимому, что тоже необходимо отмѣчать. Въ началѣ XVIII в. при одной тамбовской церкви былъ дьячекъ Степанъ. Онъ былъ поверхностно знакомъ съ Св. Писаніемъ, но то, что зналъ, сильно его интересовало, какъ и многихъ, многихъ людей того времени. Да и, въ самомъ дѣлѣ, время тревожное, все сдвинуто съ мѣста, перетасовано, «не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ», а новости за новостями сыплются, какъ изъ рога изобилія, хочется въ этомъ разобраться, найтись,—что другое научить, какъ не писаніе? Сами занятія Степана толкаютъ его къ книжкѣ. Всюду разнообразныя толки о реформахъ, о Петрѣ, о знаменіяхъ пришествія антихристовъ, котораго ждутъ, чтобъ не ходить дальше, съ 1666 г. А, между тѣмъ, всюду шныряютъ «фискалы» и стерегутъ всякое не то что неосторожное, а даже неопредѣленное, сомнительное слово. Работа «занлечныхъ мастеровъ» кипитъ, не переводится. Говорятъ, поэтому, шепотомъ, съ пугливой оглядкой, полусловами, намеками, наводящими ужасъ. Встрѣчается Степанъ съ какимъ-то монахомъ Саввой, завязывается разговоръ о современныхъ дѣлахъ и монахъ заражаетъ собесѣдника мыслью объ антихристѣ: «Видишь,—говоритъ онъ о Петрѣ,—одинъ владѣть, патриарха-то нѣтъ, а печать видима: велитъ бороды брить!» Ужаснулся Степанъ и первое, естественное побужденіе говорить ему: уйди! Уйти, однако, Степанъ сразу не рѣшился; только въ церковь пересталъ ходить. Несомнѣнной увѣренности въ наступленіи царства антихриста, однако, еще нѣтъ; пошелъ къ духовнику посоветоваться. Но духовникъ тоже тронуть этой идеей. «Какъ мы бывали въ Воронежѣ, въ пѣвчихъ,—говоритъ онъ Степану,—то пѣвали предъ государемъ и при компаніи, проклинали измѣнниковъ кой-какихъ. Однажды дошелъ разговоръ до Талицкаго и государь говорилъ: «какой онъ воръ, Талицкой! Ужь и я, по его, антихристъ! О, Господи, ужь и я антихристъ предъ Тобою!» Пѣвчими эти скорбныя размышленія вовсе не поняты. «Къ чему онъ это говорилъ?—задумывался пошъ,—кто знаетъ!»... А у Степана «отъ тѣхъ поповыхъ словъ все сумнѣніе къ сумнѣнію, и въ мысли своей онъ держитъ, что Петръ прямой антихристъ». Въ старопечатной Кирилловой книгѣ увидалъ Степанъ, что «во имя Петра имать сѣсти гордый князь міра сего — антихристъ»; рѣчь идетъ о папѣ, а у Степана свой Петръ на умѣ. Встрѣтился съ какой-то бабой, — она раз-

сказываетъ, что были люди въ Суздаль и тамъ царица Авдотья Ѳедоровна говорила: «держите вѣру христіанскую, — это не мой царь!» Подъ вліяніемъ этихъ толковъ Степанъ бросаетъ жену и постригается въ Тамбовѣ въ монахи подъ именемъ Самуила. Его предостерегаютъ: первое гоненіе антихриста будетъ на монастыри. «Ничего, — отвѣчаетъ Степанъ, — тогда уйду въ горы». Въ монастырѣ тѣ же разговоры; ходятъ сказки и о подмиѣѣ царя.

Пріѣзжаетъ къ Самуилу дядя — монахъ Никодимъ. Спрашиваетъ его Самуиль о царѣ, не антихристъ ли? Тотъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, не антихристъ, а развѣ предтеча его». Около того времени случилось въ монастырѣ какое-то дѣло; для слѣдствія и допросовъ монаховъ забрали и увезли въ Воронежъ. Въ это время Самуиль написалъ и подбросилъ на незнакомый дворъ письмо о царѣ-антихристѣ. Вышелъ регламентъ съ нѣкоторыми мѣрами противъ монашества; тогда Самуиль ужь окончательно рѣшилъ, что царь антихристъ: «отводить отъ монашества! Надо бѣжать въ пустыню». На этотъ разъ Степанъ дѣйствительно ушелъ. Его скоро, однако, поймали, отодрали плетью и посадили на цѣпь въ монастырѣ, изъ котораго онъ убѣжалъ. Самуилу удалось убѣжать второй разъ. Теперь онъ ушелъ въ степь и сталъ проповѣдывать бурлакамъ о наступленіи царства антихриста. Но тутъ ему, какъ на грѣхъ, попались книги, изданныя духовною властію противъ раскола «Увѣтъ Духовный», «Пращица» (Питирима Новгородскаго), «Знаменія пришествія антихристова» (Степана Яворскаго). Прочитавъ ихъ, Самуиль и, какъ человѣкъ искренній, сознался въ своихъ заблужденіяхъ, повѣрилъ, что «царь какъ царь», и снова воротился въ свой монастырь. Онъ былъ еще молодъ, любознателенъ, были, очевидно, способности, и его взяли на Москву — учиться. Скучно, однако, зубрить латынь, подвергаться плети префекта за нехождение въ классъ человѣку взрослому, давно женатому, да еще тронутому такъ или иначе проклятыми вопросами. А тутъ еще человѣкъ узнаетъ, что жена его вышла за другаго. Припоминаются ему запрещенія регламента, потому что, не будь ихъ, и жена постриглась бы сгоряча, въ первое время ихъ разлуки. И думаетъ Самуиль: «онъ все, Петръ виноватъ». И опять бранить онъ Петра и пишетъ бранныя слова на бумажкахъ. Попалась одна такая бумажка и представлена куда слѣдуетъ. Взяли Самуила въ тайную канцелярію

и послѣ допросовъ и пытокъ казнили... Это случилось уже послѣ смерти Петра ¹⁾).

Читатель видитъ, что въ этомъ весьма характерномъ эпизодѣ нѣтъ ни одного расколоучителя, рѣшительно не видна прикосновенность людей, промелькнувшихъ предъ нами, къ какой-нибудь старовѣрской организаціи. Все это «церковные» — попы, монахи, люди изъ массы, — все люди, ничѣмъ особеннымъ изъ массы не выдѣляющіеся, не исключая и самого Степана. Послѣдній самый обыкновенный человѣкъ, любознательный, благодаря грамотности, разыскивающій въ книжкѣ, къ которой онъ полонъ довѣрія, разгадки тревожныхъ житейскихъ задачъ. Вы видите, что всѣ эти люди дождемъ реформъ, тягою неопредѣлившейся жизни выбиты изъ колена, перепуганы. Они, какъ стадо овецъ, мечутся изъ стороны въ сторону, пугаемые призраками своего собственного воображенія, самыми бессмысленными выдумками, самыми «зряшными» слухами и вѣстями. Ихъ гложетъ червь недовольства, хочется удовлетворенія, но мысль не показываетъ выхода, а, между тѣмъ, стихійнаго побужденія «уйти» безъ разъясненій и раздумья уже мало. Какъ такъ уйти? Почему? Степанъ здоровый человѣкъ, но не особенно сильный умственно. Онъ въ силу этого можетъ слушать соблаженія pro и contra. Попалась ему книжка, обдумался при ея чтеніи человѣкъ, успокоился, страхъ уменьшился, грозный образъ потускнѣлъ: «царь какъ царь». Мысль больше не работаетъ, относительную цѣнность аргументаціи она оцѣнить неспособна. Недовольство остается, а, между тѣмъ, оно безотчетно, въ немъ разобраться силъ не хватаетъ... Будь Степанъ человѣкъ нервный, онъ бы не сомнѣвался; болѣную душу сильнѣе захватилъ бы образъ антихриста, какъ у Левина. Будь онъ умнѣе, онъ сдѣлался бы теоретикомъ мистико-дуалистической идеи. Но онъ не столкнулся съ людьми, уже работавшими въ этомъ направленіи, и образъ антихриста всю жизнь только смущалъ его... Такъ и у всего большинства въ то время: міръ сказочный и міръ реальный въ воображеніи перепутаны и сбиты такъ, что мысль ихъ не различаетъ; она мѣшаетъ быть съ небылицей и поступаетъ такъ, какъ велятъ фантастическіе образы; реальные лица и отношенія она облакаетъ фантастическимъ туманомъ, фантастическими средствами старается достичь

¹⁾ «Правосл. Обзоръ» 1860 г., № 7, ст. С. М. Соловьева. Есть пересказъ того же дѣла у Есипова, «Древн. и Нов. Россія» 1879 г. Ср. въ такомъ же родѣ разсказъ о Левинѣ у Есипова «Раск. Дѣла», т. I.

реальной цѣли—спасенія отъ «царюющаго зла», успокоенія, отдыха отъ непрерывной двухвѣковой общественной сутолоки... (по крайней мѣрѣ). Сказки объ антихристѣ, — такъ, какъ онѣ ходили въ массѣ, — конечно, не могли сами по себѣ дать нравственнаго успокоенія, но онѣ въ высокой степени возбуждали массы, заставляли прислушиваться къ знакомому, страшно отдающемуся слову, дѣлали воспримчивыми къ проповѣди нравственной идеи, — проповѣди, начинавшейся съ антихриста. А самая проповѣдь, проникаясь настроеніемъ массъ, освѣщала и освящала это настроеніе, успокоивала человѣка, давала силу страдать, давала самоудовлетвореніе личности...

И. Харламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТРАННИКИ *).

(Очеркъ изъ исторіи раскола).

II.

Расколъ съ самаго перваго своего появленія въ исторіи выступилъ какъ идея. Какъ идея, онъ получилъ свое значеніе среди массъ, свою авторитетность. Что же давалъ онъ? Что и во имя чего онъ отрицалъ? Какіе идеалы онъ ставилъ? Куда вель массы?

Количество послѣдователей старовѣрья сильно увеличивалось. Во всѣхъ классахъ общества, даже при дворѣ, оно имѣло своихъ послѣдователей, но главная масса старовѣровъ составлялась, конечно, прежде всего, изъ наиболѣе забитаго, угнетеннаго крестьянства. Чѣмъ же особенно привлекалъ расколъ массу? Какое утѣшеніе онъ давалъ ей? Правда ли, что онъ звалъ массы къ протесту противъ существующаго порядка, ставилъ новые общественные идеалы?

Мы уже видѣли, что среди протестующихъ, недовольныхъ массъ болѣе или менѣе ясно сознаные, выраженные идеалы отсутствовали. Протестъ шелъ противъ личностей во имя личности. Соціальное зло приписывалось личности. Идетъ ли глубже въ смыслъ критики; отрицанія существовавшаго въ XVII и XVIII в. соціального строя расколъ? Если мы возьмемъ передовыхъ, наиболѣе интеллигентныхъ людей, вышедшихъ изъ массы, сливки русскаго ума, развитаго самобытно, то увидимъ, что они если и сумѣли отдѣлить форму соціально-политической жизни

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

отъ личностей, то вовсе не такъ глубоко и широко, чтобы отрицать ее. Люди изъ массы, доработавшеиса до болѣе опредѣленной критики существовавшихъ тогда отношеній, кончали тѣмъ, что признавали законною, правильною существовавшую тогда форму государства, видѣли цѣль государственной работы и, отдавая должную дань почтенія къ цѣлому, возставали противъ злоупотребленій лишь лицъ, облеченныхъ властью, не имѣли ни малѣйшей мысли о томъ, что злоупотребленія могутъ обуславливаться именно самою формою государственнаго строя. Даже такіе люди, какъ Посошковъ, съ своими проектами частичныхъ преобразованій и улучшеній стояли на почвѣ личности, нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ личностямъ, а не къ государственной формѣ, которая признавалась неподлежащею спору; къ ней относились, такъ сказать, бессознательно. И Посошковы съ своими проектами не къ народу обращались, потому что онъ бы ихъ не понялъ, ничего бы для нихъ не сдѣлалъ, а къ правительству, которое должно, по мнѣнію Посошковыхъ, и одно только можетъ держать народъ въ опеку, въ мундштукъ предписаній и распоряженій. Старовѣры-пропагандисты, писатели подметныхъ писемъ, кончаютъ тѣмъ, что популяризируютъ идею государства, укрѣпляютъ ее, а не отрицаютъ. «Мірская власть отъ Всевышняго, — говоритъ одно возмутительное письмо, — строеніе имать двою ради винъ: первая—да вооруженною рукою отъ чуждыхъ народа градъ пощадить; вторая же—да право разумнымъ судействомъ отъ тайныхъ враговъ мирно жительствующихъ гражданъ очистить и всякой немирности конецъ содѣть. Аще которая мірскаго могущества власть начнетъ возносить свою бровь, но Божій законъ изъ преданнаго ей предѣла правды выступать, и таковую власть всевышній Господь Богъ смиряетъ и гордынѣ ей *Той Самъ* удобно противится... какъ о семъ довольно извѣстно исторію чтущимъ»¹). Мысль автора, какъ видите, слишкомъ далека отъ того, что поставленная имъ цѣль одною формою государственнаго строя достигается лучше, чѣмъ другою, что необходимы реформы. Нѣтъ, онъ злоупотребленія властью разсматриваетъ совершенно антропоцентрическимъ способомъ: злоупотреблять властью или не злоупотреблять — совершенно въ рукахъ личности; неизбѣжныя свойства среды, свойства самой формы власти, вліяющей на личность, развязывающія ей руки для злоупотребленій, — все

¹ Подметное „Возглашеніе въ народъ“ у *Есипова*, т. II, прил., стр. 231.

это далеко отъ его 'сознанія, для него непонятно. Да и на Западѣ-то въ это время подобныя соображенія еще едва-едва принимались. Чего же требовать отъ насъ? И не странно ли говорить о «критикѣ» порядковъ той эпохи, о политическихъ идеалахъ старовѣрья?..

Въ критикѣ церковнаго устройства старовѣры шли дальше, благодаря большому изученію, но и тутъ больше возставали противъ уничтоженія *личности* патріарха, чѣмъ института патріаршества. Если бы первоприсутствующій синода сохранилъ названіе патріарха, если бы главнымъ дѣятелемъ синода фактически скоро не сталъ свѣтскій чиновникъ (опять таки, какъ личность), едва ли и теперь мы слышали бы рѣзкія нападки на неканоничность этого учрежденія, на отступленіе отъ уставовъ церквей.

Въ XVIII в. идетъ далѣе сплошной, гулкой вошь противъ подушной переписи и подушной подати. Если мы посмотримъ какъ производилась первая ревизія, то найдемъ, что вошь этотъ возбужденъ въ значительной степени звѣрствомъ и самоуправствомъ исполнителей, т.-е., опять таки, нравственными свойствами личностей. Мы видѣли также одинъ резонъ у автора *Сказанія объ антихриствѣ*, — это подлогъ въ лѣтосчисленіи. Но пускай это будетъ резонъ, убѣдительный только для темной массы. Нѣтъ ли другихъ резонъ поумнѣе? «Во исчисленіи душевномъ не чаю быти проку, — говоритъ Посошковъ, — понеже душа есть вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны не имущая» ¹⁾). Антихриствѣ души обложилъ податью, жалуется составитель *Сказанія*. «Что же есть душа? Душа есть невидимаго существа Божія образъ, дебельствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносить Создателю своему дань душевную, вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную. Сынъ же погибельный уби(лъ) сію святую добродѣтель и насади вмѣсто того невѣріе, безнадежіе, нелюбовь»... ²⁾). Вотъ самые сильные резоны противъ переписи и подушной подати въ началѣ вѣка, когда еще силенъ былъ духъ возмущенія. Въ основѣ этого резона есть ли хоть отдаленный намекъ на какую-нибудь общественную идею? Резонъ имѣеть существенно метафизико-психологическій характеръ: тутъ протестуетъ опять и опять личность

¹⁾ «О скудости и богатствѣ», стр. 185.

²⁾ «Сказ. объ антихр.», стр. 62.

во имя нравственного достоинства личности, которое, ей кажется, унижено этими установлениями.

Даже эта идея рѣдко, рѣдко развивается до признанія равенства людей. Крестьяне ждут не дождутся воли. Ходить слухи, что будетъ воля, но въ 1766 г. въ комиссiи для составленія новаго уложенія только одинъ голосъ дворянина Андрея Маслова поднимается за освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ и выкупъ ихъ въ казну. Остальные немногочисленные защитники крестьянъ стоятъ лишь за упорядоченіе и ограниченіе помѣщичьей власти. Попрежнему все дѣло вертится на различіи личностей. Черносошный крестьянинъ Чуровъ возражаетъ князю Щербатову, противнику крѣпостныхъ, такъ: «Правда, что заслуга всегда признается за справедливость и честь дворянская за достоинство почитается, да, однако же, и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность, то по возможности своей все отираиваетъ; только нынѣ... гг. депутаты не на то собраны, чтобы чести себѣ приписывать, но въ сходственность большого Наказа о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно, и для того не должно, кажется, оставить безъ узаконенія и помѣщичьихъ крестьянъ». Что касается добрыхъ помѣщиковъ, «то о таковыхъ весь свѣтъ знаетъ, кто у кого подъ защитою и въ добромъ поведеніи и въ немучительствѣ жительство имѣетъ, того похулить едва ли кто отважится». И ежели узаконеніе нужно, то собственно для обузданія тѣхъ, которые «безмѣрно крестьянъ своихъ мучатъ и несносныя дани собираютъ»¹⁾.

Идея равенства, и притомъ лишь какъ идея нравственная, неразвита въ своихъ общественно-политическихъ послѣдствіяхъ, является у лучшихъ умовъ только къ концу столѣтія подъ вліяніемъ Запада. Въ старовѣрскомъ протестѣ мы найдемъ ее около того же времени и точно также лишь въ видѣ нравственно-догматической доктрины. Критика общественныхъ и государственныхъ учреждений отсутствуетъ; какъ увидимъ, протестъ противъ соціально-экономическихъ учреждений тогдашняго времени не чувствуется даже въ сектантскихъ учрежденіяхъ, которыя, по скольку сознательны — воспроизводятъ церковную организацію, по скольку безсознательны — все больше и больше носятъ черты господствующаго порядка. Протестъ противъ учреждений

¹⁾ Сергеевичъ: Лекціи и изслѣд., стр. 648—649.

сводится къ протесту противъ личностей, ихъ осуществляющихъ, и идетъ не во имя хотя бы даже неясно сознаннаго, непродуманнаго, неопредѣленнаго общественно-политическаго идеала, а во имя личности, какъ *уединеннаго*, самого себѣ довлѣющаго существа. И постановкой-то собственно принципа личности расколъ и важенъ; этимъ-то и привлекалъ и до сихъ поръ привлекаетъ онъ къ себѣ вниманіе массъ и послѣдователей...

Въ 1715 г. въ Петербургѣ подъячій Докукинъ подкинулъ «возмутительное письмо», по его словамъ, «соболезнуя о народѣ, чтобы какъ легче было отъ податей». Письмо это начинается такой характерной тирадой: «Что такое человекъ, что Ты помнишь его, или сынъ человѣческій, что Ты заботишься о немъ? Но много Ты умалилъ его предъ ангелами, славою и честью увѣнчалъ его. Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ подъ ноги его, сотворилъ его по Своему образу и подобію и самодержцемъ на землѣ повелѣлъ ему быть. Удивленія великаго достойна такая честь и власть, дарованная Богомъ намъ людямъ, браннымъ, недолговѣчнымъ на землѣ. Мы уподоблены ангеламъ земнымъ, человекамъ небеснымъ, — разсуждаетъ по поводу этой тирады Докукинъ. — Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, какъ мы отъ зависца и губителя своего дьявола... здѣсь живущіи на земли отъ онаго Божественнаго дара многіе отрѣзаемы и свободной жизни лишены, гонимы изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, а также руководѣльства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишены, пачежъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и грацкихъ издревле установленныхъ законовъ лишились... Древеса самыя нужныя въ дѣлехъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты многіе, и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежахъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ... и многіе отъ того умервщляемы; дома и приходы запустѣли, святыя церкви обветшали; древодѣлей и каменосѣчцевъ отогнали, плинны на созиданіе... церквей и домовъ дѣлать заказали; на воздухъ пути намъ не указали и сами себѣ тамошняго пути не съискали»... ¹⁾ Нѣтъ нужды снова отмѣчать исходный пунктъ протеста, — онъ такъ ясенъ и очевиденъ. Но

¹⁾ *Есиповъ*, т. I, стр. 182—184.

какъ же совѣтуетъ Докукинъ сдѣлать, «чтобы легче было отъ податей»? «Вся сія, т.-е. исчисленные стѣсненія и лишенія, по святой волѣ Господа Иисуса Христа строятся *за умноженіе нашихъ грѣховъ*; и за сіе наше страданіе, *еще благодарно стержимъ*, отпустить Создатель намъ долгъ... *только потерпите Господа ради*»... Положимъ, мы знаемъ затаенную причину этого воззванія къ терпѣнію. Докукинъ рассчитывалъ на царствованіе Алексѣя Петровича, когда все пойдетъ «по старому», но въ воззваніи на это нѣтъ ни малѣйшаго намека и терпѣніе проповѣдуется какъ средство искупленія грѣховъ. Причина зла скрывается въ личности, въ ея нравственномъ уровнѣ, который долженъ быть повышенъ на первый разъ практикою терпѣнія.

Докукинъ—не раскольникъ, но онъ вѣрно отражаетъ въ своемъ письмѣ господствовавшую въ то время точку зрѣнія. Расколъ еще сознательнѣе ставитъ принципъ личности, хотя онъ тоже взываетъ къ терпѣнію, страданію, подвигу. И страдающая, подвижническая, терпѣливая масса съ увлеченіемъ, съ восторгомъ слушаетъ воззванія учителей старовѣрья, и практика страданія и подвига увеличивается, и, тѣмъ не менѣе, жизнь у старовѣровъ, съ старовѣрскимъ двуперстіемъ, признается жизнію «пространною», а не «тѣсною», какъ у церковныхъ. Московскій попъ Ѳедоръ показываетъ на пыткѣ: «Въ старообрядческомъ крестномъ сложеніи себя содержать будетъ *для того, что тѣмъ крестомъ живутъ пространнѣе и улучшить можно царство небесное*, а которые слагаютъ три перста большіе, тѣмъ жить тѣсно и царствія небеснаго улучшить не могутъ»¹⁾.

Въ чемъ же заключалась эта «пространность житія», несмотря на страданіе и подвигъ, — «пространность», дававшая силу мученичества? Расколъ не ставилъ опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ, не звалъ массы къ бунту съ цѣлью переустройства общественныхъ отношеній. Отрицая общественный порядокъ, какъ дѣло антихриста, расколъ исключалъ тѣмъ самымъ всякую борьбу съ нимъ какими-нибудь матеріальными средствами. Да массу такъ много голосовъ звали съ XVII в. къ бунту, что она къ нимъ прислушалась; она такъ много разъ пробовала и по частямъ, и большіими «сколами» это «средствіе» и такъ оно постоянно оказывалось неудачнымъ, такая тяга дѣлалась послѣ него, такъ оно надолго обезсиливало и угнетало

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ св. синода, т. I, стр. 92.

борцевъ, что она и не пошла бы на борьбу. Все больше и больше она нуждалась въ мирномъ, незвѣрообразномъ исходѣ, въ нравственомъ устоѣ. Расколучитель и даетъ такой устой. Зло въ тебѣ самомъ,—говоритъ онъ. Ты — великій грѣшникъ: вся жизнь твоя грѣхъ и зло, и, прежде всего, потому, что ты оставилъ въ небреженіи за данями, да полтинами, за сохой да за рублемъ свое безцѣнное сокровище,—свою душу. Живи для себя; для души своей живи, спаси ее, очисти предъ Богомъ, пусть за нее страдаетъ твое тѣло, но саму ее убивать отнюдь не давай и ты царство небесное уллучишь за земныя, скоропреходящія невзгоды. Самоотрицаніе идетъ во имя личности. Перемѣщеніе центра социальнаго зла съ личностей, его творящихъ, на саму личность, его испытывающую, прежде всего, внѣшнимъ образомъ примиряетъ личность съ общественнымъ строемъ; худо, да самъ виновать, потерпи, себя сначала очисти, приведи въ порядокъ. Затѣмъ выдвиганье на первый планъ собственнаго я, души, обращало сознаніе личности внутрь себя, вглубь, открывая новую полосу впечатлѣній высокихъ и захватывающихъ, суживало поле внѣшнихъ впечатлѣній, уменьшало ихъ ѣдкость и жгучесть. Человѣкъ знаетъ, что это такое наружи, знаетъ, какъ онъ долженъ относиться теперь къ внѣшнему міру. Мало того. Чувство личности, походя попираемое людьми на одну линію рангомъ повыше, теперь успокоивается, потому что оно найдено въ сознаніи и признано. Можетъ быть, оно попирается не меньше, можетъ быть, уколы нравственнаго достоинства еще чувствительнѣе, но за то въ общемъ строй личнаго сознанія повысился. Нравственная идея ставить человѣка выше обиды, даетъ силу даже презирать ее. Человѣкъ научается обуздывать себя для Бога, прощать враговъ своихъ, терпѣть мучительства во имя будущихъ «вѣнцовъ». Человѣкъ находитъ себя, находитъ смыслъ жизни. Ему говорятъ, что и онъ имѣетъ цѣну, какъ личность, какъ носитель души, созданной по подобію Создателя, малымъ чѣмъ умаленной предъ ангелами, что онъ можетъ и долженъ жить для себя, прежде всего, можетъ и долженъ отвернуться отъ грѣховнаго міра. Самъ человѣкъ причина зла,—его воля злая приносить ему, въ концѣ-концовъ, страданія, но онъ просвѣтленъ сознаніемъ этого, вышелъ на борьбу съ дьяволомъ, стережетъ его проявленія въ себѣ. Но дьяволъ въ союзѣ съ міромъ, съ средой силенъ. Онъ постоянно искушаетъ волю, не окрѣпшую въ борьбѣ, онъ прикрывается много-

образными личинами, даже личиною правды и свѣта. Онъ, антихристъ, даже въ лицѣ царя воплотился и заставляетъ творить волю свою. Уйди отъ этого грѣшнаго міра, скройся и въ «тѣснотѣ» займись своимъ душевнымъ очищеніемъ и спасеніемъ. Бѣжать расколъ приглашаетъ чуть не съ самаго своего появленія. Чѣмъ больше распространяется идея объ антихриствѣ, царствующемъ въ мірѣ, чѣмъ больше развивается эта идея въ приложеніи къ личной нравственности, тѣмъ сильнѣе становится и призывъ къ бѣгству. Расколоучители и расколоводители все же люди массы; ужасъ и отчаяніе находятъ и въ нихъ отголосокъ, и они не могутъ отдѣлаться отъ господствующаго настроенія массъ.

«Въ послѣднія времена, — писалъ еще дьяконъ Ѳеодоръ, — Христовой вѣры не будетъ на земли, кромѣ въ малыхъ только останется, крыющихся въ пустыняхъ и горахъ. И сего ради Христосъ Сынъ Божій въ послѣднія дни назадъ не оглядываясь бѣгати повелѣтъ отъ прелести, номиная жену Лотову» ¹⁾.

«Царь Петръ Алексѣевичъ — антихристъ, — проповѣдуетъ экзальтированный, истеричный Левинъ, — въ Москвѣ всѣ мясо будутъ ѣсть въ сырную недѣлю и въ великій постъ, и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ... Бойтесь этихъ печатей, православные!.. Бѣгите, скройтесь куда-нибудь. Последнее время, антихристъ пришелъ, — всѣ дѣла бросать надо!» ²⁾.

«Нынѣ пришло послѣднее время, — говоритъ иконописецъ Иванъ Андреевъ, — должно скрыться подъ персть и главы своя прикрыть въ горы, или въ вертепы» ³⁾.

«Въ антихристово время удалитися и бѣгати отъ антихристовыхъ жертвъ прескверныхъ подобаетъ, — учитъ составитель *Сказанія объ антихриствѣ*, — какъ и у Богослова сказано, что «церковь побѣжитъ въ пустыню отъ рода прелестнича», а церковь — правовѣрнии христіане, истиннии раби Христовы, побѣжатъ въ горы, и въ вертепы, и пропасти земныя отъ антихристовы

¹⁾ *Субботникъ*; Мат. для ист. раскола, т. VI (Сочиненія дьякона Ѳеодора), стр. 65—66.

² и ³⁾ *Есичовъ*, т. I, стр. 19—24; II, стр. 86—100.

прелести и спасутся, аще не тако, то вси уловлени будутъ злокозненнымъ антихристомъ и погибнуть вѣчною погибелю» ¹⁾).

Расколъ указывалъ старый, престарый выходъ, какъ видите; но, во-первыхъ, требовался, какъ и всегда для массы, выходъ сейчасъ же, немедленно, безъ раздумья и сомнѣній. Масса колебалась, была, какъ всегда, нерѣшительна; среди нея Степаны еще раздумывали: антихристъ ли царь, или нѣтъ? Справедливо ли, нужно ли бросить эту тяжелую обузу подневольной жизни? Расколоучители съ фанатическимъ огнемъ отвѣчали: нужно, необходимо, иначе—погибель. И масса бѣжала, потому что въ ней дремалъ уже подобный импульсъ и ждалъ только толчка отъ искренняго, убѣжденного человѣка. А, во-вторыхъ, въ этомъ старомъ выходѣ открывалось и нѣчто новое: неопредѣленное, неясное стремленіе къ счастью, къ вольной и полной жизни, неудовлетворявшееся бѣгствомъ въ вольницу, вызвавшее въ массовомъ сознаниі только грустное сознаніе, что «хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ», замѣнялось на этотъ разъ сознательною цѣлью—спасенія души въ тѣснотѣ и подвигѣ. Старовѣрье не обѣщало счастья на землѣ, оно звало къ страданію, но оно открывало въ этомъ страданіи источникъ нравственнаго удовлетворенія личности и бѣгство принимало существенно-новую окраску.

И массы бѣжали подъ вліяніемъ раскола снова, бѣжали всюду, гдѣ только можно было удобнѣе укрыться отъ антихриста и слугъ его. Бѣжали за шведскій, польскій, турскій рубежи, въ Сибирь, въ южно-русскія степи по слѣдамъ вольницы, даже на крайній Сѣверъ, въ Поморье. Этотъ послѣдній пунетъ своими глухими, непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, полнымъ почти отсутствіемъ путей сообщенія, наконецъ, своими историческими традиціями особенно привлекалъ къ себѣ людей, тронутыхъ расколомъ. И правда, что спастись душу здѣсь было удобнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Съ XIV—XV в. сюда уходятъ люди, тронутые, проникнувшіеся христіанско-аскетической идеей, ради «нужднаго» житья, для спасенія души своей, для спокойнаго служенія Богу вдали отъ неурядицъ и суеты мірской, въ непрестанныхъ трудахъ среди страшно суровой природы. Соловецкій монастырь скоро создалъ себѣ громкую славу суровою, трудовою жизнью своихъ подвижниковъ. Вслѣдъ за нимъ основываются другіе монастыри-колоніи, со стихійно-общиннымъ устройствомъ. Когда

¹⁾ «Сказ. объ антихр.», стр. 56.

началь сказываться особенно чувствительно гнеть Москвы, особенно во время и послѣ московскаго разоренія 1606 — 12 гг., на Поморье уходили также люди, невыносившіе тягостей и несправедливостей московскаго режима, чтобы въ качествѣ колонизаторовъ воспользоваться соответствующими льготами, которые въ этомъ режимѣ представляли чуть ли не единственную «отраду». Въ смутное время приливъ колонистовъ естественно усилился: въ этихъ непроходимыхъ мѣстахъ, прекрасно защищенныхъ природой, — единственное убѣжище отъ шаекъ своихъ и чужихъ разбойниковъ. Деморализованныя своры «шишей» и потомъ «вольницы» проникають, положимъ, иной разъ и сюда ¹⁾, но все же сравнительно рѣдко, да и спрятаться отъ нихъ можно здѣсь гораздо удобнѣе и безопаснѣе. Усилившись, поселенцы даже устраиваютъ сами «облавы» на эти воровскія шайки, чтобы не мѣшали спасаться и своимъ «воровствомъ» не привлекали вниманія правительства на эту глухую сторону ²⁾.

Трудно жить въ этомъ суровомъ, угрюмомъ краю. Только сильные волей, съ желѣзнымъ здоровьемъ люди могутъ вынести трудовую школу, какую здѣсь приходится проходить. За то и люди уходили сюда не шутки шутить, уходили такіе, кому не страшень былъ самый упорный трудъ — подвигъ. Изстари въ поморскихъ монастыряхъ были мужики, годившіеся въ монахи, и монахи, годившіеся въ мужики. Воспитавшись въ этой школѣ, люди дѣйствительно могли за излюбленное дѣло идти въ огонь и въ воду, что и оказалось, какъ увидимъ, потомъ. Трудовая жизнь монаховъ создавала имъ среди массы громадный авторитетъ. Монастыри въ значительной степени пополнялись мѣстнымъ населеніемъ, стояли съ нимъ, такимъ образомъ, въ постоянной связи и общеніи. Неудивительно поэтому, что во время и послѣ «Соловецкаго сидѣнія» разбѣгавшіеся оттуда «бунтовщики» монахи находили у своихъ родныхъ, знакомыхъ, близкихъ по духу поморцевъ надежный и безопасный пріютъ и полную вѣру всему, что они рассказывали о поврежденіи вѣры, а наступившемъ царствѣ антихриста. Для бѣглецовъ ради Бога и преслѣдуемыхъ за вѣру здѣсь, такимъ образомъ, былъ просторъ и пріютъ, какого только можно желать, — полный монахами, «сволокшимися» ради старой вѣры изъ своихъ монастырей, освященный страданіями

¹⁾ Иванъ Нероновъ. «Древ. и Нов. Рос.» 1881 г., № 1. Рип. Житіе Корнилія, Сбор. Публ. Библ. Q. 1, № 491.

²⁾ Рип. Житіе Андрея Денисова, Q. 1, № 1276. (въ Публ. Библиот. въ СПб.).

и «огненной смертью» первоучителей Аввакума, Лазаря, Федора и других соловецких и пустозерских страдальцев, съ атмосферою, насыщенною элементами тѣхъ же убѣжденій и образовъ, за которые они стояли. Кромѣ того, это не такъ далеко отъ центровъ: возможны постоянныя сношенія со своими, организація пропаганды, приливъ свѣжихъ силъ, и къ тому же безопасно до такой степени, что можно завести осѣдлость, хозяйство, сохранить всѣ привычки жизни на отеческомъ пепелищѣ, поскольку онѣ не препятствуютъ спасенію души. Все это сдѣлало Поморье центромъ старовѣрія, къ которому долго стекались жаждущіе рѣшенія проклятыхъ вопросовъ и гдѣ эти проклятые вопросы авторитетно рѣшались.

Было бы большою ошибкою думать, что центръ этотъ сложился сразу, возникъ сознательно; какъ выходить у изслѣдователей, считающихъ центры старовѣрія «оплотами противъ государства»... Совсѣмъ напротивъ: центры эти вырастаютъ естественнымъ ходомъ вещей при множествѣ вліяній всякихъ «вѣдомствъ». Исторія этого роста весьма поучительна и мы позволимъ себѣ остановиться на ней вниманіе читателя.

Къ концу XVII в. въ непролазной глуши лѣсовъ и озеръ нынѣшней Олонецкой губерніи подвизались знаменитые въ лѣтописяхъ раскола «остальцы древляго благочестія» Игнатій Соловецкій и старецъ Корнилій. Они пользовались громаднымъ авторитетомъ по всему Поморью и много вѣрныхъ учениковъ оставили послѣ себя. Изъ нихъ особенно выдѣляются дьячекъ Шумскаго погоста Данила Викульевичъ и знаменитые даже больше своихъ учителей братья Денисовы, наиболѣе интеллигентные и талантливые теоретики, организаторы и пропагандисты старовѣрія. Всѣ эти имена, дорогія старовѣрамъ, связаны непосредственно съ началомъ исторіи безоповскихъ согласій, какъ имена основателей Выговской пустыни, первой старовѣрской общины, давшей типъ устройства всѣхъ послѣдующихъ общинъ и изъ хаоса разнорѣчивыхъ мнѣній и ученій первыхъ расколоучителей создавшей нѣкоторое органическое цѣлое. Обособившееся ученіе этой общины стало ученіемъ цѣлаго «Поморскаго согласія» со множествомъ послѣдователей, разбросанныхъ до сихъ поръ по разнымъ уголкамъ Россіи, и дало толчекъ къ образованію и отдѣленію новыхъ согласій и, между прочимъ, «странничества». Вотъ почему необходимо прослѣдить въ общихъ штрихахъ исторію этого центра: такимъ образомъ только мы можемъ уловить

основной смыслъ и направленіе специально интересующей насъ секты.

Прежде всего, остановимся на личностяхъ первыхъ проповѣдниковъ старовѣрья. О старцѣ Игнатѣ Соловецкомъ свѣдѣній очень мало. Дьяконъ въ Соловкахъ, онъ убѣжалъ отсюда въ тяжелое время «сидѣнья» за старую вѣру съ благословенія нѣкоего «благоюродиваго» старца Гурія, который, по словамъ поморскаго преданія, предсказалъ ему, что по волѣ Божіей онъ будетъ основателемъ великой обители. Онъ былъ знакомъ съ протопопомъ Аввакумомъ и другими расколоучителями, сожженными въ Пустозерскѣ; съ Аввакумомъ велъ полемическую переписку о Св. Троицѣ, потому что былъ «божественнаго писанія вельми читатель и внѣшняго наказанія (науки) искусень». На Поморьи онъ скоро нашелъ себѣ послѣдователей и, между прочимъ, Данилу Викульевича, основалъ скитъ, но преслѣдованія правительства заставили его бѣжать. Со своимъ «стадомъ» онъ заперся въ оставленномъ «церковными» монахами Палеостровскомъ монастырѣ, мѣстѣ ссылки злополучнаго приверженца старовѣрья епископа Павла Коломенскаго, и осажденный командой, посланной «для сыску раскольщиковъ», изъ боязни отдаться въ руки мучителей и погубить нѣсколько малодушныхъ, которые изъ страха мукъ могли бы «отпасть отъ древлеотческаго церковнаго благочестія», — со своимъ собраннымъ народомъ «огнемъ-скончаться изволи». Съ нимъ сторѣло 2,700 человекъ. Это было въ 1687 г. Лучезарнымъ ореоломъ окружило преданіе чело фанатическаго «остальца»-мученика. Видѣли, какъ онъ въ пламени пожара въ свѣтлой одеждѣ съ крестомъ, сопровождаемый другими мучениками, поднялся на небо «изъ самой церковной главы». Его надѣлило преданіе даромъ пророчества и историкъ пустыни сохранилъ два его предсказанія для потомства (пророчества, впрочемъ, относятся въ отдѣльнымъ личностямъ и, по словамъ историка, сбылись¹⁾).

Не меньшимъ почетомъ пользовался и старецъ Корнилій, мирно скончавшійся, по словамъ «житія», 125 лѣтъ отъ роду въ 1695 г. «Житіе», вѣроятно, преувеличиваетъ его возрастъ, но едва ли на много. Онъ постригся въ монахи у Капитона, одного изъ первыхъ страдальцевъ за старую вѣру, бывшего настоятелемъ мо-

¹⁾ Филиповъ: «Исторія Выгов. пустыни», изд. 1862 г., стр. 41—42, 44—45, 46—82.

настыря еще при Михаилѣ Феодоровичѣ ¹⁾ и сожженного «за вѣру» при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Ужь одна продолжительность жизни вызывала, конечно, уваженіе къ старцу у окружающихъ. Къ тому же Корнилій былъ человѣкъ начитанный въ Священномъ Писаніи, но еще больше того владѣлъ громаднымъ запасомъ опытности. Всю жизнь свою онъ бродилъ изъ мѣста въ мѣсто, жилъ или бывалъ чуть не во всѣхъ, многочисленныхъ тогда монастыряхъ Москвы, Новгорода, Поморья, былъ извѣстенъ патриарху Іосифу, находился во связяхъ знакомства съ первыми расколоучителями, хорошо зналъ Никона и терпѣть его не могъ за гордость и жестокость, какъ и всѣ почти сталкивавшіеся съ деспотическимъ патриархомъ. Онъ и старецъ Пахомій, впоследствии тоже умершій на Поморьѣ, пустили въ свое время въ ходъ не одно видѣніе, неопровержимо доказывавшее легковѣрнымъ людямъ, что Никонъ—антихристъ ²⁾. Ко всему этому Корнилій былъ человѣкъ суроваго подвига, удивлявшій своею жизнію даже привычныхъ къ лишениямъ поморцевъ. Онъ самъ «пахалъ землю кочерюгою и сѣялъ подъ гарью». Понятно, какую увлекательность должна была представлять бесѣда и проповѣдь такого бывалаго, знающаго и «святаго» человѣка, какъ много могъ онъ приобрѣсть въ старовѣрѣхъ фанатическихъ послѣдователей. Всѣ эти проповѣдники, «остальцы древляго благочестія», бывшіе на свободѣ, какъ и заключенные неподалеку въ Пустозерскѣ Аввакумъ «съ братією», дѣйствительно такъ усердно проповѣдывали словомъ, посланіями и примѣромъ о необходимости страданія за старую вѣру, спасенія души въ тѣснотѣ житейской, что сплошь все Поморье было въ ихъ распоряженіи: веюду были у нихъ сочувствующіе, даже настолько, чтобы сгорѣть вмѣстѣ съ ними, послѣдователи, не говоря уже о пособникахъ, попустителяхъ, укрывателяхъ etc. А, между тѣмъ, Поморье все наполнялось новыми бѣглецами-старовѣрами изъ онежскихъ погостовъ, нижегородскихъ лѣсовъ, Москвы и другихъ мѣстъ Россіи. Шло много молодежи обоихъ половъ ³⁾. Запросы личности сильнѣе въ ней; традиція крестьянства, терпѣливая рутинка еще не успѣла засосать ее и прикрѣпить тысячью узъ къ мѣсту осѣдлости, къ

¹⁾ «Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1864 г., № 12, приведены о Капитонѣ документы изъ мѣстныхъ архивовъ. См. «Виноградъ Россійскій» С. Денисова, рукоп. о Капитонѣ, л. 103—106 обор.

²⁾ Рукоп. житіе Корнилія. Ср. также Максимова: «Разказы изъ ист. старообрядчества», стр. 16—17, 12, 14—15.

³⁾ Житіе А. Денисова, ркн.

сохъ, полю. Безлюдныя мѣста заселяются и — «въ семьѣ не безъ урода» — начинаютъ появляться въ толнѣ этихъ бѣглецовъ «повѣрѣ» «воровскіе люди», нападающіе на одиночекъ-протестантовъ, разобщенныхъ трудно проходимыми болотами, лѣсами и озерами, стоящихъ внѣ закона и, стало быть, защиты власти, ежеминутно готовой ихъ же взять «на муки». А, съ другой стороны, существуетъ не менѣе глубокая потребность слышать тутъ же скрывающихся учительныхъ старцевъ, чтобы укрѣплять въ себѣ, иной разъ колеблющуюся, рѣшимость страдать за вѣру, чтобы удовлетворять самымъ разнообразнымъ духовнымъ потребностямъ. И вотъ, то около Игнатія, то около Корнилія и Пахомія, или Данилы Викульевича, который не сторѣлъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, потому что уходилъ въ это время «въ странство», скопляются и селятся одиночки, присоединяясь къ подвигу знаменитыхъ «остальцевъ», поступаая подъ ихъ систематическое руководство. Вмѣстѣ и въ вѣрѣ тверже укрѣпляются, экзальтируются въ постоянныхъ бесѣдахъ и духовныхъ упражненіяхъ, да и относительно «воровскихъ людей» — безопаснѣе. Сначала эти скопленія случайны, недолговѣчны, какъ скопленія дождевыхъ пузырей; они скоро распадаются, исчезаютъ, то напуганныя слухомъ о розыскахъ, то потому, что во славу Божию и на стыдъ «мучителей» стораютъ цѣлымъ поселеніемъ. Нужда въ обществѣ отъ того, конечно, не уменьшается. Люди продолжаютъ сходитья грудками то тамъ, то здѣсь; грудки эти постоянно мѣняются въ составѣ: уходятъ изъ одного мѣста, прибываютъ въ другомъ. Мало-по-малу, путемъ бессознательнаго какого-то подбора, скопленія эти становятся прочнѣе, устойчивѣе; все большія группы осѣдаютъ на мѣстахъ, разыскавши предварительно, гдѣ лучше, удобнѣе, безопаснѣе. Около Данилы Викульевича группируются, наконецъ, почти все, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, особенно ревностные ко спасенію ученики «остальцевъ древяго благочестія». Но въ общеніи еще нѣтъ порядка. И мужчины, и женщины живутъ вмѣстѣ; нѣтъ возможности установить строгій монашескій режимъ съ опредѣленными часами труда, молитвы и отдыха, а, между тѣмъ, таковы именно идеалы заповѣвалъ въ этой толпѣ. Богомыслие — богомыслиемъ, но все же тутъ собрались живые люди съ грѣховною плотью, которая подчасъ заявляетъ настойчивыя требованія. Сказываются случаи зазорнаго поведения, шокирующіе строгихъ подвижниковъ. Молодой, аскетически настроенный съ дѣтства Игнатіемъ Соловецкимъ, сильный волей и

умомъ, Андрей Денисовъ выдвигается изъ этой сбитой, беспорядочной толпы своею задачею упорядочить, втиснуть толпу въ строго опредѣленныя рамки организаціи по монастырскому уставу. Скоро его вліяніе, благодаря строгости жизни и силѣ характера и ума, становится преобладающимъ въ общинѣ; устанавливается правильная организація монастыря съ строгимъ соловецкимъ уставомъ. Полы раздѣлены сначала въ разныхъ зданіяхъ одного монастыря, а потомъ и въ разныхъ монастыряхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сравнительно значительнымъ пространствомъ (20 верстъ).

Посмотримъ теперь на жизнь идей въ этой общинѣ, на душевное состояніе ея членовъ. Въ ученіи поморскихъ отцовъ главную роль игралъ образъ антихриста. Изъ пустозерскаго острога выходили и расходились, прежде всего, посланія дьякона Ѳедора «объ антихристовой прелести пестрообразной» и др., гдѣ горячо, озлобленно доказывалось, что Русь во власти антихриста, что Русь послѣдняя страна, которой антихристъ овладѣлъ и что послѣ этого должна настать кончина міра ¹⁾. Даже Аввакумъ, сначала утверждавшій въ своихъ посланіяхъ, что антихристъ еще не пришелъ, а есть развѣ только его предтеча, теперь изъ своей земляной тюрьмы приглашаетъ вѣрныхъ плакать сильнѣе, чѣмъ плакалъ Іеремія на развалинахъ Іерусалима. «Увы, увы мнѣ, мати моя, кого мя роди. По Іову—проклять день, въ онъ же родихся, и ночь она буди тьма, въ нюже изведе мя изъ чрева матери моея, понеже антихристъ прииде ко вратамъ двора... И въ нашей Русской земли обрѣтесе чертъ большой, ему же мѣра высоты и глубины адъ преглубокій; помышляю, яко во адъ стоя и до облакъ достанеть» ²⁾. Мы не говоримъ уже о старцѣ Корнилиі, который изъ первыхъ пустилъ въ ходъ антихриста въ приложеніи къ Никону. Его рассказы основывались на видѣніяхъ его самого и столь достовѣрныхъ, авторитетныхъ людей, знакомыхъ Поморью, какъ Иванъ Нероновъ, Елеазаръ Анзерскій, старецъ Пахомій и другіе мужи. Такимъ образомъ, разговоры и рассказы объ антихриствѣ были у всѣхъ на устахъ и до Петра, а со времени Петра получали все новую и новую пиццу въ совершенно непривычныхъ поступкахъ молодого царя, въ его жестокостяхъ, въ тягостяхъ и новостяхъ, наложенныхъ и введенныхъ имъ. Народъ

¹⁾ Мат. для ист. раск., т. VI, стр. 79 и слѣд., 269 и слѣд.

²⁾ Матеріалы, т. V, стр. 261; ср. также стр. 227—230 и др.

разрабатывалъ легенду объ антихристѣ, какъ совершенно реальномъ лицѣ. То же представленіе жило сначала и въ старовѣрахъ подъ вліяніемъ проповѣди дьякона Ѳедора и Аввакума. Семенъ Денисовъ, человекъ себѣ на умѣ, напыщенный писатель, расписываетъ антихриста такъ, что простоватому читателю сейчасъ же тутъ мерещится будто нарисованная на лубочной картинкѣ фигура сатаны. По изображенію автора, это «змій великій и чермный, змій седмиглавный и десяторожный, змій великоопашный и великохоботный, его же уста велики, великими хулами и смущеніями всесмрадно отрыгающая; языкъ—всепреизостренная всяядовитая бритва, ноздри—злосмрадный испускающія дымъ великія печи, очеса—злonychательныя гнѣскаго огня издающія пламя, чрево—адская, ненасыщаемая, бездонная пропасть...»¹⁾. Этотъ ужасный звѣрь вселился въ патриарха Никона и Алексѣя Михайловича. Съ Петромъ это первое воплощеніе антихриста было оставлено, потому что Петръ гораздо ближе подходилъ подъ этотъ образъ. Такъ какъ предѣлъ царству антихриста—три съ половиною года, то ждали скоро втораго пришествія. На Выгѣ, между тѣмъ, среди глухихъ лѣсовъ и сравнительно безопасной жизни возбужденная мысль работала. Сначала высчитали день, когда долженъ настать конецъ міра. Къ назначенному дню были выкопаны могилы, приготовлены гробы, и въ срокъ всѣ православные были въ гробахъ, одѣтые въ саваны, и съ трепетомъ ждали архангеловой трубы²⁾. Все было, однако, въ порядкѣ. Ничего экстраординарнаго въ природѣ не произошло. Пришлось опять воротиться къ дѣйствительной жизни. А тѣмъ самымъ данъ новый, страшно возбуждающій толчекъ мысли. Само собою ставится вопросъ: чувственно или духовно надо понимать назначенные писаніемъ три съ половиною года? Чувственно или духовно надо понимать самого антихриста? Можетъ быть, подъ антихристомъ надо понимать царство сатаны въ духовномъ смыслѣ, духъ отступничества отъ истиной вѣры, особенный разливъ нечестія, еретичества, жестокоѣсти, гордости и другихъ смертныхъ грѣховъ? Вопросы эти были поставлены еще послѣ обманутыхъ ожиданій кончины міра въ 1669 г., и были попытки отвѣчать на нихъ утвердительно. (См., напр., *Слово объ антихристѣ и тайномъ царствѣ его* игумена Ѳеоктиста, сподвижника и спутника протопопа

¹⁾ С. Денисовъ: „Виноградъ Россійскій“, ркп. л. 6 на об. и л. 7.

²⁾ А. Иоанновъ: „Полное историч. извѣстіе о раскольникахъ“, изд. 5., ч. II, стр. 12—13. Ср. также нашу ст. „Идеализат. раск.“. Дѣло 1881 г., № 9, стр. 12—13.

Ивана Неронова, ркп. сб. публ. слб. библ., отд. I, № 476, л. 51 и слѣд.). Но тонкія отвлеченности, разыскиваніе въ писаніи «прикровеннаго», таинственнаго смысла были еще непонятны для массы; образъ «чувственнаго» антихриста ярко рисовался въ ея воображеніи, а жизнь шла такъ, что раздумывать и разсуждать было и некогда. Да и сами расколоводители не имѣли никакой охоты отрицать чувственнаго антихриста, чтобы не вредить своей пропагандѣ, и тотъ же игуменъ Теофистъ, настаивающій на разыскиваніи въ писаніи «прикровеннаго» смысла, на ученіи о духовномъ антихристѣ, тѣмъ не менѣе, охотно признаетъ въ лицѣ Никона чувственнаго антихриста.

Теперь на свободѣ, въ виду снова обманутыхъ ожиданій конца міра, отмѣченные мною вопросы поднимаются снова, а за ними, какъ выводъ, роятся другіе, и жизнь то и дѣло ставитъ все новые вопросы. Чувственно ли, духовно ли, — всѣ, однако, согласны, что антихристъ царствуетъ. Что дѣлать немногимъ вѣрнымъ, во время почувствовавшимъ его присутствіе, избѣжавшимъ гибельной и постыдной службы ему? «Заботьтесь о своемъ душевномъ спасеніи, — говорятъ учителя, — по апокалипсису и отцамъ, въ это страшное, огнеопальное время не слѣдуетъ ни жениться, ни выходить замужъ, обзаводиться хозяйствомъ, заботиться объ удовлетвореніи суетныхъ мірскихъ потребностей; бѣгите отъ міра: тамъ всюду вѣетъ растлѣвающій духъ антихриста и нечувствительно заражаетъ своимъ прикосновеніемъ. А случится поневолѣ столкнуться съ антихристовыми слугами, громко исповѣдуйте имя Христова и страдайте за него, и за то вамъ мученическіе вѣнцы даны будутъ на небѣ. Спасайтесь, но не забывайте и своихъ несчастныхъ братьевъ, покорившихся антихристу, проповѣдуйте имъ, увлекайте ихъ ко спасенію». Этого послѣдняго призыва даже и повторять не надо: каждаго новообращеннаго жжетъ «ревность до вѣрѣ»; онъ не можетъ не сообщить другимъ то, чему онъ научился. Толпами отзываются на проповѣдь заблудшіе и приходятъ просить вести ихъ ко спасенію. Тутъ является новый вопросъ, вопросъ обряда, — на первый взглядъ мелочь, которая, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ всѣхъ членовъ «гонимой церкви» имѣетъ первостепенное значеніе. И понятно; вѣдь, тутъ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи единомышленниками индивидуальной фізіономіи: надо выдѣлнить себя изъ еретической среды такъ, чтобы первый шагъ отступленія въ истинную церковь былъ отмѣченъ, и, притомъ, сообразно христіанской традиціи, во имя которой идетъ сознательный

протестъ группы. Таѣ въ старовѣрьи явился, прежде всего, вопросъ о вторичномъ крещеніи, — вопросъ, которымъ очень много занимались. Изъ-за него спорили до ожесточенія и драки. Изъ-за него раздѣлялись единомысленныя группы. Въ *Житіи Корнелія* рассказано преданіе, а, можетъ быть, преданіе это имѣетъ и историческую основу, что еще когда первые расколоучители жили на свободѣ, они составили на Москвѣ соборъ, на которомъ постановили: всѣ «новины» предать проклятію и «никоніанское крещеніе за крещеніе не вмѣнять, а если не случится іерея прежняго посвященія, то по нуждѣ дозволить совершеніе крещенія простолюдину». Былъ ли такой соборъ, неизвѣстно, но любопытно, что преданіе о соборѣ «священной памяти первоучителей» раскола сохранилось именно на Выгѣ, гдѣ гонимая церковь впервые вырабатывала свою организацію. Преданіе, очевидно, есть лишній аргументъ въ пользу перекрещиванія и само уже показываетъ, что этому обстоятельству приписывалось большое значеніе, что преданіе рассказано для убѣжденія массы послѣдователей, для того, чтобы авторитетными ссылками доказать, что новые учителя нерушимо хранятъ законъ Божій и представляютъ доподлинно «истовую» церковь.

Вопросы организаціи то и дѣло ставили вопросы о принципахъ вѣры. Споры съ практической почвы постоянно переходили на теоретическую, возбуждая то и дѣло мысль къ новой работѣ. Гонимая церковь хотѣла организовать, какъ церковь, по началамъ канонѣвъ, отъ которыхъ никоніанцы отступили. А тутъ пришлось поднять, прежде всего, вопросы о таинствахъ, потому что церковная организація и заключается именно въ опредѣленіи формъ культа и установленіи іерархіи. Вопросъ о крещеніи вызвалъ вопросъ о священствѣ. Уже въ резолюціи собора первыхъ «остальцевъ» рѣшается этотъ вопросъ. Протопопъ Аввакумъ отвѣчалъ въ своихъ письмахъ и посланіяхъ «къ вѣрнымъ» на многіе запросы относительно таинствъ: по нуждѣ, если нѣтъ пона стараго дониконовскаго посвященія, онъ рекомендуетъ крещеніе, исповѣдь и причащеніе въ крайнихъ случаяхъ совершать даже мірянамъ¹⁾; всячески запрещаетъ обращаться за удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ къ никоніанскимъ попамъ, налагаетъ епитиміи даже на невольныхъ ослушниковъ²⁾. Старовѣрьи слѣпо

¹⁾ Мат. для ист. раск., т. V, 234—235.

²⁾ Ibid., стр. 221, 226 и др. Ср. также наставленія дьякона Федора. Матеріалы, т. VI, стр. 67, 74—75 и др.

слѣдовали завѣтамъ учителей, но скоро жизнь сдѣлала это послушаніе крайне затруднительнымъ, а затѣмъ и просто невозможнымъ. Попы дониконовскаго посвященія, не примкнувшіе къ церковнымъ, все убывали да убывали, и поневолѣ пришлось раздумывать: обращаться ли къ церковнымъ попамъ, или надо обойтись безъ поповъ? Одни стали поговаривать, что можно по нуждѣ принимать и поповъ, поставленныхъ еретиками, «аще который попь въ покаяніе придетъ», особенно если «изволить кровь пролить за Христа». Игуменъ Теокистъ отрицаетъ правильность такого компромисса и за Аввакумомъ ¹⁾ допускаетъ только по нуждѣ принятіе таинствъ отъ поповъ стараго посвященія, принявшихъ новшества, но потомъ раскаявшихся и отступившихъ отъ нихъ ²⁾. Въ то время, очевидно, еще было возможно ограничиваться подобной уступкой, но, конечно, она скоро оказалась далеко недостаточной и всюду, гдѣ, по справедливому объясненію Щапова, сильны были привычки регулярной жизни, гдѣ постоянная возможность получить нужную «исправу» приучила смотрѣть на нее, какъ на необходимое условіе христіанской жизни, восторжествовало мнѣніе, что можно принимать раскаявшихся поповъ новаго посвященія. Совсѣмъ въ другую сторону пошло развитіе ученія о таинствахъ на Поморьѣ, гдѣ рѣдкость приходо́въ, разбросанность поселеній на громадныхъ пространствахъ и трудность сообщенія между ними издавна приучили населеніе обходиться по долгу безъ исправы духовныхъ требъ и не придавать этому особеннаго значенія. Здѣсь наставленія Аввакума и другихъ ревностныхъ «остальцевъ» были развиты, мотивированы и легли въ основу ученія безпоповскихъ согласій. Антихристъ царствуетъ, и царство его появилось, прежде всего, въ церкви, которая осквернена нововводными ересями и обрядами. Въ церкви нѣтъ больше благодати. И вообще нѣтъ ея теперь на землѣ, по случаю общаго отступленія отъ вѣры. Такъ оно и предсказано для послѣдняго времени. Благодать Св. Духа, подававшаяся прежде въ таинствахъ, теперь взята на небо; смыслъ таинствъ, такимъ образомъ, исчезъ, и они, стало быть, бесполезны въ дѣлѣ спасенія. Нѣтъ правильно поставленныхъ совершителей таинствъ, не надо, стало быть, и самыхъ таинствъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по писанію и по историческимъ примѣрамъ могутъ быть совершаемы и мірянами. Это собственно непослѣдовательность, не

¹⁾ Мат., т. V, стр. 224.

²⁾ Ркп. суб. публ. библ., № 476.

психологически она совершенно понятна. Такъ, въ Поморьѣ исчезла значительная часть культа, но за то усилена была молитва, принять во всей силѣ аскетическій принципъ монашества. Бракъ запрещается «на чистую»: некому вѣнчать, да и по слову Христову, и по апокалипсису не полагается въ послѣднее время жениться и посягать... Такъ на практикѣ изъ ученія объ антихристѣ мысль сектантовъ доходила до аскетической морали, слѣдующей изъ дуалистическаго пониманія божества. Въ дальнѣйшемъ ходѣ старовѣрья этотъ дуализмъ въ обосновкѣ морали выражается рѣзче и примѣе.

А, между тѣмъ, обыденная жизнь идѣтъ своимъ чередомъ. Сначала ее отличаютъ духъ прозелитизма, необыкновенная строгость нравовъ, неуклонное стремленіе по обозначенному пути. Тѣмъ не менѣе, какъ ни крѣпко огородилась новая церковь отъ воздѣйствій антихристово духа, однако, волны антихристовой обыденной жизни то и дѣло набѣгаютъ на «оплотъ» и размываютъ укрѣпленія, заносятъ пескомъ, заравниваютъ рвы, роняютъ мало-помалу рогатки отлученій и проклятій. И все это совершенно незамѣтно для общины, въ то самое время, какъ ~~ея~~ въ ней не отступаетъ ни на шагъ отъ намѣченной тропы. Какъ это происходитъ?

Припомните то, что я уже говорилъ о душевномъ настроеніи массъ въ описываемую эпоху. Это было безнадежное чувство безсилія и ужаса, отчаяніе въ виду неисходнаго зла, наплывавшаго со всѣхъ сторонъ на людей. Настроеніе это сказалось въ страшномъ разливѣ сказокъ объ антихристѣ и въ эпидеміи истерички, кликушества. Переносимое изъ массъ въ старовѣрье, окрашиваемое въ аскетическую, религіозно-нравственную доктрину, оно не терялось, а сказывалось крайней религіозной экзальтаціей. Мартирологъ старовѣрской церкви представляетъ не мало примѣровъ такихъ «трудниковъ», которые, какъ Мемнонъ, не дожидались, когда они попадутъ въ руки мучителей, а сами рвались навстрѣчу мукамъ, такъ что настоятели и учителя должны были удерживать ихъ отъ этого, иногда даже насильственными мѣрами ¹⁾. Но когда мучители были уже въ виду, тогда экзальтація достигала высшей степени и собравшіеся гдѣ-

¹⁾ „Житіе Мемнона“, самаго обыкновеннаго въ сущности «трудника» среди старовѣрія перваго времени, есть въ ркп. спб. публ. Библ., № 745. Много фактовъ таковаго рода указано у Денисова въ «Виноградѣ Россійскомъ», есть также кое-что въ «Ист. Выг. пустыни» и у *Есипова* въ «Раск. дѣлахъ».

нибудь въ «затворѣ» исповѣдники старой вѣры сгорали во славу Божию. Самосожигательства тоже эпидеміей прошли въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. О нихъ упоминаетъ еще патріархъ Іоакимъ ¹⁾, ихъ одобряетъ протопопъ Аввакумъ ²⁾. Были даже группы, проповѣдывавшія самосожженіе, какъ единственный исходъ изъ этой юдоли зла и грѣха. За 45 лѣтъ съ 1687 по 1732 г.: (періодъ роста Поморской общины) только въ Поморьѣ въ виду военныхъ командъ (посланныхъ для сыска «расколщиковъ») сожглось до 15,000 человекъ ³⁾. Имѣемъ, кромѣ того, прямыя указанія, что цифра эта гораздо меньше дѣйствительной, а, между тѣмъ, самосожженія происходили всюду — «отъ стѣнъ недвижнаго Китая до потрясеннаго Кремля» и «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Такія валовыя цифры однѣ только, кажется, способны убѣдить, что не только «шесть чернецовъ» въ расколѣ осуществляли собою горячій, искренній религиозный порывъ, а цѣлыя массы... Само собою разумѣется, что такіе взрывы чувства не могутъ быть продолжительны, обнаруживаются ли они въ бунтахъ, или самосожигательствахъ. Послѣ такихъ вспышекъ органически требуется отдыхъ, жизнь поднимаетъ голову и проситъ своего. Примите еще во вниманіе то обстоятельство, что огненною смертью кончались не всѣ по своей волѣ. Бывали люди, которые поднимали свой голосъ противъ столь рѣшительной раздѣлки съ жизнью и вліятельные люди старовѣрья должны были прислушиваться къ этимъ толкамъ, если хотѣли сохранять свое вліяніе, не натягивать струну слишкомъ высоко, чтобы не рвать ее. И надо отдать, напр., справедливость братьямъ Денисовымъ: они понимали это и біографъ Андрея съ благодарностью отмѣчаетъ, что Андрей всегда былъ противъ мученичества, особенно добровольнаго, не вынужденнаго находженіемъ «въ рукахъ мучителей».

Притомъ, все-таки, вѣдь, подвигъ страданія поднимался во имя личности. Когда порывъ чувства укладывался, личность требовала счастья; нужно было, все-таки, жить. На свободѣ, въ тиши дремучихъ лѣсовъ человекъ отходилъ, успокоивался отъ впечатлѣній жизненной тяги и запросы счастья оказывались сильнѣе. На Выгѣ въ первые годы устройства колоніи страшно бѣдствовали: чуть не каждый годъ были «хлѣбные недороды», а, между тѣмъ,

¹⁾ «Увѣтъ духовныя» (по изд. 1791 г.), л. 41 обор.

²⁾ Маг. для ист. раск., т. V, стр. 206—210, 295.

³⁾ «Ист. Выг. пустыни», гл. I—XVIII.

народъ прибывалъ; требовалось расширять запашку, отыскивать и расчищать для нея новыя мѣста, прибѣгать къ сборамъ пожертвованій. Во все это время экзальтація поддерживалась лишениями, подвигъ былъ необходимъ и, если тяжесть его иногда возбуждала ропотъ, то ропотъ этотъ былъ столь очевидно неостоятеленъ, что подавлять его не представлялось большимъ трудомъ. Но вотъ община начинаетъ богатѣть, становится авторитетной: она вѣдь, разсылаетъ своихъ проповѣдниковъ, рѣшаетъ вопросы вѣроученія, ведетъ полемику, она блещитъ традиціями, именами славныхъ подвижниковъ и страдальцевъ, строгою жизнью своихъ членовъ. Сюда ѣдутъ посмотреть, поучиться, помолиться. Община скромна на первыхъ порахъ. Она не хочетъ главенствовать. Но силою вещей она становится главой и начинаетъ, въ концѣ-концовъ, дорожить этимъ главенствомъ, упрочивать его за собою. Послѣ нужды и голодовокъ первыхъ лѣтъ, пожертвованія разнаго рода начинаютъ доставлять довольство. Удобства обстановки прибываютъ. Приливъ средствъ даетъ мысль завести торгово-промышленныя операціи: торговцу, вѣдь, такъ удобно пропагандировать. Но расширение средствъ нечувствительно заставляетъ расширять и операціи и онѣ становятся сами себѣ цѣлью. Духъ прозелитизма ослабляется, духъ индифферентизма растетъ незамѣтно въ сызмѣ привольи и вызываетъ большую заботу о жизни настоящей, чѣмъ о будущей; стремленія личности сказываются въ развитіи предприимчивости, въ догматикѣ, которая начинаетъ принимать примирительный тонъ. Достатокъ вызываетъ заботу о безопасности. Рѣшимость отдаваться въ руки мучителей нечувствительно слабѣетъ. Къ начальству отношенія совсѣмъ мѣняются. Царю—еще вчера антихристу—теперь посылаютъ подарки, предлагаютъ услуги по постройкѣ кораблей, охотно берутся за работу на олонецкихъ заводахъ, ведутъ съ Питеромъ дѣятельную торговлю хлѣбомъ. Заводится пристань на Пигматкѣ, гдѣ постоянно кипитъ работа: строятся суда, нагружаются хлѣбомъ. На работѣ, хорошо обставленной, лицомъ къ лицу съ реальной жизнью, люди становятся бодрѣе, туманные призраки—созданія фантазіи разсѣиваются какъ дымъ. Ученіе объ антихристѣ у поморцевъ съ этой поры поддерживается только для массы: антихристъ плотиѣ приурочивается къ Никону и поминается больше изъ приличія. Изъ-за напыщенныхъ фразъ С. Деисова сквозитъ легкая усмѣшка. По доносу наѣзжаетъ въ пустынь самаринская комиссія и

предъявляетъ пустынножителѣмъ запросъ: почему не молятся за царя? Ей покорно заявляютъ, что за царя молятся и, дѣйствительно, молитва за царя входитъ съ этого времени въ богослужбный обиходъ секты, признается и оправдывается ея возможность. Личность, узко удовлетворенная, отсюда теряетъ чувство реальной связи съ массой. Разъ ея положеніе улучшено, она не хочетъ ничего больше. Кто хочетъ лучшаго, пусть идетъ въ общину, кто не хочетъ—пусть его. Потомъ даже и тутъ начинается выборъ: принимаютъ не всякаго, а только того, кто можетъ быть полезенъ знаніями, безотвѣтными рабочими руками, капиталомъ и пр.

Выборъ, однако, не всегда удаченъ и новые пришельцы вносятъ перѣдко въ общину разладъ. У нихъ ощущеніе жизненной тяги еще свѣжо, потому что, вѣдь, они только ушли оттуда, гдѣ «буря страстей точно вѣтеръ все рветъ»... На волѣ, среди этой бури они увлекаются ученіемъ общины, но, попадая сюда, замѣчаютъ—незамѣтный для самихъ пустынножителѣй—разладъ между словомъ и дѣломъ, такую громадную уступку нечестію, на какую иные и соглашаются, скоро привыкаютъ къ ней, но болѣе искренные согласиться никакъ не могутъ. Въ этихъ неуступчивыхъ людяхъ начинаютъ роиться вопросы: откуда такое примиреніе? Чѣмъ оно оправдывается? Можно ли и какъ примирить такой разладъ между словомъ и дѣлами общины? Вопросы будятъ недовольство, сомнѣнія, ропотъ, переходятъ въ споры, въ полемику, въ прямое отрицаніе компромисса. Около протестанта группируются послѣдователи; среди этой группы напряженно работаетъ мысль; разногласія формулируются и новая группа—секта отдѣляется отъ материнской клѣточки совершенно естественно и вступаетъ въ борьбу съ ней на почвѣ нравственныхъ принциповъ. Она вся—воплощенный энтузіазмъ; ея отрицаніе и обличенія страстны и рѣзки, ея принципы развиты и преувеличены до крайности въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ допущены непослѣдовательности сектою-матерью; духъ прозелитизма въ ней страшно силенъ. Но придетъ ея пора; она пройдетъ путь секты-матери фатально,—пройдетъ и замретъ недвижимая, и вступитъ въ свою очередь въ компромиссы съ жизнью,—компромиссы, неизбѣжно вытекающіе изъ того, что община входитъ въ экономическую кооперацию внѣшняго міра и эта кооперация неизбѣжно вызываетъ свои психическіе эффекты. Чутье людей, одержимыхъ духомъ святаго недовольства, замѣтитъ фальшь, но мысль не оформить

ее въ надлежащемъ видѣ и причиною новаго раздѣленія поставить какое-нибудь «титло», а самая «суть» опять ускользнетъ въ шагкѣ-невидимкѣ изъ-подъ рукъ...

Это вѣчная исторія. И «въ малой каплѣ водѣ», какъ наши секты, и въ большомъ масштабѣ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій и этическихъ доктринъ отмѣчается это поучительное явленіе. «Для первыхъ учителей, — говоритъ Милль, — и для непосредственныхъ ихъ учениковъ доктрины ихъ полны жизни и смысла. Ихъ смыслъ воспринимается людьми съ не меньшею и даже, можетъ быть, съ болѣею силою, съ болѣе полнымъ сознаніемъ, пока длится борьба за преобладаніе надъ другими доктринами и вѣрованіями. Потомъ онѣ достигаютъ преобладанія и становятся общепризнанною истиною, или же вступаютъ въ обладаніе тѣмъ, что завоевали, и ихъ прогрессъ останавливается. По мѣрѣ того, какъ выясняется тотъ или другой изъ этихъ результатовъ, возбужденные ими споры слабѣютъ и постепенно замираютъ. Наконецъ, онѣ занимаютъ извѣстное мѣсто, если не какъ общепризнанныя истины, то какъ терпимыя секты, или терпимыя отступленія отъ общаго мнѣнія: тогда онѣ уже никого болѣе не обращаютъ, ихъ исповѣдуютъ только тѣ, кто получаетъ ихъ по наслѣдству; обращеніе въ нихъ людей, исповѣдающихъ другія доктрины, становится фактомъ столь рѣдкимъ и исключительнымъ, что учителя ихъ перестаютъ, наконецъ, и заботиться объ этомъ. Вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ первое время, въ постоянномъ напряженіи для защиты себя или для достиженія преобладанія надъ другими, онѣ впадаютъ въ инерцію, не слушаютъ, если только могутъ не слушать (какъ наши «церковные»), никакихъ противъ себя аргументовъ и не беспокоятъ своими аргументами тѣхъ, кто съ ними несогласенъ, если только такіе есть. Живая сила въ нихъ съ этого момента вымираетъ»¹⁾. Даже подъ преслѣдованіями, при постоянной необходимости защищаться наши секты прошли и проходятъ тотъ же неизбѣжный путь...

III.

Послѣ пріѣзда самаринской комиссіи на Выгу; въ согласіи произошелъ расколъ. Скитъ инока Филиппа, у котораго уже и раньше шла глухая вражда съ Семеномъ Денисовымъ по поводу

¹⁾ «О свободѣ. Утилитаризмъ и о свободѣ», изд. 1882 г., стр. 223—224. Ср. также *Max Muller*: «Essais sur l'histoire des religions».

разныхъ нечестивыхъ уступокъ антихристу, сгорѣлъ въ виду комиссіи, отказавшись принять молитву за царя-антихриста.

Уцѣлѣвшіе внѣ скита почитатели Филиппа послѣ его геройской смерти предали отлученію поморцевъ «самарянъ» и, провозгласивъ основнымъ пунктомъ своего вѣроученія самый крайній и суровый аскетизмъ и самосожженіе въ виду царства чувственнаго антихриста, какъ величайшую добродѣтель, организовались въ особое согласіе. Оно прошло указанный путь, какъ и секта поморцевъ. Со 2-й четверти нынѣшняго вѣка его столпы и наставники прямо поговариваютъ о пропагандѣ своей «вѣры» такія вещи: «съ крестьянами труда много, а пользы согласію не видится; надежиѣ искать вдали отъ Москвы народа почище и потверже»¹⁾. Суровые аскеты, филипповцы допустили еще къ концу прошлаго вѣка сводные браки и это было причиною отдѣленія Аристова согласія, особенно настаивающаго на безбрачїи и царствѣ видимаго, чувственнаго антихриста. Филипповы, аристовы и пастуховы (иначе адамантовы, выдѣлившіеся отъ поморцевъ еще раньше филипповыхъ) дали перваго основателя и большую массу первыхъ послѣдователей секты странниковъ.

Это было въ пору разцвѣта филипповыхъ. Съ поморья они забрались въ Кимру и потомъ добрались и до Москвы и основали здѣсь по обычаю другихъ общинъ свою часовню, такъ сказать, свое агентство для пропаганды и сбора пожертвованій. Въ эту-то московскую филипповскую общину, въ самую горячую пору ея дѣятельности, явился въ 50-хъ годахъ XVIII в. молодой человѣкъ со страстной жаждой познанія правды, подвига, порывистый, впечатлительный «непосѣда» съ «святымъ недовольствомъ» въ душѣ, недававшимъ ему ни минуты покоя. Какъ «вѣчнаго жида», его постоянно гнало что-то впередъ, заставляло неуклонно идти въ поискахъ за правдой, за высшимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Неизвѣстно происхождение молодого человѣка: по однимъ извѣстіямъ, онъ переяславскій мѣщанинъ, по другимъ—помѣщичій крестьянинъ изъ Переяславля. Звали его Ефимомъ. Молодой человѣкъ съ дѣтства зналъ грамоту и имѣлъ большую охоту къ чтенію. Поиски за книгами его—еще мальчишку—столкнули съ старовѣрами. Это столкновение рѣшило его участь: жажда знанія стала развиваться въ направленїи рѣшенія религіозно-нравственныхъ вопросовъ и, при-

¹⁾ «Правосл. Обзоръ» 1864 г., № 1, стр. 85—86.

томъ, въ смыслѣ сектантскомъ. Вернуться къ церковнымъ юноша не могъ, такъ какъ онъ съ перваго раза почувствовалъ, что у старовѣровъ сильнѣе, живѣе и дѣйственинѣе вѣра, больше интереса къ высшимъ вопросамъ жизни. Но и туземные старовѣры скоро перестали удовлетворять Ефима. Его пытливый умъ просилъ большаго пища, чѣмъ сколько могли дать его первые просвѣтители, сами, какъ люди массы, въ общемъ достаточно «темные люди». Его тянуло къ центрамъ работы старовѣрской мысли, къ источникамъ большихъ свѣдѣній и онъ ушелъ въ Москву, ушелъ, конечно, тайкомъ, безъ паспорта. Здѣсь онъ попалъ къ филипповымъ, куда его, вѣроятно, направили его провинціальныя просвѣтители. Онъ услышалъ у филипповыхъ рѣзкую, искреннюю проповѣдь противъ окружающаго нечестія, жестокаго нападки на нравственныя свойства людей господствующаго порядка, даже призывъ къ сопротивленію чувственному антихристу. Онъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе, какое требовалось отъ всѣхъ вступающихъ въ согласіе, не молиться за царя и не поступать въ военную службу, или въ какую бы то ни было другую. Все ученіе секты, строгій аскетизмъ, отличавшій ее въ пору разцвѣта, — очень понравились Ефиму. Онъ сдѣлался ревностнымъ прозелитомъ филипповыхъ, пропагандировалъ, писалъ обличительныя сочиненія. Но эта горячая дѣятельность скоро оборвалась. Случилась «облава», столь обыкновенная въ то время въ отношеніи къ старовѣрамъ, Ефимъ попалъ въ руки полиціи и, какъ беспаспортный, высланъ на родину. Общество (помѣщикъ?) рѣшило сдать его въ солдаты, потому что, — понятно, куда же могъ годиться иначе этотъ безпутный, ненасытный читатель книжекъ, исчезающій вдругъ неизвѣстно куда? — только обществу обуза. Изъ военной службы Ефимъ бѣжалъ.

Онъ воротился снова въ Москву, но не къ филипповымъ, хотя съ ними совсѣмъ не порывалъ связей, а на Преображенское кладбище къ еедосѣевымъ, гдѣ въ это время Илья Ковылинъ задумывалъ объединить около Преображенскаго подъ своимъ «началомъ» всѣ безпоповскія согласія. При его жизни на кладбищѣ дѣйствительно получали приютъ наставники и вообще талантливые и выдающіеся люди всѣхъ согласій и поморская филипповская община находилась въ это время подъ его покровительствомъ. На этотъ разъ Ефима постригли въ монахи, но такъ какъ оставаться ему въ Москвѣ было больше прежняго опасно, его послали въ филипповскій скитъ на Поморье. Сюда Ефимъ по-

палъ въ плохое время. Уже нѣсколько согласій выдѣлилось изъ поморскаго. Въ самой поморской общинѣ, среди единомышленниковъ все шло вкривь и вкосъ, хотя снаружи казалось, что все идетъ по заведенному порядку, «мирно, чинно, благородно». Община была уже очень богата. Богатство сдѣлало ее своекорыстной, заставило пойти далеко по пути компромисса. А жизнь развивалась; личность заявляла не только права на счастье, но даже претензіи на безшабашную распущенность. Аскетизмъ первыхъ лѣтъ давно прошелъ, а вмѣсто него обнаружился такой развратъ, который приводилъ въ ужасъ лучшихъ людей изъ самихъ сектантовъ и однихъ отдѣлялъ, вынуждая организовать новыя согласія, другихъ вызывалъ на дѣятельную, но мало успѣшную борьбу въ самой общинѣ. Борьба сводилась въ сущности къ исканію новаго дальнѣйшаго компромисса, къ оправданію и теоретической обосновкѣ брака безъ церковнаго вѣчанія, потому что лучшие люди не могли не видѣть, что за нескладная нелѣпность выходитъ изъ проповѣди безбрачія, когда историческая необходимость, вызвавшая этотъ принципъ, миновала и согласіе, благодаря сдѣлкамъ съ нечестивымъ міромъ, устроилось довольно спокойно. Шли поэтому толки и споры. Согласія обвинялись полемическими сочиненіями по поводу разныхъ уклоненій отъ преданія и ученія «остальцевъ древляго благочестія». Споры нерѣдко переходили въ распрю и окончивались рукопашными схватками. Вся эта борьба идей и похотѣній, вмѣстѣ съ фактами и скандальной хроникой туземной жизни, интересовали всѣхъ; сиплетни и толки переходили изъ устъ въ уста и захватывали въ свой круговоротъ всякаго свѣжаго человѣка, попавшаго сюда. Захватила она, конечно, и Ефима, тѣмъ болѣе, что и у своихъ филипповцевъ, въ своемъ скитѣ онъ вовсе не нашелъ той строгости нравовъ, того подвижничества, которое привлекло его въ ученіи согласія и даже, можетъ быть, въ жизни московскихъ учителей, которые въ виду другихъ согласій на первыхъ порахъ, конечно, старались не ударить въ грязь лицомъ. Подъ вліяніемъ общей атмосферы Поморья въ скитѣ филипповыхъ обазалась та же распущенность, которая была и въ другихъ общинахъ и которая вовсе не могла придтись по вкусу Ефиму, строгому поборнику наставленій первыхъ борцовъ старовѣрья. Въ скитѣ онъ скоро не поладилъ съ настоятелемъ и былъ лишенъ монашества. Это обстоятельство заставило его снова вернуться въ Москву съ жалобой на несправедливыя отно-

шенія къ нему и вообще на зазорную жизнь скита. Московскіе преображенскіе старцы, однако, не удовлетворили претензій Ефима. А, между тѣмъ, наблюденія надъ согласіями на Поморьѣ, разногласія ученыхъ и «нетвердость» жизни, замѣченная тамъ, поселили въ душѣ Ефима разладъ, сомнѣнія. Да еще и обида. Онъ рѣшилъ снова отправиться въ странство; разошелся окончательно съ филипповыми и преображенскими и ушелъ на первый разъ по пути къ Ярославлю, ушелъ разсѣять свои сомнѣнія, поискать въ другихъ мѣстахъ настоящихъ ревнителѣй вѣры. Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ вездѣ, во всѣхъ старовѣрскихъ обществахъ «искалъ способа, какъ бы совершить себя безъ сумѣнія», но вездѣ онъ встрѣчалъ тотъ же разладъ между словомъ и дѣломъ, какой оттолкнулъ его отъ филипповыхъ. Во время странствій своихъ Ефимъ сталкивался съ цѣлой массой бродячаго люда, среди котораго и бродячіе учителя вѣры встрѣчались. Одна изъ такихъ встрѣчъ глубоко поразила Ефима. Онъ столкнулся съ человѣкомъ, который всю жизнь свою проводилъ въ пути, убѣгая отъ міра и его соблазновъ. Бѣгство отъ міра, отъ антихриста, какъ мы видѣли, давно было поставлено въ расколѣ, но этотъ таинственный странникъ, очевидно, особенно понравился Ефиму неуклоннымъ слѣдованіемъ разъ принятому принципу.

Ефимъ съ этой встрѣчи нашелъ снова свою вѣру; его сомнѣнія пропали. Онъ приступилъ къ формулировкѣ доктрины самъ—въ духѣ секты, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, только съ большою, какъ ему казалось, вѣрностью преданію «первыхъ оставшихся». Онъ и отъ филипповыхъ ушелъ потому, что многіе изъ нихъ, «ярые на словахъ», тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ покорялись власти, исполняли волю ея и поэтому казались «несходственны съ прежде-бывшими христіанами». А, между тѣмъ, на Поморьѣ Ефимъ имѣлъ случай познакомиться съ послѣдователями Адамантова согласія, которые въ виду царства антихриста учили чуждаться даже всего того, что заведено и изобрѣтено въ царство антихриста: не брать въ руки денегъ, паспортовъ и разныхъ другихъ бумагъ съ антихристовой печатью (государственнымъ гербомъ), не жить въ городахъ и селахъ, чтобы не принимать участія въ антихристовыхъ общественныхъ дѣлахъ, не ходить по каменной мостовой, изобрѣтенной антихристомъ, не пить воды изъ рѣкъ, по которымъ плаваютъ «кораблики заорленные». Ученіе странника по принципу,

встрѣченнаго Ефимомъ, завершаетъ ученіе адамантовыхъ положительнымъ, прямымъ указаніемъ: «бѣги— всю жизнь, изъ одного мѣста уходи въ другое и не задерживайся тамъ, а снѣши дальше, иначе горе тебѣ! Духъ антихриста нечувствительно заразитъ и осквернитъ тебя своимъ срадомъ». Эти данныя и опредѣлили ученіе Ефима. Онъ началъ свою проповѣдь въ Ярославль и въ другихъ окрестныхъ городахъ и селахъ. Собравши нѣсколько послѣдователей, Ефимъ сдѣлалъ съ ними «соборъ-совѣщаніе» 28 мая 1784 г., на которомъ было составлено посланіе къ «другихъ вѣрѣ сектарямъ» съ рѣзкими нападеніями на ихъ двоедушіе и притворство въ отношеніяхъ къ церковнымъ, къ церкви и правительству. Различные компромиссы съ временемъ обозначены еретическими и преданы проклятію; резюмированъ практическій выводъ изъ ученія собравшихся единомышленниковъ: «Въ настоящіе послѣдніе дни сія антихристовы прелести, кій путь спасительный сущимъ въ вѣрѣ прообразовася? Пространный ли, еже о домѣ, о женѣ, о чадахъ, о тергахъ и стужаніяхъ помысленіе имѣти, или же тѣсный, пужднй и прискорбный, еже не имѣти ни града, ни села, ни дому?» Посланіе «собора» выбираетъ послѣдній путь. Проклятія и отлученія на отступниковъ — первый шагъ къ образованію новой релігіозной группы, первое опредѣленіе ея индивидуальности и съ этого момента мы имѣемъ право говорить уже объ особомъ согласіи среди безпоповцевъ— согласіи странническомъ.

Ефимъ не имѣлъ агитаторской горячки. Онъ говорилъ: «были бы лишь люди, боящіеся антихриста и бѣгущіе сътея его, а много ли, мало ли ихъ—воленъ Богъ». Правда, что съ годами онъ все больше и больше погружался въ книги, чтеніе которыхъ обратилось у него даже въ страсть. «Даже въ возглавіи» онъ всегда книги имѣлъ и «за трапезой всегда въ писаніе внималъ». Кроме того, онъ довольно много писалъ (онъ оставилъ около 13 собственныхъ сочиненій и брошюръ («главизнъ») и рисовалъ иконы и миниатюры. Онъ пародировалъ «лицевой Апокалипсисъ» съ иллюстраціями въ духѣ своего ученія: антихристъ и его слуги изображаются въ видѣ свѣтской и духовной власти. Такая наклонность къ чисто келейнымъ занятіямъ, къ созерцательной жизни, конечно, объясняется до нѣкоторой степени недостаточность духа прозелитизма, но не въ этомъ все дѣло. Исканіе Ефимомъ правой вѣры и установка своего ученія приходится какъ разъ на царствованіе Еватеріны II. Мы уже знаемъ, ка-

кая масса слуховъ ходила въ это время въ народѣ. Ждали воли отъ царицы, какъ будто свѣтало, и день, казалось, будетъ солнечный. Старовѣры осѣвние, сгруппировавшіеся въ общины, получали нѣкоторыя права и льготы и между ними развивался духъ компромисса. Какъ ни легковѣрны были надежды массъ, какъ ни жестоко разубѣждали ихъ сверху, — надежды эти, все-таки, шевелились и манили къ жизни, и пессимистическая проповѣдь людей болѣе дальновидныхъ, чѣмъ масса, озлобленныхъ податливостью среды на сдѣлки со зломъ, не могла привлекать къ себѣ вниманія массъ въ той степени, какъ въ другіе моменты, когда надежда едва мерцаетъ только въ сердцахъ беззавѣтнѣйшихъ оптимистовъ, большинство же ждетъ съ тоскливымъ чувствомъ, «что-то будетъ?» Вотъ почему, собственно, намъ кажется, согласіе странниковъ не распространялось при жизни Ефима. Время было не такое. Ждали переменъ, надѣялись, радостные слухи сулили человѣческое существованіе.

Ефимъ всю жизнь страдалъ отъ разлада слова съ дѣломъ у близкихъ ему по духу людей. Поэтому самъ онъ, прежде всего, старался строго слѣдовать своему учению. Изъ Ярославля онъ часто уходилъ въ пошехонскіе лѣса. Скитаясь здѣсь, онъ однажды нашелъ два старовѣрскихъ скита — Мининъ и Леонтьевъ и тутъ «уловилъ» одного послѣдователя — бѣлаго крѣпостнаго Павла Васильева. Ефимъ даже хотѣлъ здѣсь пріютиться на неопредѣленное время, но пронесся слухъ о военной командѣ, посланной для сыска скитовъ, и заставилъ учителя и ученика уйти изъ опаснаго мѣста и переждать грозу. Тѣмъ временемъ скитники дѣйствительно были разогнаны и скиты сожжены. Въ то же время, при одной полицейской «облавѣ» на безпаспортныхъ былъ схваченъ одинъ послѣдователь Ефима и сосланъ потомъ въ Сибирь. Оставаться близко къ полициі было рѣшительно неудобно и вся уцѣлѣвшая группа съ учителемъ ушла въ галицкіе лѣса. Только черезъ два года Ефимъ воротился въ Ярославль и, кажется, уже не уходилъ отсюда до самой смерти, занимаясь изложеніемъ своего ученія и живописью. Изъ сочиненій Ефима извѣстны: *Разглагольствіе о настоящихъ въ дрезлецерковномъ послѣдованіи несогласіяхъ между собою; Цвѣтникъ; Изысканіе о состоящихъ подъ властью антихристовыхъ жрецовъ; Толкованіе на слово Ипполита объ антихриствѣ; О злоплучныхъ поглядныхъ временахъ и знаменіяхъ антихриста.*

Ефимъ умеръ 20 июля 1792 г. До сихъ поръ въ этотъ день его послѣдователи служатъ по немъ панихиду.

Ученіе, оставленное Ефимомъ, въ сущности, повторяетъ ученіе поморцевъ, филипповыхъ и адамантовыхъ перваго времени; но именно возвращенія къ идеямъ и жизни первыхъ «остальцевъ древяго благочестія» и хотѣлъ Ефимъ. Особенно много сходнаго въ его положеніяхъ съ *Оказаніемъ объ антихристѣ, ежесть Петръ I-й*. Онъ только еще нагляднѣе, реальнѣе старается выставить свою аналогію и, нужно сказать по правдѣ, его писанія показываютъ, что народная мысль въ своихъ передовыхъ представителяхъ сдѣлала нѣкоторый шагъ впередъ въ познаніи общественаго зла, хотя основная, исходная точка воззрѣнія на этотъ предметъ остается та же—принципъ личности, а сознаніе «самовиновности» личности,—силы въ ней злой воли еще больше углублено и развивается въ послѣдователяхъ Ефима дальше до того, что то, что угадано Ефимомъ, остается мертвой буквой, мертвыми положеніями, имѣющими цѣну только въ цѣляхъ пропаганды душевнаго спасенія личности ¹⁾.

«Аще хоцещи, человекче, творити волю Божию, кратко реку ти: во всемъ жителствѣ подвига примѣси себѣ малу скорбь по силѣ своей во всякой вещи, Бога ради; сіе есть воля Божія благая. Мала бо скорбь, Бога ради, лучши есть великаго дѣла безъ скорби бываемаго»,—такимъ выразительнымъ заявленіемъ начинается одна изъ статей цитируемаго нами странническаго «Сборника», носящая заглавіе: *О воли Божіей*. «Аще бо немощни есмы и не можемъ подвизатися, то стяжемъ смиреніе, благодареніе и молитву Исусову; аще ли здравы есмы—подобаетъ намъ понуждати себе до изнеможенія». Затѣмъ слѣдуетъ еще имѣть вѣру несомнѣнную, потому что по вѣрѣ нашей и благодать Божія; и терпѣніе скорбей даются намъ. Особенно въ нынѣшнія раздорническія времена слѣдуетъ крѣпко вѣровать во Христа, постоянно просить Бога объ укрѣпленіи этой вѣры въ виду множества людей, соблазвившихся пришествіемъ антихриста и принявшихъ отступничеыя имя антихристово...

Со времени патріарха Никона въ русской церкви и русскомъ государствѣ настала антихристовъ порядокъ, воцарился антихристъ и воплотился въ Императоръ Петръ I. Петръ уничтожилъ до

¹⁾ Для характеристики ученія Ефима особенно пользуемся прекраснымъ странническимъ рукописнымъ Сборникомъ Руминцев. Музея, № 1277, заключающимъ въ себѣ четыре статьи Ефима или его ближайшихъ учениковъ и Никиты Семенова.

конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ и, вмѣсто нихъ, установилъ поганскихъ вѣрѣ обычаи, какъ, на примѣръ, «брады брить, платье нѣмецкое носить, на шеяхъ удавныя петли имѣти (галстухи), табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ, маскардахъ и балахъ пощеденствовати». Но особенно ясно стало присутствіе антихристовъ духа съ первой народной переписи. «Прежде первыя ревизіи, до перваго императора, не бѣ въ Россійской державѣ людямъ описанія, ни подушныя подати, ни народнаго удержанія, но елика кто восхотѣ куда, — отлучися». Петръ же «описавшійся народъ въ грудѣ собра, хотя его во власти своей удержати по реченному Исполитомъ: антихристъ собереть расточенныя люди». И дѣйствительно: «всяко приходъ антихриста къ челоуѣкамъ являетъ быти во время оныя описи. Тогда бо его (антихриста) челоуѣцы пріяша, егда онымъ укрѣпленіемъ письменнымъ во одержательство его мятежное себе вдаша. А воцареніе его во время онаго указнаго глашенія (о припискѣ въ двойной окладъ) явствуетъ. Егда оный императоръ (людямъ) писавшимся въ раскольники запрети своей раскольнической прелести никого не учити, тогда убо онъ, седмиглавыи, и исправися въ челоуѣцехъ, и воцарися на земли». Это особенно ясно на послѣдствіяхъ, какія дала перепись. Когда «императоръ раздробилъ народъ на разныя чины и разложи на нѣ дань подушную, — оныхъ бо торговаго дѣла (ради) промысла мало поотягчи, другихъ же земледѣльства ради и прочаго посредственно обложи; потомъ же и землю размежева, езера убо и рѣки, лѣса же и прочія же усадьбы имъ раздѣли, да знаютъ каждо ихъ свое и наблюдаютъ е, другаго же надѣлу не прикасаются, якоже и купеческихъ торгу не касаются, — и симъ раздѣленіемъ оный императоръ... содѣя (людей), яко язычници другъ на друга ратоборствовати... Съ тѣхъ поръ какъ одержани тако врагомъ челоуѣцы и понуждены имъ пешись о дани оной и о домовномъ строеніи, и о собраніи имѣній, якоже мравіи неусыпно тицанье возымѣша како большая собрати, — и сего ради въ торгахъ начаша бывати обманы — неправыя мѣры, и неистовыя вѣсы, и во всякую вещь неудобныя примѣсы; сего ради божбы и клятвы ложныя родишася». Изъ такого житія естественно явились «ненависть и зависть, вражда и драки и междоусобныя брани; другъ на друга свирѣбствующе и другъ друга обидяще, и имѣнія разграбляюще ради запрещенія не вступать въ купечествующихъ дѣло»... «Надѣлавъ кому много, кому мало, иному же ничего же давъ, токмо едино руководѣіе имѣти повелѣвъ» ●

Императоръ произвелъ вражду между людьми, «бои и убивства, кражи, зане неимѣнія (ради) у имущаго тайно нача похищати, а сильный другаго надѣль своею силою нудящеся отняти во областѣ свою и въ томъ начаша тяжбы содѣвати, — отчего суды неправедные во мздѣ нача быти... Сего ради во всѣхъ рать неумиримая и человеконенавиденіе наглое воста и во вся вмѣстися, и сихъ ради, онъ, змій седмиглавый, воцарися въ человекѣхъ на земли, его же наричуть діаволомъ. Главъ семь суть смертныя грѣхи: первая — злоба зависть, вторая — сребролюбіе, третья — блудъ, четвертая — чревоугодіе, пятая — гордость, шестая — гнѣвъ, седьмая — небреженіе. И сими главами своими онъ, черный и десятирогій, оттого нача пожирати всѣхъ на земли живущихъ, сирѣчь земная мудрствующихъ, ихже удержа міродержецъ... въ умномъ скитаніи и въ мятежѣ суетномъ быти».

«Въ лѣто по исчисленію настоящаго гражданства 1720 г., февраля въ 5 день изыде повелѣніе отъ скиптра державствующаго всероссійскаго Императора Петра I во вся имперіи его страны и грады, и провинціи, и села, да еже оное Величество въ наслѣдники всероссійскаго царствія (кого) благоволишь, и того вси рустія сынове за истиннаго наслѣдника признавати съ обычною присягою да обѣщаваются». И такъ онъ спусти семь лѣтъ послѣ описи, приписавши и укрѣпивши народъ и узаконивъ въ немъ богопротивныя обычаи, воцарился. До того времени онъ еще не въ царскомъ существѣ былъ. Съ этихъ же поръ дьяволъ царствуетъ на русскомъ престолѣ по закону. Но отцы церкви говорятъ, что для этого «не самъ сатана въ плоть претворится, а человекъ изъ блуда родится и все сатанино дѣйство подыметъ». «Блудъ всяка ересь нарицается, — отвѣчаетъ на это Ефимъ. — Откуда разумѣти должно яко первый онъ, Петръ, въ ереси родися, сирѣчь въ отступленіи, не отъ законнаго жены въ таковое строеніе произыде, но отъ блуднаго жены; еже есть вѣры; жена бо — вѣра глаголется — или законная Христова, или еретическая. Сего ради глаголетъ изъ блуда ему родитися».

Такимъ образомъ, царствованіе антихриста въ землѣ русской опредѣлено и доказано совершенно убѣдительно. Вліяніе данной государственной формы на личную нравственность отмѣчено, какъ видитъ читатель, близко къ дѣлу. Народныя тягости по слѣдамъ Посошковыхъ и Докукиныхъ указываются совершенно опредѣленно. Но вы нигдѣ не встрѣчаете ни малѣйшихъ указаній на то, что зло, отмѣченное въ общественной жизни, есть результатъ именно

формы государства, результат *учреждений*. Все дѣло сводится на личность и, притомъ, на ужасную, поражающую личность антихриста. Само собою разумѣется, что, сообразно съ такой постановкой дѣла, нѣтъ и никакихъ требованій реформы, нѣтъ хотя сколько-нибудь ясныхъ общественныхъ идеаловъ. Пожеланія сводятся лишь къ воплощенію въ отдѣльныхъ личностяхъ нѣкоторыхъ элементарныхъ нравственныхъ требованій аскетическаго характера. Общественное зло здѣсь трактуется по совершенно особому типу мышленія, — типу, свойственному такъ называемой антропоцентрической степени развитія. Здѣсь разсудокъ подчиненъ фантазіи; сквозь его выкладки и доводы то и дѣло рвутся фантастическіе образы и сбиваютъ мысль на ложную дорогу. Общественные идеалы если и прорываются иногда у протестанта, то они облачаются въ образы и картины прошлаго и, притомъ, совсѣмъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Они не дѣль протеста, а одно изъ средствъ рѣзче отгнать по контрасту царство антихриста. Общественные идеалы странника — это церковь съ деспотической силой и «благочестивые обычаи» московской эпохи съ ея безпрерывнымъ и повсюднымъ смѣшеніемъ церкви и государства. «Увы, что нынѣ видимъ! — печалится Ефимъ, — вся воля отнята у духовныхъ гражданскою властью: аще что и глаголють по писанію, но не могутъ противъ оной стояти дѣломъ и отлучити отъ своей церкви ядущихъ въ постные дни мясо и женъ безъ браченія имущихъ — наложницами». Или вотъ идеаль суда по *Тюменскому страннику*: изобразивши въ каррикатурномъ видѣ богоборный антихристовъ судъ, авторъ показываетъ затѣмъ, «каковы были прежде благочестивые суды и присутственныя мѣста и *какимъ порядкомъ по закону судить и распоряджати должно*: какъ придешь въ присутственное мѣсто, въ первыхъ узриши на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или святую икону. А судии сидятъ въ порядкѣ, и по образу и по подобію Божию: хотя и князь, или судья, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, и промежду ихъ законъ Божій, сирѣчь вѣчное Евангеліе и седмью вселенскими соборами утвержденное кормило, сирѣчь книга Кормчая и прочія Богомъ вдохновенныя: св. Кирилла, Іоанна Златоустаго или преподобнаго Ефрема и пр. Тако право судили и *такъ подобаетъ быти суду праву*»¹⁾). Даже эти идеалы, какъ видитъ читатель, сводятся къ опредѣленію выш-

¹⁾ Мельниковъ: «Письма о расколѣ», стр. 62, 89—90.

ности, къ эмпирическимъ указаніямъ, лишеннымъ внутренней связи, которая ускользаетъ отъ наблюденія протестанта, потому что онъ не понимаетъ этой связи, не видитъ ея значенія. Свои хвостики, такъ скажемъ, идеаловъ онъ приводитъ вовсе не затѣмъ, чтобы осуществлять ихъ въ дѣйствительности. Протестантъ не идетъ дальше сантиментальныхъ вздыханій о московской старинѣ. Онъ вовсе не интересуется тѣмъ, чтобы старый судъ былъ возстановленъ, хотя и говорить, что «такъ подобаешь быти». Указаніе на современную злобу дня и сопоставленіе ея съ стариной нужно ему только для того, чтобы сильнѣе отмѣтить богоборныя признаки царства антихристова. Въ указаніяхъ тягостей, какія несутъ массы, протестантъ повторяетъ только то, что хорошо знаютъ и эти массы. Но въ своихъ объясненіяхъ зла, въ предлагаемыхъ имъ средствахъ спасенія отъ этого зла онъ самостоятеленъ, хотя и тутъ онъ остается сыномъ массы, потому что мысль его работаетъ по тому же типу, какъ и мысль массовая. Странникъ поражается образомъ антихриста и поражаетъ имъ массу. Указывая на социальное зло и объясняя его, какъ дѣло сатаны-антихриста, онъ путаетъ массовую мысль, изъ реальной сферы выталкиваетъ ее въ сферу фантазіи, отъ попытокъ массы «скопомъ» отбыть отъ житейской тяги онъ уводитъ народную мысль въ другую область—личной нравственности, затѣняетъ общество, мысль объ обществѣ, вынирая на первый планъ личность. Сводя дѣло на преслѣдованіе въ личностяхъ семи смертныхъ грѣховъ, проповѣдникъ самъ не видитъ, что борется не противъ причинъ, а противъ результатовъ, и что борьба эта безплодна: семь смертныхъ грѣховъ нескоренно живутъ и процвѣтаютъ, и сказываются скоро даже въ самомъ проповѣдникѣ, приводя снова въ ужасъ и отчаяніе собравшуюся вокругъ него группу.

Проповѣдь освобожденія и спасенія личности естественно находитъ себѣ отголосокъ въ душѣ, сполна угнетенной тяжестью жизни. Но, разъ принятый, принципъ личности въ постановкѣ странника исключаетъ борьбу. Доказывая, что царствуетъ антихристъ, странникъ заявляетъ, въ сущности, что общественное зло неискоренимо, что борьба съ нимъ заключается только въ ежечасной опаскѣ, какъ бы откуда-нибудь на личность не нахнулъ «богоборный духъ», въ заботахъ о личномъ спасеніи, пока, наконецъ, придетъ ожидаемая кончина міра и Христосъ призоветъ вѣрныхъ для борьбы со зломъ. И это отрадное утѣшеніе вовсе не символика

бунтарской идеи, какъ хотѣтъ показать иные изслѣдователи, а мистико-теоретическая надежда въ практическомъ результатѣ, приводящая только къ борьбѣ со зломъ внутри самой личности. Подъ знаменемъ Христа, когда онъ «придетъ съ неба на бѣломъ конѣ на землю сотворить брань съ антихристомъ», могутъ быть только праведные, только успѣшно борющіеся со зломъ и соблазнами міра за свою собственную душу. И эти праведные, убитые въ войнѣ съ антихристомъ, получаютъ мученическіе вѣнцы, а выжившіе «будутъ іереи Богу и воцарятся съ нимъ тысящу лѣтъ» на обновленной землѣ — въ предѣлахъ Астраханской губерніи, около Каспія. Грѣшныя всѣ будутъ истреблены. Мысль о борьбѣ добра и зла въ мірѣ, о торжествѣ добра надъ зломъ при концинѣ міра, основная во всѣхъ безпоповскихъ согласіяхъ, у странниковъ и вообще у согласій, признающихъ господство духовнаго антихриста, съ теченіемъ времени все больше теряетъ, такъ сказать, историко-реальную окраску — антихриста. Изъ-за антихриста все больше и больше выходитъ сатана и система начинаетъ принимать прямой видъ аскетическаго дуализма. Эту трудно уловимую трансформировку въ ученіи странниковъ мы постараемся отмѣтить дальше, здѣсь же замѣтимъ только, что къ ней неизбѣжно ведутъ, прежде всего, нравственные выводы изъ ученія объ антихристѣ. Что дѣлать въ виду столь страшнаго, «огнепальнаго» времени? — невольно встаетъ вопросъ у человѣка, пораженнаго ужасомъ при мысли о царствѣ антихриста. Антихристъ царствуетъ, — учитъ Ефимъ, — скоро послѣдуетъ кончина міра, а въ виду этой кончины — къ чему всѣ попеченія и труды? «Сѣете въ тлю семена ваши, — цитируетъ Ефимъ пророка, — всуе страждуще труждаете нивы ваши. Созидуютъ грады и не могутъ пожити въ нихъ, насаждать винограды и не могутъ вкусити отъ плода ихъ. (Идетъ ли такой способъ выраженія къ символикѣ бунта?) День Христовъ — день брани. Сего ради подобаетъ служить единому Господу, льстецу же и говителю повиноваться и покориться волѣ его не повелѣно: слушай бо повелѣнія чувственнаго антихриста, слушаетъ самого сатану, спасется только непокорившійся мучителю!» Въ чемъ же заключается это непокорство? Для сильныхъ — въ безтрепетномъ обличеніи нечестія и лжи, въ оправданіи своей истины, въ запрещеніяхъ ругаться надъ нею и хулить ее. «Аще услышиши нѣкоего на торгу или на распутіи среди народа Владыку и Христа хуляща, — приступивъ, воспрети. Аще и язву ему наложиши, не отмениши. за-

уши, сокруши его уста, — освятится рука извою... Аще поемлютъ нѣщии, аще на судѣ влекутъ — возслѣдуй. Аще на судѣ — судія истязаетъ, глаголи со дерзновеніемъ, яко Царя Ангельскаго (избитый) похуливъ есть». Для иллюстраціи этого положенія приведемъ чрезвычайно выразительный фактъ, показывающій направление; въ какомъ понимается ученіе о непокорствѣ и противленіи антихристу: въ октябрѣ 1863 г. въ г. Грязовцѣ (Вологодской губ.) въ Христорождественскій соборъ вошелъ временно-обязанный крестьянинъ Иванъ Заморинъ. Дѣло было въ воскресенье, во время обѣдни. Съ зажженною свѣчею въ рукахъ онъ пронигъ послѣ великаго выхода въ алтарь, взялъ потиръ съ престола, бросилъ его на полъ, разлилъ освященное вино и, растоптавъ потиръ ногами, вскричалъ: «попираю мерзость сатанину!» Литургія прекратилась. Протестанта схватили: онъ оказался изъ согласія странниковъ и тутъ же объявилъ, что «сдѣлалъ это для того, чтобы наругаться надъ сатаной и принять мученическій вѣнецъ» (*Моск. Вѣд.* 1863 г., № 250). Въ «программу» противленія антихристу входитъ далѣе неповиновеніе власти гражданской, поддерживающей своимъ авторитетомъ «ереси» господствующей церкви. «Убо ли кая ересь можетъ утвердиться безъ лица сильныхъ? Никако. Всюду бо царское лицо сильнѣйше есть въ низложеніи Христова закона духовныя власти... Всякая власть гражданская паче духовныя; якоже въ утвержденіи вѣры, тако и въ низложеніи тоя преимуществуетъ», а потому и хуль особенно подлежить, «яко не воспрети злomu начинанію и не удержитъ руку безстыдію касающуюся, но соизволи тако». По св. Ипполиту, подобное соизволеніе на хулу истины, на введеніе ересей есть отличительная черта антихриста. А если это такъ, то «не точію царское лицо безвинно и беззаконію не приобщно являетъ, но и самого антихриста быти того нарицаеть, еже есть всему злу начальника, въ него же онъ вшедь, пренеподній бѣсъ, конечное исполнитъ имъ свое хотѣніе». Поэтому «покорное всякое прошеніе или послушаніе повинующихся сему лицу являетъ быти (послушаніе) самому дьяволу».

Неповиновеніе дьяволу, хулы и бѣгство отъ него — обязательны. Кто остается «въ области міродержца», тотъ гибнетъ, теряетъ всякую надежду на спасеніе, его безповоротно заполюняетъ нечистота мірская. «Кто въ области сего міродержца пребывая можетъ нестяжатель быти?» Кто можетъ тамъ, не думая ни о чемъ другомъ, въ законѣ Господнемъ поучаться день и ночь?..

Бѣги изъ Вавилона, тамъ бѣсы всѣ, оставшіеся во власти бѣса, и Господа нѣтъ съ ними. Тамъ люди—мучители, кровь человѣческую проливаютъ, «мечемъ тѣлеса поймаютъ, питаются кровью, якоже разбойницы... Ядомъ древяго змѣя дышуще, ложнымъ своимъ ученіемъ убиваютъ человѣческія души, а паче ненаученныхъ, неутвержденныхъ во святой вѣрѣ. Невѣрніи языци и горціи сластолюбцы зловиваго міра и насытые грѣхлюбцы, яко елени рогатые бужють въ сластехъ по горамъ высокаго мѣнїя и гордыни, въ различныхъ пажитехъ грѣха, по воли сердца своего себе пасуще, а не по закону Божію». Спасеніе души и борьба съ помыслами требуютъ постоянно сосредоточеннаго и трезваго вниманія. А, между тѣмъ, житейское зло и тревоги такъ поглощаютъ человѣка, что онъ, наконецъ, не замѣчаетъ правды Божіей и поддается сатанѣ. Ефремъ Сиринъ говоритъ, что только тотъ пойметъ и уразумѣетъ пришествіе мучителя, кто откажется отъ всего мірскаго. «А любящимъ земное неразумно будетъ (т.-е. непонятно все это): аще и услышатъ слово, не имуть вѣры, но паче мерзятъ имъ глаголяй сіе...» «Невозможно однимъ окомъ зрѣти на небо, а другимъ на землю; такъ и сіе неудобно есть познати. А понеже во время се послѣдняго царства антихриста являютъ быти смущенію велию, мятешамъ и молвамъ нестерпимымъ умножитися, завистемъ и ненавистемъ, и искра любви угаснетъ, но предавать другъ друга и возненавидятъ, тогда и во мянущихся христіанехъ до конца басни будутъ», — то понятно, что надо рѣшительно бѣжать изъ этого чада нестерпимой душевной истомы, «оторгнуть душу отъ тѣлеснаго страданія и быти безграднику, бездомовнику, нестяжателю, несоблазнику, невѣждѣ человѣческихъ ученій, готову прїяти въ сердце иже отъ божественныхъ ученій входяще воображенія», неослабно бороться съ побужденіями ко злу въ себѣ самомъ. Самъ Господь велѣлъ отречься отъ всего и слѣдовать Ему. «Будь тебѣ отецъ, иже о бремени грѣховнемъ потрудилися могій и хотяй, мати же—умиленіе, омытиса отъ скверны могущее, братъ же—иже къ теченію горнему споболѣвай и срѣтайся. Стяжи и сожительницу неотторжену—память исхода. Чада же ти любезная—воздыханія сердечная. Раба — стяжи свое тѣло». «Никто же можетъ двѣма господами работати, и прочее: не придохъ, рече Господь, мира вложить на землю и родителемъ къ сыновомъ и братіямъ къ братіи работати произволившихъ, но рать—иноже

раздѣлнті боголюбныя отъ міролюбныхъ и вещныхъ отъ не-
вещественныхъ, славолюбныхъ отъ смиренномудрыхъ».

И такъ, въ мірѣ царствуетъ антихристъ-сатана, заразившій
все своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Зло онъ разлилъ всюду,
даже заронилъ его въ душу каждаго человѣка. И все приладилъ
онъ такъ, чтобы держать людей въ своей власти и поработать
грѣху. Спасеніе возможно только чрезъ сопротивленіе злу и въ
мірѣ, и въ себѣ самомъ. Отсюда слѣдуетъ необходимость *осво-*
божденія личности отъ путъ антихристовой гражданской власти,
какъ и духовной, совмѣстно служащихъ цѣлямъ сатаны. Стран-
никъ не долженъ платить податей, брать паспорта, поступать въ
военную службу, участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ
не долженъ имѣть собственности, потому что собственность, какъ
и все другое, мірское, вымыслена антихристомъ по внушенію
дьявола, чтобы всѣхъ удержать при имѣніяхъ своихъ и вѣриже
поработить грѣху. Глаголь «свое» св. Златоустъ проклятымъ и
сквернымъ называетъ: «глаголь *мое* отъ діавола, рече, введеса;
вся бо вамъ общая сотворилъ естъ Богъ, яже суть нужнѣйшая—
и нѣсть мочно рещи: «мой свѣтъ», «мое солнце», «моя вода»,
«моя пуща» и пр. Но особенно семья подчиняетъ человѣка злу
и грѣху, невольно заставляя его, осѣдать на мѣстѣ, заводиться
домомъ, собственностью, подчиняться гражданской власти. И вотъ
это отрицаніе семьи особенно характерно въ смыслѣ выясненія
основной тенденціи раскола и въ особенности странничества, —
тенденціи къ освобожденію личности. Семья для крестьянина
XVII—XVIII в. и даже начала XIX дѣйствительно была скорѣе
тяжелой обузой, зломъ и грѣхомъ, чѣмъ радостью и утѣхой
жизни. Патриархальная власть отца подъ общимъ вліяніемъ крѣ-
постнаго режима проявлялась въ самой грубой формѣ; личность,
ея запросы сполна игнорировались или безобразно душились въ
самыхъ законныхъ своихъ проявленіяхъ. У крѣпостныхъ къ
производу отца семьи прибавлялся еще деспотизмъ «отца-по-
мѣщика» и послѣднее было еще горше перваго. Самъ помѣщикъ
сводилъ пары по своему личному благоусмотрѣнію и капризу, не
обращая ни малѣйшаго вниманія на образовавшіяся уже, можетъ
быть, склонности. Въ семьѣ образовывался, такимъ образомъ, адъ
совмѣстной жизни людей, ненавидящихъ другъ друга. Положимъ,
съ теченіемъ времени могла образоваться привычка: «стерпится—
слюбится», по пословицѣ. Дѣти во всякомъ случаѣ невиноваты
и къ себѣ соответствующія чувства не могли не возбуждать

въ родителяхъ. Но несчастіе и горе и тутъ еще не переставали угрожать крѣпостной семьѣ. Вотъ-вотъ, не нынѣ—завтра помещикъ продастъ своего «раба» другому владѣльцу, подарить чиновнику, проиграетъ въ карты, да хорошо еще, если ужъ всю семью. А, вѣдь, мы знаемъ, что продавали и дарили людей и оптомъ, семьями, и въ розницу. Отца лишаютъ дѣтей, отрываютъ мужа отъ жены, а, вѣдь, и звѣрь озлобляется и жестоко протестуетъ при такихъ насильственныхъ вторженіяхъ въ интимный союзъ. Не будемъ ужъ считать рекрутчины, изъ года въ годъ разрушившей крестьянскую семью, вносящей въ нее озлобленіе и ужасъ. Это ли не поруганіе личности, это ли не зло, это ли не позоръ? Не сама ли собою рвется въ религиозно настроенную мысль идея, что бракъ—дѣло дьявола? Нечего ужъ считать того, что семья сдѣлала бы невозможнымъ постоянное бѣгство отъ міра, что въ антихристово время, по слову самого Господа, не будутъ ни жениться, ни посягать... Либеральное царствованіе Екатерины II усиленіемъ власти помещиковъ могло только прибавить линіи данныя для отрицанія семьи и дѣйствительно бракоборная проповѣдь не прекращается въ продолженіе всего крѣпостнаго режима; привлекая все новыхъ адептовъ. Умъ человѣка изъ массы не различаетъ причинъ и слѣдствій, не умѣетъ понять, что не сама по себѣ семья не хороша, а тѣ измѣнимыя условія, которыя дѣлаютъ ее никуда негодной, и онъ отрицаетъ сразу всю семью, какъ зло, разсматриваетъ семейную жизнь, какъ грѣхъ, какъ дѣло дьявола, ставящаго золотыя западни для падкой на счастье, слабой человѣческой воли. Есть что-то въ семьѣ, что связываетъ, гнететъ личность,—и семья отрицается сплошь, въ принципѣ. Женщинѣ особенно тяжело отзывается семейный бытъ и замѣчательно, что женщины съ особеннымъ сочувствіемъ слушали бракоборную проповѣдь и распространяли ее въ свою очередь. До сихъ поръ у странниковъ наибольшее число послѣдователей состоитъ изъ женщинъ; это засвидѣтельствовано многими компетентными наблюдателями и изслѣдователями. Одна странница говорила мужу при слѣдствіи на очной ставкѣ: «Я ребенкомъ за тебя была выдана, Евстафій! Пятнадцать годовъ тогда мнѣ было, а родные твои меня мучили, работать за двоихъ заставляли... Жизнь мнѣ стала хуже каторги... ну, я и скрылась въ пустыню». Представьте же вы теперь себѣ эту женщину, убѣжавшую отъ семейной каторги, и сотни другихъ женщинъ и мужчинъ—членовъ согласія,

ушедшихъ изъ міра по сходнымъ мотивамъ, и подумайте, въ какомъ направленіи могутъ они искать лучшаго? Можетъ ли у нихъ зародиться даже мысль, что не семья собственно виновата въ каторгѣ, отъ которой они спасаются? Какъ же—не семья?—скажетъ вамъ, сектантъ, —вѣдь, мужъ бьетъ, родные мучаютъ работою, выдаютъ за постылаго... Не ясно ли для этихъ людей, что зло, о которомъ говорятъ проповѣдники, есть именно сама семья, дѣло дьяволаво, что надо убить въ себѣ потребность семейной жизни, искалчить человѣческую природу по предписаніямъ аскетизма? Понятно, что разъ протестъ противъ невыносимыхъ жизненныхъ условій принимаетъ такую окраску у протестантовъ не можетъ зародиться реформаціонныхъ стремленій, въ формѣ ли сознательно поставленныхъ требованій, или простыхъ общинно-устроительныхъ попытокъ «промежь себя», въ своемъ обществѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что согласіе странниковъ до реформы 19 февраля, вызвавшей въ ней измѣненія, отличалось своимъ противосоціальнымъ характеромъ. Фанатическій послѣдователь согласія постоянно и систематически оставался одинъ съ своею личностью и съ пустыней, облюбованной имъ, дающей полный просторъ и желанную свободу. Даже и теперь попытки реформирования началъ согласія крайне разрознены и безсвязны и въ иныхъ мѣстахъ оно еще удерживаетъ свой фанатическій характеръ, развивается въ направленіи дикаго, болѣзненнаго аскетизма. Вотъ характерный фактъ для иллюстраціи.

Пермскій корреспондентъ *Новостей* сообщалъ въ 1881 г., что въ Екатеринбургскомъ, Верхотурскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ въ послѣдніе годы развивается сильно и уже обнаружено правительствомъ согласіе странниковъ, а въ 1880 г. корреспондентъ *Берега* сообщилъ случай, который, намъ кажется, долженъ быть приуроченъ если не къ прямому, то, во всякомъ случаѣ, къ косвенному вліянію ученія странниковъ. Крестьянъ Пермской губ. Петръ Холкинъ изъ чтенія писанія и въ особенности сочиненій Ефрема Сирина (писателя, особенно любимого странниками) пришелъ къ убѣжденію, что настали послѣднія времена, что для спасенія души надо уйти въ лѣса и умерить себя голодомъ. Въ томъ же онъ убѣдилъ брата съ женою, дядю и другихъ родныхъ и знакомыхъ въ количествѣ 19-ти человекъ. Все они порѣшили бѣжать въ лѣса. Шестимѣсячная дочь одного изъ участниковъ представляла помѣху въ бѣгахъ и была убита. Въ лѣсу за Камой бѣглецы устроили себѣ притонъ, одѣлись въ пригото-

вленные заранее саваны, остригли головы. Затѣмъ Петръ Холкинъ заставилъ всѣхъ выполнить обрядъ отреченія отъ сатаны и велѣлъ послѣ этого лечь на землю и не вставать, не умываться, не просить пищи, обѣщая за это чрезъ 12 дней подвига царство небесное. Но одинъ изъ участниковъ не могъ выдержать болѣе 4 дней и бѣжалъ, за нимъ бѣжалъ другой, не имѣя силъ выносить равнодушно страданія дѣлей, которыя тоже взяты были на подвигъ. (Корреспондентъ *Новостей* сообщаетъ, что дѣтей часто уходящіе въ бѣга берутъ съ собой). Побѣгъ двоихъ сильно встревожилъ оставшихся и они рѣшили убить дѣтей, а когда услышали раздававшіеся по лѣсу голоса сыщиковъ, то убили и женщинъ, и вчетверомъ долго бродили по лѣсу, пока, наконецъ, не рѣшились сами отдаться въ руки правосудія (*Берегъ* 1880 г., № 230).

Въ уголовной хроникѣ народно-религіозной жизни мы могли бы найти не мало поразительныхъ фактовъ подобнаго рода. Конечно, они, все-таки, исключительны, — исключительными мы ихъ и запишемъ, — но въ основѣ ихъ есть двѣ типическія черты и эти двѣ черты необходимо отмѣтить. Первая (и отмѣчаемая довольно часто), — что подобныя «прискорбныя» явленія показываютъ, что народу живется не легко; вторая, — что это калѣчить его, кладетъ печать пессимизма на все его міросозерцаніе. Въ фантастическихъ образахъ народъ представляетъ себѣ зло и фантастическими средствами борется съ нимъ. Когда за объясненіемъ зла онъ идетъ въ религію, когда въ ней мысль его начинаетъ искать отвѣтовъ на естественный вопросъ: какъ жить лучше, въ чемъ найти нравственное удовлетвореніе и облегченіе отъ жизненной тяги? — онъ нерѣдко приходитъ къ безнадежнымъ выводамъ и тогда не останавливается предъ массовыми убійствами, предъ систематическимъ калѣченіемъ человѣческой природы во имя своихъ выводовъ или предъ грубымъ и столь же безрезультатнымъ самосожиганіемъ. И человекъ изъ массы, — Петръ Холкинъ, Иванъ Заморинъ, или Капустинъ и Ковылинъ, — продѣлаетъ все это искренно, и вы грубо ошибетесь, если въ его словахъ и поступкахъ будете искать какой-нибудь особый смыслъ, а не то, что онъ сдѣлалъ и сказалъ. Большая ошибка думать, что Ефимъ — революціонеръ, что онъ «чрезъ посредство странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ хотѣлъ тряхнуть Москвой», что его ученіе о царствѣ антихриста и о пришествіи Спасителя на бѣломъ ковѣ имѣетъ нѣкоторый «прикровенно-революціонный смыслъ».

Иванъ Заморинъ и Петръ Холки — логическіе результаты ученія Ефима (и ихъ масса въ странничествѣ и въ другихъ согласіяхъ), а какіе же они революціонеры, съ своей страстной жаждой мученическаго вѣнца, для полученія котораго вовсе не нужно образованія цѣлой революціонной арміи? Страннику личного не нужно въ этомъ мірѣ, гдѣ-все зло, гдѣ сатана всюду раскинулъ свои сѣти, разставилъ приманки, на которыя такъ отзывчиво наше грѣховное тѣло. Странникъ хочетъ спасти свою душу, быть «іереємъ Богу» и мы попросили бы сказать намъ, что онъ разумѣетъ «прикровенно» подъ этимъ «іерействомъ», если не обыкновенное, чисто личное чаяніе каждаго христіанина найти за гробомъ такое «мѣсто злачно», гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни вздыханій, гдѣ нѣтъ борьбы со зломъ въ себѣ и внѣ себя, нѣтъ гнетущей тяги жизни, въ которой ничего не поймешь, если не призовешь на помощь мысль о царствѣ сатаны-антихриста?

Это протестъ фактовъ жизни, но не протестъ сознанія. Поскольку протестанты сознаютъ себя и свое дѣло, они — только и единственно — душу свою спасаютъ, и ничего больше. Ихъ проповѣдь — не «возмутительныя рѣчи», не бунтарскія прокламаціи, а призывъ къ дальнѣйшему умерщвленію плоти и жизненныхъ стремленій.

И. Харламовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТРАННИКИ *).

(Очеркъ изъ исторіи раскола).

IV.

Ефимъ, какъ мы сказали выше, имѣлъ очень мало послѣдователей и не отличался агитаціонной горячкой. Но даже если бы духъ прозелитизма былъ въ немъ очень силенъ, — все равно — согласіе странниковъ не могло распространяться при немъ. Эпоха Екатерины II какъ ни мало утѣшительна была для крѣпостнаго крестьянства, тѣмъ не менѣе, держала тонъ народной жизни довольно высоко. Заботы правительства о народномъ благѣ, высказываемыя гласно въ указахъ и манифестахъ, созваніе комиссіи для составленія уложенія возбуждали радостныя ожиданія и надежды, производили цѣлую массу слуховъ. Ничего не значить, что эти слухи постоянно опровергались, опроверженія не принимались за чистую монету, объяснялись въ благопріятномъ смыслѣ. А пока масса волнуется надеждой, пока она ждетъ жизни и счастья, ждетъ хоть какихъ-нибудь облегченій, само собою разумѣется, пессимистическая проповѣдь не найдетъ въ ней сколько-нибудь сильнаго сочувствія и отклика. Конечно, и среди массы всегда найдутся люди, которые, можетъ быть, прежде сильнѣе другихъ вѣрили и ждали, но за то скорѣе и больше извѣрились; они откликнутся на проповѣдь пессимизма, дадутъ ему нѣкоторую поддержку; но, во всякомъ случаѣ, они съ своею проповѣдью, съ своею организаціей не привлекутъ къ себѣ вниманія массъ до тѣхъ поръ, пока надежда не покинетъ даже самыхъ легковѣрныхъ людей. При Екатеринѣ надежда не покидала людей. Какъ ни мало,

*) *Русская Мысль*, кн. V.

все же для массы сдѣлано кое-что и, притомъ, въ такихъ областяхъ, въ такихъ отношеніяхъ, что надежда не могла не развѣтаться и по отношенію ко всему остальному. Расколъ, популярный среди массы, до сихъ поръ преслѣдуемый, получаетъ теперь «волю». Старовѣры, ушедшіе отъ преслѣдованій за рубежи, теперь массами возвращаются назадъ, призываемые льготами, которыя даются имъ, лишь бы воротились домой. Терпимость въ отношеніяхъ къ старовѣрью, гласно основанная на широкихъ гуманно-философскихъ соображеніяхъ, въ сущности преслѣдовала цѣли церкви. Разсчитывалось на то, что примиренныхъ съ государствомъ старовѣровъ гораздо легче будетъ примирить и съ церковью, и въ виду этого обстоятельства вырабатывался извѣстный «нескладный» компромиссъ единовѣрья. Разсчетъ на примиреніе старовѣровъ съ церковью оказался невѣрнымъ, во всякомъ случаѣ не далъ тѣхъ результатовъ, какіе отъ него ожидалось; но въ смыслѣ подчиненія старовѣровъ государству достигнутъ громадный успѣхъ.

Объяснимся подробнѣе, и пусть читатель не посѣтуетъ, если мы напомнимъ ему кое-что изъ прочитаннаго. Расколъ имѣетъ одну чрезвычайно важную государственно-устроительную заслугу, которой никакъ нельзя оспаривать. Въ то время, какъ многіе изъ тѣхъ, въ комъ живѣе билось и трепетало чувство независимости и жизни, кто чутче относился къ жизненной неурядицѣ, бѣжали на окраины, въ вольницу, «брели врозь», — расколъ своею проповѣдью стягивалъ эти наиболѣе живые элементы подъ свои знамена, давалъ нравственное успокоеніе, — задачу, въ которой можно было впоследствии разочароваться, но которую экзальтированное чувство старалось выполнять насколько хватало человѣческихъ силъ. На землѣ жило скверно, — расколъ указывалъ на небо и жизненную тягу приучалъ разсматривать какъ необходимое условіе достиженія царства небеснаго. Жизненная тяга, разсматриваемая, какъ мученичeskій вѣнецъ, становилась даже желательной. Заинтересовавши глубоко бродячіе элементы идеями, направивши ихъ исканіе счастья въ сторону загробной жизни, расколъ нечувствительно, незамѣтно для себя осадилъ ихъ въ виду этой цѣли на мѣстахъ. Богомысліе требуетъ спокойствія, требуетъ поддержки другихъ, нуждается въ соответствующемъ симпатическомъ настроеніи окружающихъ. Единомышленники устраиваютъ по монастырскому типу общины, скоро, въ силу безсознательныхъ привычекъ, принимающія обычный типъ трудовыхъ

общинъ. Въ болотахъ Олонецкой губерніи, на Вѣткѣ, за шведскимъ рубежомъ, за турскимъ рубежомъ, въ Стародубьѣ, на Иргизѣ образуются центры мирной изстаринной колонизационной работы, прерванной нестроениями смутнаго времени, неурядицей періода устроения и жаднымъ, всезахватывающимъ, всюду мѣшающимъ полицейскимъ духомъ времени — петербургскихъ реформъ и реакцій XVIII в. Въ центрахъ старовѣрья бродячіе элементы осаживались, устраивались и обживались. Религіозная экзальтація перваго времени, державшая нравственный типъ старовѣрья на высокомъ уровнѣ, сплачивая людей и объединяя ихъ духомъ солидарности, тѣмъ самымъ потомъ создавала для общинъ достатокъ, а затѣмъ и богатство. Когда экзальтація проходила, когда на смѣну ей выросталъ духъ компромисса, богатства, въ значительной степени обуславливавшія податливость на компромиссъ съ окружающимъ, вели потомъ общину по тому же пути дальше, развивая индифферентизмъ къ вѣрѣ отцовъ, разрывая связи съ окружающей массой. Въ расколъ гнало *недовольство* всѣми порядками жизни; но это недовольство больше чувствовалось, чѣмъ опредѣленно сознавалось, и лишь только недовольнаго охватывала атмосфера старовѣрской общины, лишь только онъ входилъ въ интересы умственной и матеріальной жизни общины, недовольство, погнавшее его сюда, замирало, и съ теченіемъ времени даже близкій потомокъ протестанта, задумываясь надъ причинами отдѣленія предковъ отъ церкви и государства (въ бѣгствѣ за рубежи), находилъ, что «предки по невѣдѣнію всю цѣну христіанскаго благочестія придали однимъ обрядамъ, а необходимость онаго (благочестія), выпустя изъ очей разума, *неразсудною ревностью* гнались только за мелкостями, ни таинствъ, ни существа вѣры не содержащими» (прошеніе стародубскихъ «согласныхъ» на единовѣріе 1788 г. См. нашу ст. въ «Странѣ» 1880 г., № 64). Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на дѣло старовѣры въ массѣ съ радостью должны были откликнуться на примирительные вызовы екатерининскаго правительства. Они и откликнулись. Когда Екатерина II издала свои указы о дарованіи льготъ старовѣрамъ, возвращающимся изъ-за границы, о запискѣ въ двойной окладъ и пр., тогда среди достаточнаго старовѣрья началось весьма характерное движеніе. Наставники согласій съ совѣта наиболѣе уважаемыхъ членовъ отправлялись за границу и во всѣ пункты, гдѣ скоплялись бѣглые искатели нравственнаго

успокоенія и удовлетворенія, и спрашивали, кто хочет воспользоваться льготами? Совѣтовали, убѣждали скептиковъ, даже прибѣгали къ насилію, рекомендуя, даже приказывая общинамъ не давать убѣжища бѣглымъ, насильно выгонять ихъ отъ себя. По свидѣтельству источника, которымъ мы пользуемся (цитиров. ркп. сб. Рум. музея, № 1277), особенно отличался въ этомъ стараніи «сократить» бѣглыхъ нѣкій «старецъ Леонтій изъ филиппова согласія», еще не такъ давно всѣми силами возстававшаго противъ подчиненія антихристу. Среди этого же согласія находятся люди, какъ нѣкій Григорій Алексѣевъ, которые говорятъ, что хотя власти и еретики—по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе, «власть ихъ Божія и отъ Бога дана имъ есть». Поэтому нельзя хулить властей, а надо слѣдовать примѣру поморскихъ отцовъ, которые «вышнимъ властемъ покоряхуса и честнымъ титуломъ онѣмъ («благовѣрный»), аще и иновѣрныхъ, въ отвѣтахъ своихъ нарицаху». Григорій Алексѣевъ сполна присоединяется къ поморскимъ отцамъ: «покорятся и нарицати нынѣшнихъ властей (благовѣрными) усердствуемъ, а не ругати и не кляти—по реченному»: «и въ ложницѣ своей не кляни царя, да не како птица донесетъ до него гласъ твой» (*ibid.*, л. 13—14).

Но при такомъ настроеніи установившихся старовѣрскихъ согласій возникновеніе новой протестующей группы, живѣе чувствующей власть антихриста, было совершенно естественно.

Точно также естественно было и то, что новое согласіе въ пору такого примирительнаго движенія, съ своимъ рѣзкимъ протестомъ противъ компромисса, съ своею послѣдовательностью въ развитіи аскетическаго принципа, совсѣмъ не могло рассчитывать на болѣе или менѣе значительное число послѣдователей. Для распространенія странничества нужна была другая пора. И настала эта пора въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. А до этого времени странничество держалось въ очень маленькомъ кружкѣ непосредственныхъ друзей и учениковъ Ефима, мало-помалу смягчая суровую рѣзкость въ отношеніяхъ къ антихристову міру, дѣлавшую невозможнымъ распространеніе согласія даже при болѣе благоприятномъ для него массовомъ настроеніи. И замѣчательно, что компромиссъ внесенъ былъ въ ученіе согласія перешедшими сюда послѣдователями старыхъ согласій.

Такъ, въ 1812 г. Василій Петровъ, изъ филиппова согласія, перешедши къ странникамъ, сдѣлалъ было попытку повернуть ученіе секты въ сторону рационализма. Мы не знаемъ, какого мнѣнія онъ

былъ объ антихристѣ, но онъ пробовалъ подробнѣе развить ученіе объ общности имуществъ въ практическомъ примѣненіи, отрицалъ необходимость исповѣди, проповѣдуя «милость Божію несправедливымъ» (т. е. не ходившимъ на исповѣдь). Въ одной рукописи, написанной имъ, или кѣмъ-то изъ его ближайшихъ учениковъ, доказывается, что вообще таинства въ дѣлѣ спасенія бесполезны, что самъ Богъ при смерти каждаго грѣшника невидимо приѣмлетъ исповѣданіе грѣховъ, сообщается съ нимъ таинственно и освящаетъ его. Въ сторону рационализма Василій Петровъ шелъ еще дальше: онъ училъ, что всякое согласіе представляетъ церковь, въ которой такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, возможно спасеніе, что за ереси судить нельзя и пр. Судя по всему этому, надо думать, что Василій Петровъ былъ совсѣмъ равнодушенъ къ вопросу о царствѣ антихриста, и само собой понятно, что его проповѣдь не имѣла ни малѣйшаго успѣха, не оставила на ученіи секты никакихъ слѣдовъ. Озлобленіе странниковъ противъ другихъ согласій, какъ мы видѣли, имѣло совершенно реальную причину; проклятія, адресованныя этимъ согласіямъ, были совершенно искренни, не представляли только пропагандистскаго приѣма, и, конечно, проповѣдь примиренія и терпимости по отношенію къ ненавистнымъ «зажирѣвшимъ» «разныхъ вѣрь сектарямъ» не могла рассчитывать на сколько-нибудь радужный приѣмъ.

Гораздо болѣе существенную и знаменательную поправку и дополненіе внесъ въ ученіе и организацію согласія еедосѣвецъ Иванъ Ѳедоровъ. Онъ ввелъ въ ученіе очень важный компромиссъ, и любопытно, что компромиссъ этотъ вышелъ непосредственно изъ стремленія развить отрицательное отношеніе къ богоборному общественному порядку еще дальше Ефима. Иванъ Ѳедоровъ настаивалъ на томъ, что нельзя брать въ руки денегъ, нельзя покупать продающихся отъ казны соли, круиъ, хлѣба и пр., потому что все это, отъ антихриста и осквернено имъ. Такимъ образомъ, обрѣзавши свои матеріальныя потребности до minimum'a, странникъ обязывался, кромѣ того, удовлетворять этотъ minimumъ сполна самъ своими средствами. Но, вѣдь, въ бѣгахъ хлѣба не поѣешь, сукна на кафтанъ не изготовишь, даже лапти не сплетешь безъ кочедыка, а кочедыкъ тоже купить надо. Какъ же быть? Въ отвѣтъ на это сейчасъ же явилась фикція: нельзя брать въ руки денегъ, но имѣть ихъ на нужду можно; надо только, чтобы хранили ихъ и покупали на нихъ нужныя вещи другіе. Странники стали поручать деньги довѣреннымъ пріятелямъ

въ деревняхъ. На пріятелей внѣшнихъ, однако, нельзя положиться вполне: возможны обманы, утайки, — лишній грѣхъ и себѣ, и другимъ! Лучше, если бы подобную функцію могли исполнять члены своей же группы, которые бы оставались на мѣстахъ. И самимъ странствующимъ необходимы мѣста для пріюта на случай болѣзни, занятій писаніемъ, необходимы убѣжища отъ преслѣдованій слугъ антихриста. Изъ этихъ соображеній развилось устройство страннопріимства, сообщившее согласію опредѣленный, законченный видъ, бытовую организацію.

Семень Крайневъ, ученикъ вѣрной спутницы Ефима, Ирины, допустилъ принадлежность къ согласію людей, которые такъ выгодно поставлены въ царствѣ антихриста, что, пожалуй, и не рѣшились бы порвать свои житейскія отношенія, продать свое имѣніе и раздать нищимъ, а, между тѣмъ, могли быть полезны странникамъ, обезпечивъ имъ хлѣбъ и кровь. Расколъ, который по этому поводу произошелъ было въ согласіи, былъ улаженъ уступками въ вопросѣ о крещеніи. Страннопріимцы поставлены были въ отношеніи къ согласію какъ кающіеся, оглашенные и готовящіеся къ крещенію, и только передъ смертью непременно обязывались креститься и уйти въ странство. Но такъ какъ умирающему уйти довольно мудрено, то и этотъ уходъ замѣненъ новой фикціей (которая потомъ получила силу и для здоровыхъ людей): страннопріимецъ, крестившійся при концѣ жизни, могъ оставаться и дома, только въ строгомъ «скрытіи» отъ «внѣшнихъ» и отъ властей. Какъ только страннопріимецъ принимаетъ крещеніе, умираетъ ли онъ затѣмъ, или еще остается живъ, — начальству заявляется, что такой-то скрылся неизвѣстно куда. То же самое заявлялось относительно каждаго умершаго члена согласія. Такое заявленіе должно было служить свидѣтельствомъ предъ Богомъ, что человекъ умеръ въ странствѣ истиннымъ христианиномъ. Такимъ образомъ, въ странничествѣ образовалась нѣкоторая іерархія, въ которой высшую степень представляютъ страннопріимцы, затѣмъ рядовые братья и сестры и, наконецъ, учителя. Страннопріимецъ хранитъ деньги странствующихъ членовъ согласія, тратитъ ихъ по указаніямъ владѣльцевъ, даетъ пріютъ людямъ, несущимъ подвигъ странства. Для этой цѣли онъ обязанъ имѣть у себя въ домѣ секретныя помѣщенія, потайные ходы, чтобы въ случаѣ нужды можно было спрятаться и уйти отъ слугъ антихристовыхъ. Страннопріимецъ долженъ держать въ секретѣ свою принадлежность къ согласію. Лицемѣрно онъ можетъ исполнять обряды и предписанія церкви,

но лучше, если онъ найдетъ возможность какъ-нибудь обходить эту тяжелую необходимость.

Членъ согласія, принявшій крещеніе (оно должно происходить въ рѣкѣ или въ новомъ чанѣ, наполненномъ дождевой, ничѣмъ не осверненной водой), уходитъ, прежде всего, «на искусь» въ лѣса, затѣмъ мѣстригается въ иноческій чинъ и отселѣ всѣ отношенія его къ міру должны быть порваны. Онъ объявляется ушедшимъ въ самовольную отлучку, уничтожаетъ свой паспортъ ¹⁾, бросаетъ всякія заботы объ уплатѣ податей, объ общественныхъ дѣлахъ деревни и пр. Теперь онъ долженъ только странствовать, только заботиться о спасеніи своей души. Наставники естественно выдвигаются изъ ряда своими способностями, ревностью по вѣрѣ, начитанностью въ писаніи. Обязанности наставника возлагаются на нихъ общимъ избраніемъ членовъ согласія въ данной мѣстности. Наставникъ совершаетъ богослуженіе, учитъ вѣрѣ, разбираетъ несогласія и жалобы членовъ, обращаетъ въ согласіе внѣшнихъ. Все это заставляетъ его постоянно находиться въ странствѣ. За службы и требы наставники получаютъ плату; берутъ и деньги, несмотря на отрицаніе этихъ знаковъ антихриста, и иные сильно наживаются. Впрочемъ, сребролюбіе, замѣченное въ наставникѣ, жестоко карается фанатическими членами согласія. Одинъ наставникъ, обличенный въ корыстолюбіи, былъ приговоренъ, на основаніи Кормчей, къ сожженію и дѣйствительно сожженъ около 54—60 г. (*Душен. Чт.* 1863 г., № 12, стр. 112—126).

Въ такомъ-то видѣ, вполне уже приспособленномъ къ дѣйствительности, странничество получило возможность распространяться, не отталкивая людей крайней, невозможной въ жизни послѣдовательностью. Уступка въ допущеніи страннопріимства и фикцій, вошедшихъ съ нимъ въ обиходъ согласія, была, конечно, нужна, если согласіе хотѣло распространенія, но она же и убила внутреннюю силу согласія, исказивъ его характеръ. Назначеніе фикцій — обойти принятыя ученіемъ формы протеста противъ

¹⁾ Иногда странники предъявляютъ начальству свои пародіи на паспортъ въ такомъ духѣ: «Объявитель сего, Иерусалима града вышняго азъ рабъ Христовъ, уволенъ въ разные города и селенія, для ради себя прокормленія всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а зеть съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чтобы не прекословить, но паче Бога славословить; убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться» и пр... «Дано сіе отъ нижеписаннаго числа впередъ на одинъ вѣкъ, а по прошествіи сего числа явиться въ мѣсто нарочито. Сей паспортъ явленъ въ части Святыхъ и въ книгу животну подъ № будущаго вѣка записавъ». (*Кельсіевъ: Сборникъ прав. свѣд. о раск., выш. I—II.*

среды. А такой обходъ, понятно, дѣлаетъ самый протестъ мертвымъ, краснымъ словцемъ, которымъ никого не удивишь и не убѣдишь. Фикціи показываютъ очень ясно, какъ легко человекъ, «изыскавши способы» личнаго удовлетворенія, примиряется съ дѣйствительностью. И чѣмъ меньше самаго пониманія дѣйствительности, чѣмъ меньше охоты протестовать противъ нея, тѣмъ скорѣе находятся эти фикціи, тѣмъ негнѣе и формальнѣе онѣ бывають... Одна фикція тащитъ за собою фатально другую, особенно когда секта начинаетъ распространяться, вбирая въ себя все больше и больше разнообразныхъ характеровъ, настроеній, симпатій.

Странничество становится замѣтнымъ, какъ согласіе, среди другихъ, какъ мы уже замѣтили, съ 20 годовъ нынѣшняго вѣка. Около этого времени оно выставило цѣлый рядъ талантливыхъ, начитанныхъ проповѣдниковъ, да и пора пришла для него самая подходящая. Только что кончилась великая война, державшая въ чрезвычайномъ напряженіи всѣ силы народа, взявшая у него страшное количество силъ. Во время войны всѣ жили однимъ общимъ чувствомъ. Крестьянство, такъ много пожертвовавшее, видѣло, какъ много въ великую годину бѣдствія имѣетъ оно значенія, видѣло, знало, что это сознають и всѣ другія сословія, и съ радостью отъликалось на зовъ этихъ сословій, обращенный къ его человѣческому достоинству, человѣческому, гражданскому чувству. Великая пора заставила признать это чувство въ крестьянствѣ, заставила гласно къ нему обращаться. Крѣпостной исчезъ; на время его заслонилъ «земледѣлецъ» — гражданинъ, какъ таковой, равный всѣмъ другимъ дѣтямъ одной и той же родины. Крестьянство давно ждало воли. Послѣ войны въ особенности оно въ правѣ было ожидать, что, наконецъ, ему будетъ дана воля. Но крѣпостной принципъ оказался ненарушимымъ. Вскорѣ послѣ войны обществомъ овладѣваетъ болѣзненный мистицизмъ. То же настроеніе, усиленное, кромѣ того, суровымъ аскетизмомъ, какъ всегда у народа — искренное, доходящее до послѣднихъ выводовъ — въ смыслѣ подвига, замѣтно растетъ и въ крестьянствѣ, указывая на тягость жизни. Проповѣдники пессимистическаго аскетизма находятъ, наконецъ, внимательныхъ слушателей и ревностныхъ послѣдователей; кромѣ того, находятъ даже людей, въ которыхъ идея аскетизма растетъ и выражается какъ-то самопроизвольно. Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на раз-

рядъ фактовъ, весьма выразительныхъ въ этомъ смыслѣ, — это на народное келейничество.

«Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, — свидѣтельствуешь одинъ священникъ, — особенное стремленіе къ аскетизму, даже манія овладѣла жителями и преимущественно дѣвцами села Нечаевки (Пензенской губ.). Взапуски онѣ отказывались отъ замужества и семейной жизни и уходили въ кельи. Деревня относилась къ отказамъ весьма внимательно, какъ къ дѣлу святому». И это было въ указанное время не въ одной только Нечаевкѣ. Келейничество распространилось особенно сильно также въ Самарской, Тамбовской и Воронежской губерніяхъ ¹⁾. Мы уже не говоримъ объ усиленномъ ростѣ крайне суроваго аскетизма на Поволжьи, въ виду закрытія монастырей на Иргизѣ и пр. ²⁾.

Келейничество въ этотъ періодъ слагается въ нѣкоторую систему, вырабатываетъ организацію, близко подходящую къ странничеству. Уходили въ кельи мужчины и женщины, но женщинъ было больше. Мы уже видѣли причину этого: на женщинъ сильнѣе отражается гнетъ семейной жизни и, понятно, сильнѣе, интенсивнѣе ощущается. Въ нѣкоторыхъ селахъ Пензенской губ. келейныхъ насчитывалось по 100, по 200 человекъ. Священникъ села Адашевки, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ.; въ 1862 г. сообщалъ, что всѣ келейницы его прихода, живущія отдѣльно (въ 1862 г.) въ кельяхъ, прежде жили общиною при церкви, въ двухъ кельяхъ, раздѣленныхъ только сѣнями; за одно работали, ѣли за общимъ столомъ, вмѣстѣ молились. Вся Адашевка съ похвалою отзывалась о строгомъ образѣ жизни сестеръ. Такія же общины наблюдались и въ другихъ мѣстахъ. Кельи заводились вскладчину и при усердной помощи деревни. Въ нихъ жило отъ 8 до 12 сестеръ — крестьянскихъ дѣвицъ въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ. Общины составлялись по соглашенію: родные и чужие жили на равныхъ основаніяхъ; всегда находилось въ нихъ мѣсто безпріютнымъ сиротамъ. Когда умирала одна сестра, на мѣсто ея принималась другая, вступавшая во всѣ права покойной. Одиночки-келейницы завѣщали свои кельи другимъ. Иногда прямо деревенскія общества строили кельи желающимъ, возлагая на нихъ зато обязанность принимать странниковъ-богомольцевъ. Въ кельи уходили и холостые, и женатые, или замужнія — все равно. Напр.,

1) «Пенз. Епарх. Вѣд.» 1871 г. № 13.

2) *Діонисіевъ*: «Движенія въ расколѣ». «Отч. Зап.» 1874 г., № 11.

одна 50-ти лѣтняя женщина ушла отъ старика-мужа съ двумя взрослыми дочерьми «изъ любви къ страннопріимству». Старикъ выстроилъ имъ и особую келью. Иногда мужъ съ женой расходились и каждый ставился особой кельей. Молодые люди, ушедши въ келью, пользовались полнѣйшей свободой: никто не предъявлялъ имъ никакихъ требованій, не заявлялъ на нихъ правъ власти; тѣмъ не менѣе, молодежь вела очень строгую жизнь въ молитвѣ, постѣ и богомыслии. Въ свое время все это обратило вниманіе властей. На запросы слѣдователей, зачѣмъ уходятъ въ келью, отвѣчали: одна, что она ушла для огражденія отъ мірскаго соблазна и по желанію постичать и трудиться ради Бога; другая, — что странничество и страннопріимство—единственный путь отвергнуться міра и облегчить душѣ путь къ Богу. Выяснялась изъ дальнѣйшихъ возрѣній цѣлая система наивнаго дуалистическаго пессимизма—борьбы въ мірѣ и человѣкѣ двухъ началъ: добраго и злаго и побѣды добра надъ зломъ при концѣ міра. Отношеніе келейныхъ къ церкви оказалось очень двусмысленнымъ. Они строго исполняли всѣ предписанія церкви, но можно было думать, что подобное поведеніе лицемѣрно. «Стѣны церкви ничего не прорекуютъ, къ проповѣданію же слова Божія пастыри небрегутъ», — говорятъ келейные. Странничество и страннопріимство считаются келейными величайшими добродѣтелями. Каждый келейный считаетъ своимъ обязательнымъ долгомъ отправиться хотя бы разъ въ годъ въ странство—на поклоненіе св. мѣстамъ, въ Кіевъ, въ Соловки и пр. Въ качествѣ странниковъ къ святымъ мѣстамъ, келейные принимаютъ пожертвованія въ Іерусалимъ и на Афонъ и пересылаютъ туда значительныя суммы денегъ. За образки, крестики и пр., приносимые изъ св. мѣстъ, келейные получаютъ не мало подарковъ, которые дѣлятся поровну—на взаимную поддержку. У келейныхъ есть, наконецъ, и нѣкоторая организація, подходящая къ страннической; они дѣлятся на братьевъ и сестеръ и учителей. Братья иногда живутъ и въ семьяхъ; это еще не совсѣмъ отрѣшившіеся отъ міра. Учителя постоянно странствуютъ, но у каждаго обязательно есть своя, особая келья. Каждый учитель, повидимому, имѣетъ свой «приходъ» — верстъ на 30 кругомъ своего мѣстожителства. По этому кругу онъ и странствуетъ, останавливаясь по временамъ въ разныхъ мѣстахъ для поученія и богослуженія.

При такихъ-то предрасположеніяхъ начинается развиваться странничество. Изъ плеяды талантливыхъ учителей согласія, явив-

шихся въ 20—30-хъ годахъ, мы остановимся на самомъ вліятельномъ распространителѣ странничества, пользующемся громаднымъ авторитетомъ среди своихъ и большимъ уваженіемъ другихъ согласій. Никита Семеновъ, крѣпостной крестьянинъ Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губ., сталъ старовѣромъ еще лѣтъ 10-ти отъ роду. Онъ былъ бродячій портной и больше всего работалъ въ Угличскомъ уѣздѣ, гдѣ въ ту пору было особенно много послѣдователей филиппова и едосѣева согласій. Съ ними Никита, по его собственнымъ словамъ, «за присущее ему раченіе спасти душу— много занимался понятіемъ о вѣрахъ». Должно быть, отсюда онъ перебрался въ Москву. Надѣленный отъ природы счастливыми способностями, онъ, очевидно, какъ и Ефимъ, не удовлетворился поученіями провинціальныхъ книжниковъ. Любознательность и жажда такой могучей вѣры, которая захватывала бы человека всего безъ остатка, влекли его дальше. Въ Москвѣ Никита ревностно продолжалъ знакомиться съ поученіями разныхъ согласій, вникать въ ихъ споры и разногласія, занимаясь, въ то же время, торговлей. Понятно, что московскіе сектанты 30-хъ годовъ еще меньше могли удовлетворить искренняго искателя истины вроде Никиты, потому что въ эту пору между согласіями, укрѣпившимися и разжившимися здѣсь, шли мелочные споры и раздоры, доходившіе иногда просто до мелкихъ, пошлыхъ дразгъ и сплетень, кончавшіеся унижительными скандалами, или постановленіями «соборовъ», рѣзко противорѣчивыми завѣтамъ первыхъ «остальцевъ» древляго благочестія. Согласія въ Москвѣ въ это время были уже очень богаты. Вожди и наставники ихъ мало заботились о пропагандѣ, а занимались, главнымъ образомъ, устройствомъ и веденіемъ торговопромышленныхъ предпріятій и подвліяніемъ окружающей среды все больше и больше привыкали игнорировать свою традицію. Только представители странничества были еще вѣрны ученію своего основателя, вели строгій образъ жизни, рѣзко обличали въ отступничествѣ отъ вѣры «другихъ вѣръ сектарей». Въ своихъ исканіяхъ Никита натолкнулся и на нихъ и странничество увлекло его своею послѣдовательностью и, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ искренностью проповѣдниковъ. Перешедши въ странничество, Никита бросилъ торговлю. Онъ обратилъ все свое имущество и товаръ въ деньги, изъ которыхъ часть оставилъ у себя, а другую отдалъ въ вѣрныя руки торговцевъ-старовѣровъ и затѣмъ ушелъ съ двумя товарищами на Поморье. Здѣсь съ 30-ю послѣдовательно при-

обрѣтенными учениками онъ прожилъ около 15 лѣтъ. Прослышавши о распространѣніи странничества въ Поморьи, онъ перешелъ туда, устроился въ Романово - Борисоглѣбскомъ уѣздѣ у одной *келейницы*, принадлежавшей къ согласію, и началъ пропаганду своего ученія. Онъ поражалъ старовѣровъ своею обширною начитанностью и ловкою изворотливостью въ спорахъ. Страстная дѣятельность на пользу согласія, эрудиція и личный характеръ скоро доставили ему почетную извѣстность въ сектантскомъ мірѣ и главенство въ своемъ согласіи, которое онъ удержалъ и до сихъ поръ. Странничество расло не только въ Ярославской губерніи; Никита Семеновъ распространилъ его и въ Вологодской губ., гдѣ лѣсная глушь на огромныхъ пространствахъ даже теперь даетъ полную возможность практически осуществлять главную задачу сектантовъ—бѣгство. Изъ Вологодской губ. Никита ходилъ въ Москву. Здѣсь на слѣдъ его напала полиція и, когда онъ, обдѣлавъ свои дѣла, хотѣлъ было уже снова воротиться въ вологодскіе лѣса, то былъ схваченъ. Это случилось въ 1854 г. Только за 3—4 года предъ тѣмъ власти узнали о существованіи секты и теперь старались ее искоренить. О Никитѣ знали уже изъ показаній попавшихся сектантовъ. Никитѣ приходилось плохо, а, между тѣмъ, онъ только что разошелся, былъ возбужденъ успѣхомъ. Онъ заявилъ, что желаетъ возвратиться «въ лоно церкви». Ему повѣрили и отпустили на волю. Но изъ показаній странниковъ, взятыхъ вскорѣ послѣ его освобожденія, узнали, что Никита «раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ» притворно, что онъ «какъ ни въ чемъ не бывалъ»—продолжаетъ усердно «сворачивать» православныхъ. Его снова взяли. Никита опять хотѣлъ было продѣлать ту же комедію, но на этотъ разъ ему уже не удалось никого обмануть и онъ былъ сосланъ въ Соловки. Здѣсь, впрочемъ, Никита недолго пробылъ, бѣжалъ и въ 1864 г. уже дѣлается извѣстно, что онъ снова разъѣзжаетъ по Россіи. Онъ живъ и теперь и, какъ говорятъ, продолжаетъ свою работу.

Никита Семеновъ—пропагандистъ-писатель и даже поэтъ. Его извѣстная «главизна» «Малый обрядъ ересей»¹⁾ вся состоитъ изъ нападокъ на другихъ сектантовъ за уклоненія отъ вѣры,—нападокъ, имѣющихъ, какъ мы видѣли, совершенно реальное основаніе, искреннихъ, но за то придиричивыхъ. Безпоповцы, по сло-

¹⁾ „Сборникъ“ Рум. музея, № 1,277.

вамъ Никиты, «власть антихриста за благоую признали и вѣрѣ своей поругались. Описью себя заключили неизбѣжнымъ быть отъ власти міродержца; поступають въ начальство съ присягою; съ нечестивыми въ совѣтъ пришли въ строеніи мірскихъ дѣлъ; въ нечестіи воинскаго ига—сопричастницы: аще и не собою, а нанимають—все едино, еще и горше, если вмѣсто себя въ нечестье послать. Писаніе повелѣваетъ не просто всякой власти дань даяти, но должная только отдавать той, которая отъ ратныхъ хранить и житье мирно творить. Старообрядцы же противно сему мудрствуютъ и врагу, иже церковь смущаетъ и рать творить,—дань давать научають. А писанье крѣпкую брань къ сему повелѣваетъ имѣть, а не дань давать». Обращаемъ вниманіе изслѣдователей, толкующихъ о противугосударственныхъ тенденціяхъ согласія, на эту тираду. По нашему мнѣнію, она указываетъ скорѣе на принципиальное признаніе государства, его необходимости. Только вмѣшательство государства въ дѣла вѣры и церкви заставляетъ автора цитаты протестовать. Выше же мы выслушали другаго теоретика-странника, который, признавая также существенное значеніе государства, требуетъ, напротивъ, отъ него вмѣшательства въ дѣла вѣры — для искорененія «ересей», которыя съ Никона овладѣли нашею церковью. Этотъ послѣдній авторъ больше субъективенъ, больше убѣжденъ въ истинѣ своей вѣры, больше фанатиченъ. Онъ хочетъ, чтобы его вѣру государство поддержало и потому что этого нѣтъ—отвертывается отъ него, какъ антихристовъ. Тѣмъ не менѣе, оба автора далеки отъ мысли протестовать противъ самой сущности государственнаго принципа. Больше того: у обоихъ просвѣчиваетъ признаніе его важности, его значенія для мирнаго культурнаго развитія. Называя себя старовѣрами, «сектари другихъ вѣрѣ», по мнѣнію Никиты, поступають «не отъ Божія Духа, ибо вѣра христіанская ничего стараго не имѣетъ, но паче юнѣетъ»... «Егда разсыпая рука освященная и видимаго причастія нѣсть, то остался въ церкви одинъ чинъ житія дѣвственнаго и дѣтелью (дѣлами) причащатися и внѣ мірскихъ попеченій подобаетъ проходить по писанію», а сектари «противно разумѣють и дѣйствуютъ, и того ради противницы благочестію, и не дѣвственицы, и безъ причастія обрѣтаются одержимы... Дѣвственное житіе проходити глаголють, а съ женскимъ поломъ вкупѣ живутъ, такожде и жены съ мужьями, еретическимъ бракомъ совокуплени, родити попускають» и проч. Словомъ, на этой «главизнѣ» отразились

сильно московскія впечатлѣнія Никиты, но чего-нибудь новаго для странничества она не даетъ. Гораздо интереснѣе стихотворные опыты Никиты Семенова. Они опредѣлительно выясняютъ тотъ поворотъ къ мистико-дуалистическому аскетизму, на который мы указывали выше. Объ антихристѣ тутъ уже и рѣчи нѣтъ.

Горе мнѣ, увы мнѣ;
 Во младости молодой!
 Самъ-то я не знаю
 На свѣтѣ какъ жить,
 Не знаю какъ быть!
 Мысли побиваютъ,
 Къ грѣху привлекаютъ...
 Плоть моя желаетъ
 Больше согрѣшати,
 А душа желаетъ
 Царство получить.
 ...Юность моя, юность.
 Быстро ты стрекаешь,
 Душу погубляешь,
 Грѣховъ прибавляешь!...
 Очи много видятъ,
 Уши много слышать,
 Руцѣ много грабятъ,
 Нози много ходятъ,—
 Гдѣ бы и не надо
 Вездѣ поспѣваешь!...
 Къ Богу ты лѣнива,
 Ко грѣху ретива!...
 ...Какъ, тебѣ я буду
 Младой угрѣдати
 Душѣ на погибель?
 ... Сижу я на борзѣ конѣ
 И той необузданъ—
 Смирить коня нечѣмъ.
 По горамъ, по холмамъ
 Прямо конь стрекаетъ,
 Меня разбиваетъ,
 Умъ мой помрачаетъ...
 Внѣ ума бываю,
 Дѣю что—не знаю;
 Вижу я погибель,
 Страхъ меня объемлетъ...

А дьяволъ силенъ; вездѣ и всюду сѣтъ онъ приманки для юности, ставитъ свои сѣти. Узкій и широкій пути лежатъ пе-

редь Божьимъ судомъ. Узкій — смирять страсти, бѣжать отъ грѣха, славить Бога, постоянно молить его о помощи; широкій путь — «по своей волѣ жити, во прелестяхъ быти» и понасть, въ концѣ-концовъ, въ преисподнюю. Выборъ очевиденъ. Трудно идти по узкой тропинкѣ аскетизма, но за то награда велика впереди. Да и, притомъ, борьба съ грѣхомъ, все-таки, не представляетъ непобѣдимыхъ трудностей, — вѣрить авторъ. «Подождемъ, — говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи, — пока пройдетъ юность; улягутся страсти, тогда подберемъ у коня поводья и будемъ (его) направляти по пути смиренну и душеполезну». И ожиданіе это не оказывается напраснымъ. Борьба даетъ результатъ, душевное равновѣсіе приобрѣтено, и человѣкъ отдается весь спокойному созерцанію Бога въ природѣ.

Вмѣсто прелести и славы,
Зрю я въ темные лѣса,
Поминути, вмѣсто власти,
Взоръ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсенъ,
Меня птички веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывать мнѣ велятъ...
Гдѣ кукушка воскукуетъ
На пустынныхъ деревьяхъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ...
...И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ
Чтобъ не помнить никогда.
Поля зланы и долины
Здѣсь блистаютъ красотой:
Всѣ пріятны мнѣ и милы,
Но считаю все мечтой...

И такъ, убивай страсти, пожеланія и помыслы житейскія, удались отъ міра, направь всю свою волю на спасеніе души своей, — вотъ послѣдняя жизненная цѣль человѣка на землѣ. Убивай плоть: она грѣхъ и зло, она отъ дьявола, она влечетъ къ погибели только и единственно. Странствуй — съ неудобствами и лишеніями — это самое надежное средство освободиться отъ житейскихъ привязанностей.

Гдѣ бы ни жить,
Единому Богу служить,

Бояться моего Господина,
А не такъ жить, какъ скотина.

Если ужъ для тебя невозможенъ подвигъ странничества, если жизнь засосала тебя въ свою тину раньше, чѣмъ ты услышалъ слово истины, то, по крайности, облегчай подвигъ другихъ, содѣйствуй ему:

Странна или нища—не забуди никого,
Какъ друга или брата своего.
Богъ о странныхъ и нищихъ всегда печется,
Не бойся,—и отъ тебя за то на будущемъ судѣ не отречется.
Аще что имаши,—подай странну и нищу,
Да тѣмъ себѣ на небеси уготовиши нищу.
Аще и разбойникъ просить,—онъ такое же существо,
Господь сотворилъ тебя и его въ свѣдѣ естество...

Такова мораль странничества въ ея послѣднихъ, житейскихъ приложеніяхъ. Вездѣ и всюду забота исключительно о личномъ спасеніи. Въ такомъ именно видѣ совершенно индифферентнаго къ міру аскетизма распространилось странничество, такой характеръ окончательно сообщенъ ему массою послѣдователей согласія. Разсужденія странниковъ, ихъ любимое чтеніе, особенно чтимые ими святые,—все идетъ по одному направленію. Духовные стихи объ Юсафѣ-царевичѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ постоянно расцѣвуются странниками. Житіе и творенія Ефрема Сирина и другихъ подвижниковъ - аскетовъ, житія Маріи Египетской, Бирика и Гулиты (особенно почитаемыхъ, какъ покровители согласія въ Вятской губерніи) и другихъ подвижниковъ и подвижницъ, отказавшихся отъ мірскихъ почестей и «прелестей», апокрифы богомильскаго происхожденія,—все это представляетъ наиболѣе ходовое и любимое чтеніе странниковъ и ясно отмѣчаетъ направленіе и характеръ странническаго настроенія и симпатій¹⁾.

Распространеніе странничества начинается сначала въ Ярославской губерніи. Любимымъ мѣстомъ странствованій Ефима были пошехонскіе лѣса. Послѣ его смерти, его неразлучная спутница, Ирина, поселилась въ с. - Сопѣлкахъ, Ярославскаго уѣзда, и продолжала проповѣдь ученія покойнаго друга. Сопѣлки дали первыхъ прозелитовъ согласія, которое здѣсь прочно укор-

¹⁾ Даже самая манера проповѣди носитъ строгій характеръ беспощаднаго аскетизма. Странникъ - проповѣдникъ входитъ въ домъ со словами: «аще хочешь спасти душу свою, приими мя, странника, Христа ради, аще же ни, прахъ отрясу отъ ногъ твоихъ». Затѣмъ онъ владеть до 1000 поклоновъ и начинаетъ учить «не по церковному, какъ говорятъ мужики, а строго и страшно». (Рус. Архивъ 64 г., стр. 616).

нилось. Поэтому Сопълки сдѣлались главнымъ, руководящимъ центромъ странничества, откуда проповѣдь пошла дальше. Костромская, Нижегородская, Вологодская, Олонецкая губернии съ своими дремучими лѣсами, удобными для сокрытія, скоро привлекли къ себѣ вниманіе учителей согласія и дали для него не мало послѣдователей. Изъ скита, основаннаго еще Никитой на Топь-озерѣ, странничество распространилось дальше на сѣверъ— въ Архангельскую губернію. Изъ Костромской губернии оно перешло во Владимирскую (Шуйскій уѣздъ). Въ 50-хъ годахъ странничество обозначилось въ Московской и Тверской губерніяхъ. Въ то же время, оно появилось въ губерніяхъ Симбирской, Саратовской, Пермской, Вятской. Начиная съ 54 г., водворенные на поселеніе въ Сибири сектанты устроили пристани и приобрѣли послѣдователей по большой сибирской дорогѣ вплоть до Ярославля. Странники, остававшіеся въ Сибири, селились въ Томской губ. на р. Кіѣ — въ кельяхъ, устроенныхъ или въ береговыхъ горахъ, или въ глухомъ лѣсу. Принимая на себя обязанности страннопріимства, они обзаводились хозяйствомъ, распахивали поля и огороды. Къ 1852 г. странническихъ «пристаней» было только въ Европійской Россіи 600. Всѣ странники данной мѣстности группируются около одного какого-нибудь селенія, старѣйшаго по появленію въ немъ согласія, болѣе зажиточнаго и вліятельнаго, которое становится центромъ. Метрополія этихъ маленькихъ «приходовъ» — Сопълки. Здѣсь собирается «верховный совѣтъ» и судъ странниковъ («верховный совѣтъ» составляется изъ наставниковъ разныхъ мѣстностей, разбираетъ вопросы вѣры и жалобы членовъ другъ на друга). Сюда на Пасху приходятъ человѣкъ по 100 наставниковъ и рядовыхъ членовъ для празднованія ея по своимъ обрядамъ. Здѣсь до 60 годовъ крестились въ секту. Крестьяне въ Сопѣлкахъ живутъ вообще зажиточно; земледѣліемъ почти не занимаются; многіе имѣютъ хорошіе капиталы и торгуютъ лѣсомъ и хлѣбомъ. Изъ другихъ центровъ странничества отмѣтимъ богатую деревню Коробово, Костр. у., родину Сусанина, долго злоупотреблявшую данною ей льготой: свободою отъ въѣзда земской полиціи. Благодаря этой льготѣ, тутъ пристанодержательство развилось широко. Обратимъ еще вниманіе на с. Вичугу (Кинешем. у.), на с. Иваново (теперь городъ, Шуйск. у.) и на Кимру (Каляз. у., Твер. губ.). Все это богатые торговопромышленныя мѣстности, нуждающіяся въ рабочихъ рукахъ, изстари наполненныя старовѣрами—ведосѣвыми,

филипповыми, спасовыми и пр. Вообще отмѣтимъ по этому поводу характерное явленіе. Купцы, владѣльцы фабричекъ и заводовъ, рыбопромышленники и судовщики въ 40 — 50 годахъ особенно охотно переходили въ странничество (но не въ странство) и устраивали пристани для странниковъ. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется въ сущности очень просто: зажиточные люди, владѣльцы какихъ-нибудь предпріятій отнюдь не бросали своихъ дѣлъ; они только ловко пользовались и подавными, какія собирали безсребреники-учителя, отдававшіе ихъ пристанодержателямъ (а это представляло часто приличныя суммы), и даровымъ трудомъ рядовыхъ странниковъ, не бравшихъ за трудъ «антихристовыхъ знаковъ» и не взыскательныхъ, скромныхъ, угодливыхъ, благодаря отсутствію паспортовъ и, такимъ образомъ, полной зависимости отъ пристанодержателей. Весною начинается движеніе странниковъ. Изъ своихъ зимнихъ пріютовъ они выходятъ въ странство. Главный сборный пунктъ ихъ въ это время Нижегородская губернія. Сюда приходятъ странники изъ окрестныхъ губерній и потомъ отправляются внизъ по Волгѣ «по божьей дорогѣ» къ «Разгуляю городку» (Астрахани) на купеческихъ расшивахъ съ хлѣбомъ, на рыболовныхъ судахъ, сплавляемыхъ нижегородскими судостроителями, съ караванами дровъ въ видѣ бурлаковъ, судорабочихъ, — преимущественно у своихъ пристанодержателей, хотя и вообще владѣльцы грузовыхъ судовъ охотно берутъ безпаспортныхъ странниковъ, какъ честныхъ, воздержныхъ, хорошихъ рабочихъ, притомъ, дешевыхъ, трудящихся за плату натурой.

V.

40—50 годы представляютъ періодъ наибольшаго распространенія странничества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало его извращенія. Страннопріимство становится простымъ пристанодержательствомъ и является цѣлая масса людей, желающихъ воспользоваться согласіемъ просто для расширенія торговыхъ оборотовъ. Покровительство согласію со стороны богатыхъ купцовъ, становящихся даже членами секты, въ это время особенно усиливается. Странничество въ Иваново-Вознесенскѣ, среди купцовъ въ Казани и пр. распространяется какъ разъ въ 50 годахъ. Но если даже мы не обратимъ вниманіе на эту сторону дѣла, если мы обратимся къ «истовымъ» странникамъ, дѣйствительно спасающимся, то и среди ихъ замѣтимъ признаки разложенія. Да это и понятно. Странниче-

ство даже съ послабленіями, если не принимать ихъ формально, какъ «страннопримцы»-купцы, слишкомъ уже сильно натягивало всѣ струны человѣческой души, чтобы онѣ могли долго держать одинъ тонъ. Аскетизмъ въ непосредственной натурѣ можетъ явиться только въ видѣ порыва, сильнаго, положимъ, но непродолжительнаго, какъ всякое напряженное чувство. Для того, чтобы напряженіе поддерживалось, нужно слишкомъ много сознательной работы надъ собой, нуженъ цѣлый рядъ искусственныхъ выдержекъ, строго систематизированный рядъ соответствующихъ занятій, размышленій и бесѣдъ, которыя бы поддерживали экзальтацию чувства на одномъ уровнѣ. Индѣйскіе, египетскіе, сирійскіе и другіе аскеты - подвижники сознательно вырабатывали системы борьбы съ грѣхомъ. Нашъ непосредственный аскетъ не зналъ ничего подобнаго. Онъ убѣжденъ, что побѣдить страсти вовсе не такъ трудно: подождать только надо, пока юность «прострекаеть». Аскетъ-странникъ, несмотря на восхваленія пустыни, все-таки, «на міру» надерживается, работаетъ нерѣдко, какъ и всякій другой человѣкъ — мірской, и его страстный порывъ скоро таетъ. Таетъ порывъ и оттого, что въ странствѣ отъ души отлегаеть та тяга, которая выгнала изъ міра, и такъ какъ ощущеніе тяги было несознательно, то полученное облегченіе удовлетворяеть человѣка и цѣль его странства начинаетъ тускнѣть. Онъ-то самъ думаетъ, что страсти побѣдилъ и оттого ему стало такъ легко, а на самомъ дѣлѣ чѣловѣкъ чѣловѣкомъ тѣмъ же остался и съ тѣми же «страстями», только житейская горечь немного забылась, постерлась въ странствованіяхъ. И оттого таетъ порывъ, что люди на подвижника смотрять, а не безлюдная пустыня, гдѣ чѣловѣкъ постоянно остается съ неизмѣннымъ сознаніемъ своего ничтожества, гдѣ не можетъ развиваться самообожанія и самовосхваленія, потому что нѣтъ людей для лицемѣрнаго сравненія ихъ съ своей особой. На міру люди преклоняются предъ подвигомъ и это преклоненіе мало-по-малу нечувствительно заставляеть «возмнить о себѣ». Предъ чѣловѣкомъ преклоняются, а онъ наивно думаетъ, что это такъ и надо, что это заслужено. Сознаніе своей высоты сравнительно съ другими развиваетъ властное чувство по отношенію къ этимъ другимъ. Освобожденная личность неизмѣнно стремится подчинить себѣ другихъ, если только не сдерживается широко развитымъ сознаніемъ. Въ то же время, развитіе этого властнаго чувства сопровождается ослабленіемъ воли въ регулированіи своихъ собственныхъ поступковъ. Чѣловѣкъ такъ

высоко сталъ надъ окружающими, что, кажется, достигъ возможнаго совершенства: дальше идти не куда. Самообожаніе доходить до послѣднихъ предѣловъ. Праведникъ, освобожденный отъ грѣха, можетъ уже и не слѣдить за собой: «праведному законъ не лежитъ». Всѣ его помыслы и дѣла чисты, хороши, напередъ оправданы и окулены предшествовавшимъ подвигомъ. Властное чувство въ отношеніяхъ къ другимъ сопровождается полнымъ ослабленіемъ къ себѣ: вся воля уходитъ, такъ сказать, во виѣ. Человѣкъ не замѣчаетъ, прежде всего, самъ ослабленія воли, потому что оно развивается постепенно, сначала въ ослабленіи смиренія и неустаннаго покаяннаго надзора за собой. Человѣкъ проповѣдуетъ смиреніе, а самъ въ себѣ, благодаря поклоненію окружающихъ, раститъ сатанинскую гордость; проповѣдуетъ воздержаніе, а самъ становится мало-по-малу распущеннымъ. Въ исторіи нашихъ сектъ можно сплошь и рядомъ наблюдать подобный путь развитія личностей. Вотъ, между прочимъ, характерная картинка изъ быта странниковъ въ 50-хъ годахъ для иллюстраціи сей часъ высказанныхъ положеній.

Въ 1849 году въ Костромскомъ у. одинъ изъ странниковъ задумалъ въ компаніи съ другимъ, тоже странникомъ, продать, пожертвованную въ пользу согласія, бібліотеку. Одинъ изъ членовъ согласія, Иванъ Жаровскій, воспротивился этой продажѣ. Защищая книги, онъ больно поколотилъ Александра, странника, стоявшаго за продажу, и убилъ Василія. Это происшествіе произвело немалый переполохъ въ согласіи. Надъ виноватымъ назначенъ былъ судъ (согласія) и авторъ письма, которое мы сейчасъ приведемъ, отправился въ качествѣ слѣдователя на мѣсто разузнать какъ было дѣло. «Мы хорошенько не спросили (Ивана Жаровскаго), а онъ самъ ясно ничего не сказывалъ и мы по его смиренію дали ему чинъ суда. Наконецъ, я къ нему прибылъ и что узналъ, ты отнюдь не повѣришь, ибо страшна сія повѣсть весьма. Все Иваново было; и начинаніе, и совѣтъ, и всякій умыселъ, и къ дѣлу приступъ, и рукъ возложеніе... Дометіанъ за едино съ нимъ былъ и они разсудили, что надлежитъ единому умереть, да не всѣхъ онъ (убитый) погубить... Сначала (послѣ убійства) онъ взялъ высокое житъе и крѣпкое покаяніе. И стала братія, какая при немъ была, просить вступить во все распоряженіе надъ нею. Онъ же согласился на сіе и положилъ на братію свой канонъ, и она съ любовью взяла. Но отселѣ Иванъ началъ полагать, что онъ не грѣхъ сотворилъ, убивши Василія. «Я, глаголетъ, ученика моего

въ царство небесное ввелъ.» И сатана показалъ ему въ видѣніи ясно, а не во снѣ, Василья на воздухѣ, и мѣсто, уготованное ему въ царствѣ небесномъ, показалъ же. И видѣлъ тамъ Иванъ два сѣдалища—Васильево и свое. И говорили съ нимъ двое яко ангелы, и велѣли ему поклониться убіенному, и онъ поклонился. Тако ему видѣнія многія были. А когда икона стала чудеса у него творить, то возмечталъ онъ о себѣ зѣло... Всю весну не далъ никому отъ братіи млека ясти, и толико превознесся, что сказалъ: «теперь только въ моемъ монастырѣ спасутся, а вездѣ погибнуть». И всѣхъ насъ, христіанъ, не за христіанъ почелъ, но за іудеевъ. «И книги, сказалъ, сожгу: у меня книги въ сердцѣ. Одно евангеліе оставлю... да и то сожгу, а свое напишу». А что давно и многократно самъ себя Богомъ и Христомъ называлъ, сіе такъ безстыдно. И спрашивалъ: «вѣруете ли въ меня?» И правила потопталъ: «сіе іудейское все», говоритъ. И дерзостно сказывалъ: «мои заповѣди соблюдете, воистину спасетесь, а бойтесь прежде меня, потомъ Бога»... И принуждалъ всѣхъ объявлять ему помыслы каждый день, и кто что скажетъ тайно, все обличить при другихъ, а тѣмъ, которые о помыслахъ блудныхъ говорили, велѣлъ молиться убитому Василью, глаголя: «отъ сего избавить.» И случилось чудо не малое. Василья нашли въ Петровъ день: вымыло — около рѣки былъ зарытъ; ребята малые увидали, да всѣмъ по деревнѣ и объявили. Что было хлопотъ и страху! Мужики деревенскіе опять зарыли мертвеца, а Иванъ перенесъ его ночью и гдѣ новую келью ставилъ, тутъ и зарылъ, возопивъ: «престоль на сихъ костяхъ созижду». (*Труды Ярослав. Статист. Ком.*, вып. 1, стр. 191—193).

Вы скажете, что этотъ Жаровскій нервно-больной, сумасшедшій? Но мы отвѣтимъ, что это неизбежный результатъ извѣстныхъ условій, извѣстной степени развитія, извѣстнаго міросозерцанія. Мы пересчитаемъ вамъ цѣлую массу другихъ примѣровъ точно такого же самообожанія. Илья Ковылинъ говорилъ: «если ангель съ неба придетъ и скажетъ, что слова мои невѣрны, — мнѣ вѣрьте, а не ему». Капустинъ установилъ цѣлый обрядъ съ поклоненіями ему, какъ Христу (*Гакстгаузенъ*, по рус. изд., т. 1, стр. 273). До такого же самообожанія дошелъ и «задурилъ», по выраженію самихъ духоборцевъ, Побирохинъ на Кавказѣ.

Въ томъ-то и дѣло, что подобные факты не единичны; въ исторіи каждой секты ихъ можно отмѣчать десятками и это обстоятельство заставляетъ отнести къ нимъ не такъ «просто»,

какъ къ сумасшедшимъ и исключеніямъ... Сами сектанты осуждаютъ такія выходки, смѣются надъ ними; изъ-за того въ согласіяхъ расколы бывають. Но и въ расколовшихся половинкахъ идетъ тотъ же процессъ развитія и постоянно есть возможность новаго раскола.

Во всякомъ случаѣ, разъ ужъ возможны въ согласіи, такія явленія, какъ личность Ивана Жаровскаго, мы имѣемъ полное основаніе думать, что дѣла согласія начинаютъ идти неладно. И дѣйствительно: первые принципы секты все больше и больше рушатся, или обходятся съ помощію фикцій, или замѣняются новыми—не особенно высокаго качества. Дѣвственность, напр., составлявшая прежде одно изъ необходимыхъ условій странничества, теперь оказывается пустымъ звукомъ. Засвидѣтельствованъ совершенно достовѣрно прямой, беззастѣнчивый развратъ. Что за бѣда? «Тѣло играетъ, да душа непорочна», — гласить странническая поговорка. Семьи нѣтъ — она отрицается, считается зломъ; брака, въ смыслѣ прочнаго союза не существуетъ; —ничего, кромѣ «безпорядочнаго полового смѣшенія», даже теоретизированнаго. Говорятъ: «сожитіе съ законной женой не осуждаютъ и съ ней удобнѣе грѣшить. А незаконное сожительство осуждаютъ и тѣмъ уменьшається тягость этого грѣха». Онъ карается осужденіемъ еще здѣсь на землѣ. Съ одного вола не по семи же шкуръ! Иные рѣшаютъ проще. «Въ антихристово время, говорятъ, праведному законъ не лежитъ», а извѣстно, что праведники на землѣ только странники.

Затѣмъ на ряду съ наставниками вродѣ Ивана Жаровскаго являются чистые проходимцы, беззастѣнчиво торгующіе своими духовными услугами, какъ нѣкій Афанасій, сожженный на Поморьи за лихоимство.

Вообще въ сектѣ шло глухое броженіе, общее недовольство, споры и ссоры, уклоненія отъ доктрины. Но все еще держалось на мѣстѣ; нужда въ передѣлкахъ и поправкахъ не сознавалась ясно. Окружающій антихристовъ міръ все еще гналъ въ секту новыхъ прозелитовъ и все же требовалось поддерживать нѣкоторый декорумъ, по крайности. А, между тѣмъ, подошла великая реформа и многое круто измѣнила въ крестьянской жизни. Прежде всего, свободная крестьянская семья какъ-то сама собой вышла на новую дорогу. Мало-по-малу падалъ семейный деспотизмъ; раздѣлы увеличились страшно: крестьянская личность стала скзываться въ нихъ рѣзко, на первыхъ порахъ, но во всякомъ

случаѣ видно было, что она не замретъ въ однѣхъ формахъ. Семья, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ увеличеніемъ числа раздѣловъ, перестала мало-по-малу казаться зломъ, потому что заявленія личности младшихъ членовъ семьи стали больше уважаться. Все это не замедлило сказаться на сектанствѣ и въ частности на странничествѣ. Въ немъ началось движеніе и ужъ на этотъ разъ вовсе не въ сторону аскетизма. Согласіе, напротивъ, быстро пошло въ сторону примиренія съ дѣйствительностью.

Въ 1863 г. Никита Семеновъ составилъ статьи для управленія братствомъ. *Символическій статейникъ православной церкви*, очевидно, отвѣчаетъ на упреки, обращенные къ странничеству со стороны другихъ согласій по поводу обнаруженныхъ въ согласіи уклоненій отъ доктрины. Въ *Статьникъ* Никита Семеновъ защищаетъ, между прочимъ, законность брачнаго сожитія или, правильнѣе, беспорядочныхъ половыхъ связей въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали до тѣхъ поръ. Онъ доказываетъ также, что крестъ терпѣнія (странничество) тяжелѣе и важнѣе креста Христа (?!). Но, главнымъ образомъ, *Статьникъ* рассчитанъ на увеличеніе власти самого Никиты. Онъ считаетъ себя настоятелемъ всего согласія съ правами епископа: доказываетъ право безъ законнаго рукоположенія управлять церковью, регламентируетъ таинства и, въ виду нападокъ на сребролюбіе странническихъ учителей, устанавливаетъ, какъ должна распредѣляться получаемая ими милостыня. Она дѣлится на 3 части: одна—на настоятелю, другая—на братію, третья—въ кружку на непредвидѣнные расходы.

Статьи Никиты Семенова такъ рѣзко разошлись съ принятой доктриной согласія, что вызвали въ согласіи цѣлую бурю, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ и кончилась тѣмъ, что странничество разбилось на три фракціи. Одна часть примкнула къ Никитѣ Семенову, принявъ его статьи, его духовное руководство; другая—крѣпко держится за ученіе Ефима: до сихъ поръ чурается царства сатаны, отличается фанатизмомъ, упорно отбивается отъ всякихъ сдѣлокъ съ міромъ. Для насъ особенно интересна третья фракція, основанная Косаткинымъ, поддерживавшаяся Михаиломъ Кондратьевымъ, людьми искренними и начитанными (оба они, замѣтимъ мимоходомъ, обратились къ православію). Мы не знаемъ численнаго соотношенія между этими тремя фракціями, но есть основанія думать, что толкъ Косаткина и Кондратьева, впрочемъ, еще не установившійся оконча-

тельно, встрѣченный сначала насмѣшками и бранью, все больше и больше овладѣваетъ симпатіями странниковъ. Толкъ этотъ представляетъ собою полную уступку антихристову міру и, какъ знаменіе времени, очень любопытенъ. Представители его возмутились беззастѣнчивымъ оправданіемъ Никитою Семеновымъ половой распущенности въ согласіи. Косаткинъ выступилъ противъ Никиты Семенова съ заявленіемъ, что бракъ необходимъ съ благословенія церкви (своего согласія), что даже браки, заключенныя въ церкви еретической, правы и святы. Ученіе это особенно понравилось людямъ, уже женатымъ, жившимъ врозь съ своими женами. Для новыхъ браковъ въ самомъ согласіи установленъ особый обрядъ; это—«началь» (семь земныхъ поклоновъ съ Исусовой молитвой) и обѣщаніе при свидѣтеляхъ брачующимся жить вмѣстѣ неразлучно. Эти уступки естественно повлекли за собою дальнѣйшія. Разъ принимается человѣкъ, уже женатый, и бракъ его объявляется правильнымъ, надо признать и необходимость, удерживающую его въ мірѣ. Безбожно, нехорошо уйти въ странство, оставивъ семью безпомощной. Разъ человѣкъ женится и согласіе признаетъ его бракъ, оно должно предвидѣть необходимость осѣдлости современемъ для новой семьи. И дѣйствительно, толкъ Косаткина принимаетъ и креститъ стариковъ, не требуя, чтобы они уходили изъ міра и скрывались. Платящихъ подати, стало быть, сидящихъ на мѣстахъ, не считаютъ совершенно чуждыми спасенія. Признаютъ деньги. Признаніе это вызвало, впрочемъ, протестъ. Страница Любовь основала новую фракцію, которая принимаетъ бракъ, но отрицаетъ деньги. Но это, разумѣется, разногласіе не существенное и, можетъ быть, новый толкъ этотъ уже кануль въ вѣчность, какъ мертворожденный.

Какъ видитъ читатель, реформы предшествующаго царствованія совсѣмъ выбили странничество изъ колеи, давъ крестьянству значительно больше прежняго возможностей развитія своей личности, не выходя изъ рамокъ государственнаго строя. Бракъ, семья около своего очага не представляетъ теперь такого ужаса, какъ при крѣпостномъ правѣ. Любовь не преслѣдуется, не игнорируется, а, напротивъ, больше и больше получаетъ значенія въ дѣлѣ брака; отрицаніе семьи становится все больше и больше неубѣдительнымъ, нетрогающимъ, скорѣе даже отталкивающимъ; запросы личности развиваются и черствый аскетизмъ странничества теперь уже не можетъ ихъ удовлетворить. Согласіе признало бракъ,

признало съ грѣхомъ пополамъ осѣдлость,—оно не остановится на этомъ пути. Въ ученіи Ефима компромиссъ даже для наивнаго ума выставляется явнымъ противорѣчіемъ. Оно все подлежитъ, такимъ образомъ, отрицанію или передѣлкѣ, которая сдѣлаетъ его неузнаваемымъ. Отъ чувственнаго антихриста едва ли много останется, а ученіе объ антихристѣ, царствующемъ духовно, до такой степени быстро въ другихъ сектахъ превращается въ пустой звукъ, въ мертвое слово, не дающее ни одного жизненнаго импульса, что разъ странничество перейдетъ къ нему (а оно переходитъ мало-по-малу; только въ Пошехоніи еще держится Ефимова старина), мы получимъ полное право покончить съ странничествомъ, какъ съ согласіемъ, окончившимъ свое теченіе, завершившимъ путешествіе по магическому кругу.

Среди странниковъ-брачниковъ намѣчается, впрочемъ, новое теченіе мысли, которое, перестраивая доктрину, повидимому, хочетъ совсѣмъ сдать ученіе объ антихристѣ въ архивъ. Въ 1875 г. Михаилъ Кондратьевъ, такимъ образомъ, доказывалъ, что у нихъ есть всѣ таинства. «Мы по чину Мелхиседекову всѣ бываемъ священники отъ св. крещенія, а нужды ради тайну миропомазанія получаемъ также при крещеніи, ибо, по завѣщанію св. апостоловъ, за неимѣніемъ мѣра, довольствуется вода и помазаніе ею. Таинства крови и тѣла приобщаемся ежедневно, егда ограждаемся крестнымъ знаменіемъ двуперстнаго сложенія, ибо въ двухъ перстахъ изображаемъ Христа во двою естеству, и какъ изобразимъ на себѣ крестъ оными персты, то и причастимся онаго естества, еже есть тѣло и кровь Христова. А тайна елеопомазанія совершается у насъ милостынею, понеже въ писаніи милостыня называется елеемъ. О прочихъ же тайнахъ—крещеніи и покаяніи всякій знаетъ, что во время нужды и простецы крестили и на исповѣдь принимали, также и бракъ многожды сводили безъ священныхъ молитвъ по благословенію родителей или при пяти свидѣтеляхъ». Въ этихъ натяжкахъ характерно именно это стремленіе натянуть, этотъ прорывающійся, какъ предчувствіе, впрочемъ, только, духъ рационализма. Если этотъ приемъ мышленія укрѣпится здѣсь, мы можемъ распротиться съ странничествомъ.

Странничество разлагается. Изъ Корчевы въ 1881 г. писали: «Недавно одинъ изъ странниковъ Корчевскаго уѣзда донесъ кому слѣдуетъ изъ корчевскаго начальства о существованіи въ уѣздѣ этихъ сектантовъ, съ указаніемъ на имена и мѣстожителство нѣкоторыхъ изъ нихъ. Причиной, побудившей странника къ доносу,

по его собственному заявленію, служить то обстоятельство, что за послѣднее время странники стали жить довольно открыто, начали явшатся съ православными, однимъ словомъ, повели себя слабо и отъ этого самаго впали въ большой грѣхъ; а потому онъ посредствомъ своего доноса хотѣлъ сдѣлать то, чтобы они, странники, приняли гоненіе и попрежнему начали бы скрываться» (*Руск. Курьеръ*).

Это ужь, разумѣется, послѣднее дѣло — прибѣгать для возвращенія людей на путь истины къ такимъ «героическимъ средствамъ». Хотя, съ другой стороны, наличность такихъ фанатическихъ борцовъ за *statu quo* согласія еще способно на нѣкоторое затянуть его жизнь. Такой «упорный» проповѣдникъ еще, можетъ быть, и нѣсколько десятковъ народа въ свою вѣру обратить. Но явленія атавизма уже подлежатъ особому изслѣдованію, а всякое возрожденіе странничества несомнѣнно только такимъ явленіемъ и можетъ быть.

И. Харламовъ.